

РУБИ ДИКСОН

**ВАРВАРЫ
ЛЕДЯНОЙ ПЛАНЕТЫ**

**ЛЮБОВНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

Вы думаете, что быть похищенной инопланетянами — самое худшее, что могло со мной случиться. И вы бы ошиблись. Потому что прямо сейчас у инопланетян возникли проблемы с их кораблем, и они бросили свой груз, состоящий из человеческих женщин — включая меня — на ледяной планете.

А знаете, какой единственный местный житель, которого я встретила? Он большой, рогатый, синий и очень, очень неровно дышит ко мне...

Руби Диксон

Варвары ледяной планеты

ДЖОРДЖИ

До вчерашнего дня я, Джорджи Каррутэрс, никогда не верила в инопланетян. О, наверняка, где-то во Вселенной живут самые разные разновидности, но если бы кто-то сказал мне, что неподалеку от Земли в своих летающих тарелках висают маленькие зеленые человечки, только и выжидая, чтобы похитить людей? Я бы сказала им, что они сошли с ума.

Но это было вчера.

Сегодня? Сегодня — совсем другое дело.

По-моему, все это началось вчера вечером. В целом, все было как обычно. После долгого рабочего дня кассиром в банке я вернулась домой, разогрела полуфабрикаты, съела их, смотря телевизор, и задремала на диване, прежде чем, спотыкаясь, добралась до своей кровати. Я бы не назвала себя любителем вечеринок, и к тому же был вторник, а в будни мы все работаем, никаких развлечений. Я легла спать, а после этого началась какая-то странная чертовщина.

У меня были такие странные сны. Не стандартные сны о потере зубов или как ты голая стоишь перед всем классом. Они были намного более зловещими. Сны о лишениях и одиночестве. Сны о страданиях и холодных белых комнатах. Сны о вхождении в туннель и наблюдении несущегося на тебя поезда. В этом сне я пыталась поднять руку, чтобы защититься от света.

Только вот, когда я хотела поднять свою руку, то не смогла.

Это разбудило меня. Я прищурилась на крошечную лампочку, которой кто-то светил мне в глаза. Кто-то... светил мне чем-то в глаза? Я моргнула, пытаюсь сосредоточиться, и поняла, что мне это вовсе не снится. Кроме того, я была не дома. Я была... где-то в другом месте.

Затем свет погас, и зачирикали птицы. Я снова прищурилась, чтоб мои глаза приспособились к темноте, и обнаружила себя окруженной... существами. Существами с продолговатыми черными глазами, гигантскими головами и тощими бледными руками. Маленькие зеленые человечки.

Я закричала. Честно говоря, я кричала как резаная.

Один из инопланетян склонил свою голову надо мной, и звук чириканья птиц повторился, несмотря на то, что его рот оставался неподвижным. Что-то горячее и сухое полностью закрыло мой рот, заставляя задыхаться, и отвратительный запах заполнил мои ноздри. Вот черт. Я что, умру? Как сумасшедшая я задвигала челюстью, пытаюсь дышать, даже, несмотря на то, что мир вокруг меня стал погружаться во мрак.

Затем я вернулась в сон, в котором мне снилась работа. Мне всегда снится работа, когда я сильно нервничаю. В течение многих часов подряд разгневанные клиенты банка кричали на меня, когда я все пыталась разорвать обертку, чтобы открыть пачки двадцаток, которые, казалось, никогда не откроются. Я пыталась сосчитать выдаваемую сдачу, а меня только отвлекали. Как правило, сны о работе самые худшие, но вот именно этот был облегчением. Никаких поездов. Никаких инопланетян. Только банковские операции. Я могу смириться с банковскими операциями.

И в связи с этим, мне стоит начать рассказывать... отсюда.

Я прихожу в себя, не совсем понимая, где нахожусь. Мои глаза незаметно приоткрываются, и я пристально осматриваюсь вокруг. Запах такой, будто я нахожусь в канализации. Мое тело везде чертовски болит, голова кружится, а мысли путаются, как будто я все еще не до конца проснулась. Я ощущаю тяжесть в своих конечностях.

«Меня накачали наркотиками», — понимаю я. — «Кто-то накачал меня наркотиками».

Не кто-то. А что-то.

Мое дыхание учащается, как только мысленный образ темноглазых инопланетян всплывает в памяти. Я начинаю высматривать их, но в помещении я, кажется, одна.

Слава Богу.

Я прищуриваюсь в приглушенном освещении, пытаюсь разглядеть, что меня окружает. По-видимому, это большая, мрачная комната, без окон. Бледно-оранжевый свет струится из маленьких, идущих подряд, труб в потолке в двадцати футах выше. Стены сами по себе черные, и если бы я не знала наверняка, то сказала бы, что место, где я нахожусь больше похоже на грузовой отсек из какого-нибудь странного научно-фантастического фильма. На стене напротив меня я насчитываю шесть больших шестифутовых металлических труб, выстроенных около стены в линию, на подобии шкафчиков. Оранжевые и зеленые огни бегут вверх-вниз по стенкам труб в самых разных вариациях извилистых линий и точек, которые могли бы быть, своего рода, инопланетной письменной формой. На дальней стене расположена продолговатая овальная дверь. Однако до двери добраться я не могу, потому что нахожусь за какой-то металлической решеткой.

А еще эта отвратительная вонь! Вообще-то, это не один запах, их несколько. Похоже на коктейль из мочи-дерьма-рвоты-пота, и меня от него тошнит. Я пытаюсь накрыть нос рукой, но реакция тела такая заторможенная; все, что мне удастся сделать, — немного повернуться. Тьфу!

Я поворачиваю свою одурманенную, тяжелую голову, оглядывая помещение. На самом деле, теперь, когда я озираюсь, то замечаю, что не одна. Здесь есть и другие люди, загнанные в кучу по эту сторону решетки, свернувшиеся калачиком и спящие. В недостаточном освещении я насчитываю семь, возможно, восемь фигур моего размера, прижавшиеся как щенки друг к другу. Учитывая, что мы все на этой стороне металлической решетки, я подозреваю, что нахожусь в какой-то тюремной камере.

Или клетке.

Кажется, что я попала в большие неприятности.

Комната, в которой мы находимся, по своим размерам позволяет стоять во весь рост, но не больше. По крайней мере, здесь со мной нет ни одного инопланетянина. Мне хочется поддаться панике, но я еще слишком плохо соображаю. Я будто вошла в кабинет стоматолога и получила дозу веселящего газа. Мне тяжело сосредоточиться хоть на чем-нибудь.

Мои голые предплечья болят, и я по инерции начинаю массировать их пальцами. И вдруг обнаруживаю на руке несколько небольших опухолей, которых прежде там не было, и я натираю их сильнее, чувствуя под кожей что-то твердое. Какого черта? В темноте я пытаюсь присмотреться к ним, но мне ничего не видно. Образы инопланетян и лампы, которой светили мне в глаза, кошмары, ужас — все это приобретает смысл, и я запаниковала. Всхлип вырывается из моего горла.

Вдруг чья-то ладонь касается моей руки.

— Не кричи, — шепчет девушка.

Я поворачиваю свою слишком тяжелую голову до тех пор, пока не замечаю говорившую девушку. Она примерно моего возраста, но белокурая и худее меня. У нее длинные и грязные волосы, а на худом лице слишком большие глаза. Девушка оглядывается, а затем прикладывает палец к своим губам в случае, если я не понимаю ее предыдущее предупреждение.

«Сохранять тишину. Ясно. Хорошо». Я подавляю крик, который поднимался у меня в горле, и стараюсь сохранять спокойствие. Я киваю блондинке. «Не кричать. Не кричать. Я могу взять себя в руки. Я могу».

— Ты в порядке?

— Дыааа... — я произношу невнятно, мои губы не в состоянии выговаривать слова. И... я пускаю слюни прямо на себя. Замечательно. Я поднимаю одну из своих потяжелевших рук, чтобы опустить на свои губы. — Прости...

— С тобой все в порядке, — говорит она, прежде чем я снова ударюсь в панику. Ее голос тихий, чтобы не разбудить остальных. — Мы все немного с похмелья, когда просыпаемся. Они одурманивают каждую, кто попадает к ним. Чуть позже это перестанет действовать. Я — Лиз.

— Джоорджиини, — произнести собственное имя заняло некоторое время, чтобы сказать его правильно. Я потираю руку и указываю на них, на странные опухоли. — Шшшш что происходит?

— Так вот, — говорит Лиз, — тебя похитили инопланетяне. Но, по-моему, это вполне очевидно, верно?

Я криво улыбаюсь. Ну, или стараюсь улыбнуться. Я, вероятно, в конечном итоге, лишь снова обслюнявлю себя.

Лиз перемещается рядом со мной.

— Итак, давай посмотрим, удастся ли мне изложить самые основные моменты. Все остальные здесь? — она указывает пальцем на остальных все еще спящих людей в клетке. — Они также были похищены. Все с Земли, большинство американки. Думаю, что есть и канадка. Тебе двадцать два?

— Дыаа.

— Да, я так и думала. Как и всем нам. Дай-ка угадаю: живешь одна, не беременна, никаких серьезных проблем со здоровьем, другие родственники поблизости не живут?

— Каак...

— У всех девушек, которых они похищают, одна и та же история. За исключением Меган. Она была беременна. На двухмесячном сроке... Она рассказала, как они вакуумом прервали ее беременность, как будто ничего особенного не произошло, — Лиз содрогнулась. — Так что, я уверена, что, куда бы они нас ни везли, им не нужны беременные девушки. Просто молодые и здоровые, — отвечает Лиз печальным тоном.

О, Боже. Я с трудом глотаю, борясь с рвотным рефлексом. Здесь на самом деле нет места, где это сделать, однако я начинаю подозревать, что знаю, почему это место воняет, как канализация. Аромат Лиз едва ли приятен.

— Как... даавно ты ждешь?

— Я? — спрашивает она. — Две недели. Кайра здесь дольше всех, насколько нам известно. Она — та, с наушником.

Я озираюсь, но ни на ком не вижу наушник.

— Это — переводчик, — объясняет Лиз. — Ты очень скоро это увидишь. Я на тебя слишком много скидываю информации за раз, не так ли? Ладно, давай попытаемся еще раз. Видишь те трубы? — девушка указывает на дальнюю стену, на штуки, напоминающие мне шкафчики. — Кайра видела, что в них. Она сказала, что там — еще девушки, такие же, как мы.

Я начинаю задыхаться, звук выходит хлипкий и писклявый. Еще больше людей?

Лиз машет мне рукой, указывая, что мы должны вести себя очень тихо, и я киваю, потирая те зудящие опухоли на руке. Она осматривается вокруг, чтобы увидеть, идет ли кто-нибудь, и когда никто не появляется, Лиз пододвигается ко мне еще ближе. Когда она оказывается рядом со мной, я чувствую запах ее тела, запах потный, но человеческий.

— Ага. В общем... они захватили Кайру, и она рассказала, что они все никак не прекращали с ней разговаривать, хотя она даже не понимала их, поэтому они, как могли, вшили ей в ухо наушник, который переводит их речь. Но мне кажется, что у них был только один из этих наушников, поэтому она должна переводить для всех остальных.

— Фшилии? — в ужасе повторяю я.

— Да. Снабдили ее ярлыком, словно корову, — Лиз морщит нос. — Прости, я из Оклахомы. Мне кажется, что визуально он меня не так сильно напрягает, как тебя. А ты откуда?

— Орлаандоо, — я не уверена, справится ли мой рот со словом «Флорида», не брызгая слюной.

Она кивает.

— Мы, в общем-то, все с разных штатов. Во всяком случае, из того, что Кайре удалось ухватить, наши новые друзья — что-то вроде контрабандистов. Угадай, чем они торгуют?

— Дефушкаами?

— Вот-вот, — она снова указывает на шкафчики. — Мое предположение: они прибыли сюда, чтобы похитить восьмерых, а затем они посчитали отличной идеей выжать побольше и захватить еще несколько, и действовали, как бандиты или типа того. Кайра говорит, что каждые два дня или около того появляется кто-то новенький. Мы полагаем, что они собираются упаковать нас как сардины, а затем распродать... И я понятия не имею куда, — Лиз вздрагивает. — Я стараюсь не заглядывать так далеко вперед, иначе просто начну орать, а тебе лучше не знать, что бывает, когда так орешь.

О, нет.

— Что...

— Ты очень скоро это увидишь, — говорит Лиз мрачным голосом. — Просто поверь мне. Костлявым типам не нравится шум. Запомни это, ладно?

Я помню ее прежние предупреждение.

— Ладно. Моя... рука...

— Маленькие штуки на ней? Мда. У них есть какой-то доктор... или ветеринар, кто его знает. Он объявляется, когда нас изначально приводят сюда, тыкает в нас множество игл, сует серебряный предмет под твою кожу и уходит. Думаю, это похоже на то, как ветеринар на ферме ставит прививки и внедряет в ухо «шион». За исключением того, что наши находятся в руке. Однако я снова сравниваю нас с коровами. Наверное, мне не стоит, ведь так?

— Потому што... мы... едим... коров, — я неразборчиво бормочу, капая слюной на себя.

Лиз фыркает.

— Да, по большей части. Но, по-моему, они из-за нас взяли на себя слишком много хлопот, кто захочет нас съесть после этого? Если только мы не какой-то редкий деликатес, что я не стала бы исключать. Хотя... мда.

— Мда, — присоединяюсь я.

— Попытайся немного поспать, если можешь, — Лиз бормочет, глядя на мою воспаленную руку. — Сон, пожалуй, единственный способ спасения, который у нас есть. Наслаждайся им.

Эта Лиз такая оптимистка. Я обнимаю руками грудь и замечаю, что все еще одета в комплект пижамы-безрукавки, в которой заснула. Она не очень-то теплая и существенно не прикрывает тело, и мне до абсурда жаль, что я не заснула одетой в комплект объемной фланелевой пижамы.

И к тому же мне хочется плакать. Подумать только, «неподобающим образом» одета для похищения инопланетянами. Мои плечи затряслись от шутки, пока веселость не превратилась в слезы. Так что, да. Вчерашний день? Я не верила в инопланетян. Но это было вчера.

Я тайком лью слезы, пока опять не засыпаю.

* * *

В течение последующих нескольких дней на космическом корабле я кое-что выяснила.

Я выяснила, что здесь нет туалета. Кажется, что наши похитители не до конца продумали дело «набить-трюм-до-отказа-похищенными-девушками». Мы должны были приспособиться обходиться ведром в углу, именно этим и объясняется вонь канализации. Достоинство? Потеряно. Нет ничего лучше, чем ожидание своей очереди на ведро, но это не заставит тебя потерять ту немногую человечность, что в тебе еще осталась.

Я выяснила, что пищей нам служили крошечные маленькие полоски, похожие на сушеную морскую водоросль, вкусом напоминающие дерьмо. Мы получаем их два раза в день. Вода? Ее направляют по чему-то вроде крана в стене, который напоминает мне стойку кормушек для грызунов.

Рубцы на моей руке сошли за следующие несколько часов, хотя одна твердая небольшая шишка осталась. Пытаясь разобраться в своих ощущениях и пялясь на руки других девушек, я подозреваю, что это — своего рода электронное устройство слежения, которое они имплантировали. Коровьи ярлыки, как их назвала Лиз. На данный момент я считаю, что это до чертиков уместно.

Я выяснила, что есть два вида инопланетян. Есть мелкие зеленые инопланетяне, которые, кажется, здесь главные, и инопланетяне с головами размером с баскетбольный мяч, они более безопасны. Я называю их баскетбольными головами, не потому что у них крупногабаритные мозги, а из-за покрытой «галькой», безволосой, похожей на апельсиновую корку, структуру их кожи. Она выглядела странно над воротниками серых комбинезонов, которые они носят изо дня в день. Баскетбольные головы чрезвычайно ужасные, не смотря на дурацкую кличку. У них странные маленькие глазища навывкате как у насекомых, с темными веками и иглоподобными зубами. У них вместо пяти пальцев только три: два обычных и один большой. Маленькие зеленые человечки — те, которые чирикают как птицы? Они не более трех футов ростом или около того, и они очень редко появляются.

А баскетбольные головы? Они постоянно находятся в трюме.

Ну, а еще все до смерти их боятся.

Я это для себя прояснила, когда проснулась следующим утром — хотя, пожалуй, могла быть и вторая половина дня — и увидела, что все остальные уже проснулись.

Последнее из действий одурманивающих лекарств, кажется, прошли, и я, моргая, подавляю зевок. Мне нужно молчать, потому что в данном случае молчание полезно. Требуется мгновение, чтобы осознать, что все двинулись в дальнюю часть клетки, толпясь и отодвигаясь подальше от решетки. Волосы на моем затылке встают дыбом, и я иду вслед за всеми, направляясь в заднюю часть. Я хочу спросить, что происходит, но в тот момент, когда я открываю рот, Лиз молча качает головой, ее пристальный взгляд следит за чем-то за моей спиной.

Я оборачиваюсь и вздрагиваю при виде инопланетянина с баскетбольной головой, уставившегося сквозь прутья решетки прямо на меня. Я вздрагиваю снова, когда он похотливо мне ухмыляется, и прижимаюсь ближе к другим.

— Не кричи, — говорит кто-то тихо.

«Господи, у меня от него мурашки по коже». Я киваю. Ни за что не издам хоть звук.

Баскетбольные головы остаются в нашей комнате целыми днями. Такое впечатление, что они чего-то ждут. Я боюсь даже начинать задаваться вопросом, что это. Мы толпимся в углу клетки, все на нервах, а через несколько часов еще одну девушку в бессознательном состоянии приносят в помещение. Когда они открывают дверь, никто даже не пытается бежать. Мы просто сидим и смотрим, как они впихивают новенькую внутрь и снова закрывают дверь.

Думаю, я догадываюсь, почему никто не хочет даже пытаться сбежать. А куда мы пойдем? Да и последствия неповиновения должны быть очень плохими, потому что все в клетке крайне боятся баскетбольных голов.

Кто-то хватается новую девушку за руку и пытается оттащить ее туда, где мы сбились в кучу. У нее очень красивые рыжие волосы, и она примерно моего возраста. Я замечаю, что баскетбольные головы все время возвращаются к клетке и без умолку обсуждают ее на их странном искаженном языке, время от времени энергично жестикулируя руками. Потом они смеются пронзительным, жутким звуком, который раздражает мои потрепанные нервы.

Такое ощущение, что они делают ставки на новую девушку.

Несколько часов спустя она приходит в себя. Я сижу на корточках рядом с Лиз и вздрагиваю, когда она резко вдыхает, очнувшись от своего оцепенения.

Девушка начинает громко рыдать, ее глаза широко распахнуты.

— Не ори, — слышу я шипение тихим голосом. Я не могу разобрать, кто сказал это, но знаю, что все задалось этим вопросом.

Рыжая все же не прислушалась. Она лишь одним взглядом оглянулась вокруг себя и, начав паниковать, принялась кричать. Ее пронзительный крик отзывается эхом по всему трюму. Она не прекращает кричать, даже не смотря на то, что остальные размахивают руками и прикасаются к ней, пытаясь успокоить. У нее истерика, ее крики становятся все громче. Чем больше она поддается панике, тем более истеричной становиться. Девушка выкручивается и отбивается от наших предупреждающих прикосновений.

Сверху что-то просигналило.

Люди в клетке становятся абсолютно тихими.

Странные, похожие на птичий щебечет, звуки заполняют эфир интеркома.

Один из баскетбольных голов касается светящейся панели и что-то туда говорит в ответ. Толпа девушек явно отшатывается назад, так как еще одна баскетбольная голова приближается к клетке и рывком открывает дверь.

Это — свобода, но никто не трогается с места.

Рыжеволосую девушку ловят почти сразу. А она — борец, надо отдать ей должное. Девушка отбивается и крутится, когда они к ней прикасаются, начинает кричать ругательства на французском и звать на помощь. Все остальные тихо сидят и наблюдают.

Но я понимаю, что больше не могу этого выносить. Я пытаюсь встать, чтобы помочь ей. Лиз хватает меня за ногу.

— Не надо, — шипит она. — Не привлекай к себе внимание, Джорджи. Поверь мне.

Даже, несмотря на то, что сидеть и ничего не делать — противоречит абсолютно всем моим убеждениям, мне тоже страшно. И я ненавижу себя за это. Согласна, слишком просто сидеть и испуганно жаться друг к другу; сидеть и ждать, наблюдая за происходящим, когда кто-то не повинуется негласному «правилу молчания», но кинуться к ней на помощь — значит подписать себе смертный приговор, кажется, что каждая из нас это понимает.

Мгновение спустя рыжую тащат к чему-то, что я называю смотровым столом. Я с ужасом наблюдаю, как один из баскетбольных голов шлепает на ее рот какую-то маску. Когда девушка замолкает, я понимаю, что это какой-то намордник. Мой собственный рот сжимается в одну тонкую линию, а зубы стискиваются. Меня начинает тошнить, когда вижу, что ее руки вытягивают над головой и привязывают к дальним концам стола со шнуром в виде змеи вокруг запястий. Ее бедра и ноги висят над краем, и я начинаю воображать самое худшее.

Девушка продолжает пинаться и извиваться, так как один из инопланетян хватается за юбку и срывает с ее тела.

— Не смотри, — нашептывает мне Лиз.

Я все же смотрю. Кто-то должен смотреть. Кто-то должен видеть.

У меня становится тяжело на душе, когда вижу, как рыжая противится и пытается освободиться. Я смотрю, как первый инопланетянин, прикоснувшись к воротнику, начинает расстегивать свою униформу. Я вижу, как его друг, смеясь, делает комментарии в то время, пока тот трахает связанную девушку.

Меня переполняет чувство ненависти, когда вижу, как они смеются и взбираются на нее снова и снова. Кажется, это будет продолжаться бесконечно. В какой-то момент их пленница перестает бороться, обмякнув, и я надеюсь, что она потеряла сознание. Я надеюсь, что она ничего не запомнит из того, что здесь произошло.

Лиз сжимает мою руку.

— Кайра говорит, что у них это стандартные процедуры, согласно которым им позволено «дисциплинировать» любых пленниц за «плохое поведение».

Я киваю и, наконец, отвожу взгляд, в тот момент, когда инопланетяне, продолжая говорить на своем странном языке, меняются местами еще раз. Я так понимаю, что к настоящему времени, девушка уже послушная и «дисциплинированная». Мне хочется кричать, но громкие звуки не допустимы. Я впиваюсь ногтями в ладони и вглядываюсь в ряд бледных лиц, что сидят со мной в клетке, пытаюсь выяснить, которая из них Кайра. Девушка в конце с шелковистыми, прямыми каштановыми волосами плачет, прижав к ушам руки. Как будто она не может вынести слушать происходящее, но рыжеволосая девушка молчит. Лишь инопланетяне разговаривают.

Она единственная, кто может понять их, благодаря устройству, имплантированному в ее ухо. Я осматриваю остальных, они находятся в шоке и отводят свои взгляды. У одной девушки взгляд, полный ужаса и отвращения, и не удивлюсь, если она также из тех, кто много кричит. Я решаю, что не хочу знать. Я зажимаю глаза, пытаюсь отрешиться от мира. Пытаюсь залезть в свой тихий «мыльный пузырь», где все это ненастоящее. Где, если я ущипну мою руку достаточно сильно, все исчезнет, и я проснусь.

Но когда закрываю глаза, я вижу лицо рыжеволосой девушки, когда ее насиловали. Я вижу лицо баскетбольной головы, когда он шутит и болтает без умолку на его инопланетном языке в то время, как он насилует девушку. Будто ничего особенного не случилось, просто очередной день на работе, обычное офисное дерьмо.

Лиз права. Мы — просто коровы для этих существ. Они собираются продать нас кому-то для подобных «развлечений», чтобы съесть, или и то, и другое. Или для чего-то еще более ужасного, о чем я даже вообразить не могу.

Тем не менее, я не намерена принимать свою судьбу, сидя на своей заднице. Я руками обнимаю себя за плечи, подтянув ноги, и изучаю свое окружение. Я высматриваю каждый укромный уголок и щели в странных стенах, пытаюсь определить, есть ли что-нибудь, что я могу схватить, что можно использовать в качестве оружия.

Потому что я убью этих большеголовых ублюдков, если они когда-нибудь попытаются прикоснуться ко мне.

* * *

Всю следующую неделю больше никого не доставляют на борт судна, поэтому я начинаю подозревать, что мы «в полном комплекте». И это хорошо, учитывая, что наш крошечный трюм с каждым часом становится все более и более переполненный эмоциями. Сейчас, когда Доминик, подвергшаяся зверским издевательствам рыжеволосая девушка, прижималась к нам, мы чувствуем себя подобно сардинам.

Но не то, чтобы кто-нибудь жаловался.

Лиз и я тихо разговариваем по ночам, когда охранники оставляют нас одних. В настоящее время мы, должно быть, выходим в космическое пространство. За последние несколько дней наши уши неоднократно закладывало, и мы подозреваем, что начали передвигаться на сверхвысокой скорости.

И мы не знаем, чего теперь ожидать.

— Мы начнем с убийства охранников, — говорю я Лиз и Кайре во второй раз за одну ночь. — У маленьких зеленых человечков, судя по всему, баскетбольные головы делают всю грязную работу. Я думаю, если мы избавимся от оранжевых, возможно мы сможем с помощью силы заставить вернуть нас на Землю.

— Крошечный изъян в твоем плане, Джорджи, — проговаривает Лиз, у которой оказался очень практичный ум. Она жестом указывает на прутья решетки. — Мы находимся по эту сторону, а они с другой стороны. С оружием.

— Мы должны сделать что-то, чтобы подтолкнуть их открыть дверь, — тихий голос Кайры пробивается сквозь темноту. — Предложила бы дождаться появления еще одной пленницы, но...

— Мда, — говорю я, задумавшись, мой пристальный взгляд останавливается на углу клетки, где в одиночестве стоит Доминик. С тех пор, как они вернули ее к нам в клетку, она

ведет себя отрешенно. Теперь она тихая, конечно. Весь день девушка проводит в одиночестве, подавленно и сломлено, отдалившись от всех нас, закусив кулак, возможно, чтобы не завывать от отчаяния. И она сопротивляется всем попыткам подружиться с ней или успокоить. Потребуется много времени и терпения, чтобы расположить ее к себе, а так как мы все ютимся в клетке размером со шкаф, на данный момент терпение уже на исходе.

Я, задумавшись, оглядываюсь назад на мрачные лица Кайры и Лиз.

— А если в следующий раз, когда они придут покормить нас, мы все притворимся больными?

— Будет не слишком-то сложно, — проговаривает Лиз. — Эти морские водоросли жуткая мерзость.

Однако Кайра качает головой.

— А что если, раз все мы заболели, они решат просто выбросить всех нас в космос? Мы — «дополнительный груз», помните? До тех пор, пока у них в этих камерах есть изначальное количество, мы расходный материал, — она жестом указывает на шкафчики на другом конце комнаты.

Я не могу забыть о них. Не знаю, завидую ли я, что они совершенно не подозревают об истинном положении дел и даже не испытывают ужас того, через что им придется пройти, когда очнутся. Но Кайра права. Наши охранники скорее посчитают нас испортившимся товаром, чем соберутся лечить нас, плюс я не в силах бросить тут оставшихся спящих пассажиров. Мы должны их тоже учесть в плане побега.

— Ну что ж, — говорю я. — Что, если мы закричим?

Кайра громко сглотнула.

— Они приводят меня в ужас, — она заглядывает мне через плечо на Доминик и вздрагивает.

— Мне это тоже не по душе, — говорю я ей. — Но какой у нас выбор? Один человек, который плохо себя ведет, может обеспечить безопасность всем остальным, верно? Таким образом, мы привлечем их внимание, чтобы заставить открыть двери...

— И? — спрашивает Лиз. — Что дальше? Быть изнасилованной?

— Нет, — не хочу даже думать об этом. — Нам лишь нужно как-то отвлечь их. Мы можем стремительно напасть, когда они откроют дверь. Нас больше, чем их.

— Но у них оружие, — указывает Кайра.

— Но если мы все стремительно налетим на них...

— Тогда ту, что впереди застрелят, — проговаривает Лиз. — Я не хочу здесь находиться, но я не хочу умирать. Не знаю насчет остальных, но уверена, что они тоже не хотят. Они, в общем-то, не борцы. Никто из нас не борец.

— А разве у нас есть выбор? — возражаю я. — Мы можем стать маленькими милыми рабынями и все равно быть изнасилованными, да еще распроданы бог знает кому. По крайней мере, если мы попытаемся сопротивляться, у нас все еще будут шансы.

— Нет, ты права, — Лиз, размышляя, сгибает колени и подтягивает их к груди. — Итак, мы отвлекаем их внимание, чтобы они открыли двери, налетаем на них, выхватываем пушки и перехватываем управление. Мы просто должны быть уверены в защите Кайры, чтобы она пережила все это.

— Я? — Кайра выглядит удивленной. — Почему именно я?

— Потому что у тебя одной есть переводчик, — мрачно говорит Лиз. — Мы не сможем убедить их развернуться и вернуться на Землю, если тебя застрелят, а мы не можем с ними

говорить.

В ее словах есть смысл.

— Отвлекать буду я. Это — мой план.

— Ты уверена?

Боже, нет, я не уверена. Каждая частица моего тела вибрирует от ужаса при мысли, как те существа с большими головами, прикасаются ко мне. Но разве у меня есть выбор? Устроиться поудобнее и ничего не предпринимать? Махнуть на все рукой и позволить этим тварям распорядиться моей судьбой? Да к черту их.

— Я сделаю это.

Как будто соглашаясь со мной, корабль резко накреняется и начинает падать, отбросив всех нас на пол, неуклюже повалив друг на друга.

Ни один человек, конечно, не закричал. Мы не так глупы.

* * *

Уже второй раз в течении одного дня корабль сильно накренился на бок. Турбулентность казалась нелепой, учитывая, что мы находимся в космическом пространстве. Разве не должен быть плавный ход? У меня внутри все сжимается наряду с тем, как резко наклоняется наш корабль, но я не обращаю на это внимание.

Практически приходит время воплотить в жизнь наш план побега.

Я пристально смотрю на охранника, вышагивающего снаружи нашей клетки. Настало то, что мы считаем «временем ложиться спать» — когда мы уже получили последние на сегодня морские водоросли, и охранники уже утомились нам надоедать. Обычно после последней подачи еды, они меняют наше ведро нечистот, а затем уходят отсюда.

Но сегодня вечером что-то идет не так. Даже, несмотря на то, что наше ведро нечистот было почти полным, баскетбольная голова не приходит его забирать. Щебечущие звуки продолжают поступать по интеркому, а охрана в комнате с каждой минутой становится все более нервной.

И все это время корабль продолжает резко крениться.

— Что происходит? — шепчу я Кайре в то время, как мы следим взглядом за единственным охранником, рассеянно расхаживающим вперед — назад.

— А где вторая баскетбольная голова?

— Понятия не имею, — признается она, прижимая к своему уху руку, обернутую вокруг серебристого устройства. — Некоторые слова не переводятся. Или они сделали так, чтобы я не понимала их значение, — она качает головой. — Однако, похоже, что что-то не так с двигателем. Они все время говорят об отсоединении груза и разгрузке в безопасном месте.

У меня перехватывает дыхание.

— Эээ, груз — это мы.

Она хмурится.

— Знаю. По-видимому, они опаздывают на встречу с кораблем, чтобы выполнить заказ, поэтому с этим они пытаются справиться.

— Вот уж повезло нам, — бормочу я, глядя на единственного охранника. Всего одного. Как правило, их двое. Мое тело напрягается от понимания. Если мы уберем одного охранника... то останется только один, с которым потом разбираться. Наши шансы гораздо выше, если мы пойдем по принципу «разделяй и властвуй».

А если у нас будет его оружие...

— Считаю, нам следует перейти к выполнению плана, — говорю я тихим голосом, когда охранник начинает снова вышагивать.

— Не уверена, — проговаривает Кайра, прикусывая губы. Но Лиз кивает мне головой.

— Мы займемся этим, — шепчу я остальным в клетке. Видно, что девушкам не по себе, но они отходят в сторону, чтобы освободить мне место. Уж если я готова стать жертвенным ягненком, то они должны быть готовы позволить мне пожертвовать собой.

Так что я собираю свою волю в кулак, направляюсь к клетке и просовываю лицо между решетками.

— Эй.

Охранник не поворачивается. Он продолжает вышагивать, его взгляд направлен в потолок, как будто ожидая поступления новых щебечущих приказов.

Я пробую еще разок.

— Эй. Подойди.

Когда он и на этот раз не обращает на меня внимания, я должна признать, что удивлена. Обычно эти мудаки пользуются любым предлогом, чтобы наказать нас. За последнюю неделю я видела, как еще одну девушку изнасиловали, которая закричала во время кошмарного сна. Поэтому я пробую новую тактику, чтобы привлечь его внимание.

Я плюю в него большой комок слюны.

Он попадает на затылок большой лысой головы, и охранник перестает вышагивать. Его странные маленькие рыбки глазки начинают двигаться, когда он поворачивается, свирепо впиваясь в меня взглядом, а затем направляется ближе к нашей клетке.

— Отлично справилась, Джорджи, — тихо шепчет Лиз.

Я делаю глубокий вдох и киваю. Кстати, мне это не доставляет удовольствия. Я отступаю назад в заднюю часть клетки, как мы запланировали — так он должен будет войти за мной — а когда остальные девушки сплотятся вокруг меня, я подниму в руки ведро с дерьмом.

План, который мы придумали, состоит в том, что я вылью на него наши отходы, чтобы еще больше отвлечь его внимание, а затем остальные используют это время, чтобы прыгнуть на него, мы подавим его количеством и свалим с ног, а затем разоружим. Не то, чтобы мы знаем, как стрелять из инопланетного оружия, однако нам необходимо это сделать. Главное, чтобы оно не было в его руках, а это уже половина дела.

Разумеется, взвешивая ведро с дерьмом в руках, мне становится ясно, насколько оно тяжелое и насколько слабая и вялая я, скорее всего, от ужасного рациона, который они нам дают. Я шатаюсь под его тяжестью и вздрагиваю, когда немного капель попадает на мою руку. К черту все.

Охранник недовольно чирикает что-то и открывает клетку.

В отличие от запланированного плана, другие девушки трусливо отступают, бросив меня одну с ведром отходов и глупым выражением на лице, когда он идет по направлению ко мне.

Я вываливаю на него дерьмо, как только он хватает меня, но ведро слишком тяжелое, в итоге я забрызгиваю и себя тоже. Баскетбольная голова хватает меня за руку, и я начинаю отчаянно вопить, застигнутая врасплох, когда его пальцы впиваются в мою руку. Мало того, что его кожа уродлива, так она еще и грубая, словно наждачка, что царапает мою кожу.

Он выплевывает на меня ругательства и тянет вперед.

— Нет уж, — проговаривает Лиз, хватая меня за другую руку именно тогда, когда я изворачиваюсь из его хватки. И куда, к чертям, делся наш грандиозный план нападения? С чего все остальные, прижавшись друг другу, трясутся как перепуганные кролики? Я обращаюсь к Кайре, моей другой сообщнице заговора, но она запрокинула голову и с нелепым выражением на лице уставилась на потолок. Слабое птичьеподобное щебетание слышится сверху.

— Началось отделение? — спрашивает Кайра с ошарашенным выражением на лице. Внезапно корабль резко наклоняется на бок, и мы, кувыркаясь, летим друг на друга. Меня бросает через всю комнату, и я не удачно приземляюсь на скопление шкафчиков, и из моих легких выбивает весь воздух.

Весь мир перевернулся вверх тормашками, и трюм наполняется воплями женщин. Я едва успеваю увернуться, когда ведро отходов пролетает над головой. Гаснет свет, оставив нас в темноте.

Маленькие красные огни начинают мерцать по всему периметру помещения. Блин, это не к добру. Красные огни всегда обозначают чрезвычайное положение, ведь так?

Я осматриваю комнату, наблюдая, как частицы отходов парят высоко надо мной. На заднем плане кто-то кувыркается в воздухе. Все предметы висят в невесомости! Мы потеряли гравитацию!

Что за черт?

Я пытаюсь сосредоточить взгляд, поскольку что-то прокружило мимо моей головы. Черный, продолговатый, с толстым дулом.

Оружие.

Ни хрена себе. Я отталкиваюсь от одного из шкафчиков и плыву за ним по воздуху именно тогда, когда снова врубается сила тяжести. И я падаю на пол поверх оружия.

Охранник также упал, но в нескольких футах от меня. Все это время то странное птичьеподобное щебетание продолжает поступать из интеркома.

Я хватаю оружие и ищу спусковой механизм, так как охранник стонет и начинает трясти головой, пытаясь собраться с мыслями. Нет никакого спускового механизма. Ладно, черт с ним. Оно с тем же успехом может послужить не хуже дубинки. Схватив его за массивное, тяжелое основание, я поднимаю его повыше и отпускаю на голову инопланетянина.

Раздается треск.

Охранник пошатнулся.

Я не останавливаюсь. Я бью его снова и снова. Треск. Треск. Снова и снова я опускаю приклад оружия на его голову, пока мудака не перестает двигаться, но я не останавливаюсь даже тогда. Я в ужасе от мысли, что его череп может быть из чего-то вроде гранита, что охранник перевернется и одолеет меня. Поэтому я просто продолжаю наносить удары.

Чьи-то руки внезапно хватают меня.

— Джорджи. Послушай, Джорджи, остановись. Думаю, он мертв, — сквозь туман в моем сознании прорывается голос Лиз. — Ты можешь уже остановиться.

Я останавливаюсь, тупо уставившись на нее, а потом вниз на охранника. Ну, или то, что от него осталось. Меня начинает тошнить от вида кровавого месива, что когда-то было его лицом.

— У тебя получилось, — говорит Лиз, потирая мою спину. — Ни хрена себе. Ты справилась, Джорджи! Ты, черт возьми, как задира Билли*!

*Прим. Задира Билли — Билли «Задира» Джонсон. После холодной войны он эмигрировал из СССР в США, где его знает практически каждый коп и надзиратель в штате Брайган. Почувствовав вкус свободы, стал заниматься рэкетом, бандитизмом и воровством, за что неоднократно был судим. Несколько лет назад, после очередной отсидки, Билли завязал со своей прошлой жизнью и переключился на искусство — пишет и исполняет песни.

Я не чувствую себя задирой. И меня тошнит. Я только что убила мужчину. Ну, почти мужчину. Вроде того. Определенно, насильника.

Но все же живое существо.

Был. Был живим существом.

У меня внутри снова скручиваются все внутренности, и я утираю рот тыльной стороной руки. От меня воняет как от сточной канавы. Тьфу. Я сплошь заляпана, клетка тоже забрызгана.

— Что, черт возьми, случилось?

— Я не знаю, — говорит Лиз, помогая мне встать на ноги.

У меня все болит, мои ребра явно ушиблены от приземления на то оружие. Однако, в целом я в порядке. Меня не волнует, если все в клетке покрыто дерьмом, мозгами и всем остальным, главное я справилась.

Металлический щелчок вопит по громкоговорителю так, что у меня аж уши заболели. Лиз одновременно со мной зажимает свои уши, и мы удивленно смотрим друг на друга.

Кайра вылетает из клетки.

— Девочки! У нас серьезные проблемы. В сообщении сверху теперь говорится «подготовиться к эвакуации». Думаю, это означает, что мы терпим крушение!

Вот черт.

Но мы не успеваем среагировать, корабль снова переворачивается, и я, кувыркаясь по воздуху, врезаюсь в шкафчики. Что-то ударяет меня по голове, и в глазах темнеет.

* * *

— Эй, — мне слышится знакомый голос. — Эй, очнись. С тобой все в порядке, Джорджи?

Я медленно прихожу в себя, застонав от внезапной острой боли, пронзившей меня прямо во лбу. Затем мгновение спустя боль ощущается не только в моей голове. Каждая клеточка моего тела болит, а сильнее всего — мое запястье. Оно неприятно жгуче пульсирует болью, которая, кажется, распространялась вплоть до локтя. Я прищуриваюсь на Лиз, когда она нависает надо мной.

— Ай!

Она в ответ усмехается, выставляя напоказ опухшую губу и расплывающийся синяк на щеке.

— Ты все еще жива. А это вообще-то должно радовать, — она садится на корточки и протягивает мне руку. — Ты можешь сесть?

С ее помощью, болезненно морщась, мне удается принять сидячее положение. От просто сидячей позы все болит еще больше.

— Что случилось?

— Мы потерпели крушение, — отвечает девушка. — Большинство из нас потеряли

сознание от того, что нас разбросало повсюду и хорошо потрепало. Несколько сломанных костей, несколько кровоточащих носов, плюс — две не выжили.

Я смотрю на нее в шоке, а потом внимательно разглядываю клетку.

— Двое... погибли? Кто?

— Вдобавок к охраннику, которого ты убрала, еще Крисси и Пег. Похоже, что сломаны шеи, — она кивает в сторону дальнего конца помещения. — Бедные девушки.

Я с усилием сглатываю подкативший комок, опечаленно опустив голову. Я плохо их знала, но знала их ужас и страх. Я просто счастлива, что жива. В какой-то момент я обнимаю Лиз, а она меня в ответ, и мы испытываем такое облегчение от того, что дышим и почти не пострадали. Через ее плечо, прищурившись, я замечаю, что весь грузовой отсек выглядит наклоненным под углом. Металлический пол заполнен обломками, изогнут и ледяной. С помощью Лиз, пошатываясь, я встаю на ноги и в шоке пристальным взглядом осматриваюсь вокруг.

Несколько из девочек в углу прильнули друг к другу — Меган обнимает Доминик и пытается успокоить ее, последняя сдерживает пронзительные рыдания. Другие девушки все еще валяются на полу без сознания, и я вижу два тела, сложенные в углу рядом с мертвым охранником. Темные волосы Крисси разметались по ее лицу, закрывая его. Оно и к лучшему. Я отвожу взгляд. С другой стороны Кайра старается помочь еще одной девушке сесть поудобнее, у той, очевидно, сломана нога. Лицо Кайры покрыто синяками, а из уха с имплантированным наушником стекает кровь.

Все выглядят измученными, ослабленными и в синяках. Я смотрю на свои собственные ноги, но они, вроде бы, в порядке. Мое запястье, однако, опухло и стало немного фиолетовым, а мои ребра словно горят.

— Похоже, оно у меня сломано, — говорю я, протягивая больную руку. Я осторожно поворачиваю свое запястье и чуть не теряю сознание от шока, вызванного болью, пронзившее мое тело.

— Полагаю, в таком случае ты больше не сможешь дубасить инопланетян дубинкой, — весело проговаривает Лиз. — Если оно не сломано, то довольно сильно вывихнуто. Ты бы видела пальцы на моей левой ноге. Они тоже выглядят довольно-таки ужасно. Будто пытались стратегически убежать с моей ноги, но им не удалось.

Я скептически смотрю на нее.

— Тогда, с чего у тебя такое хорошее настроение?

— Потому, что мы свободны, — она восторженно улыбается. — Мы свободны, черт возьми, и мы все-таки приземлились. Уже это я считаю лучшими шансами, чем то, что у нас было раньше.

— А откуда ты знаешь, что мы приземлились?

Лиз ковыляет в мою сторону, подгибая свою ногу.

— Потому-то пол прогнулся и холодный, а еще из-за этого, — она указывает на что-то позади меня.

Я оборачиваюсь и смотрю. Наверху, кажется, как будто в одном из отсеков оболочка частично снесена, оставив от удара длинный, узкий разрыв в корпусе нашего грузового отсека. Через этот разрыв просачивается слабый свет и моросит мелкий дождь, перемешанный со снежными хлопьями. Я ахнула и двинулась вперед, пытаюсь разглядеть.

— Это снег?

— Он самый, — счастливо восклицает Лиз. — А так как мы не задохнулись от вдыхания

метана или чего-то вроде этого, сюда поступает кислород.

Надежда стискивает мое сердце, и я смотрю на потолок. Я наполняюсь радостью и поворачиваюсь обратно к Лиз.

— Как думаешь, мы, приземлившись, каким-то образом вернулись обратно на Землю?

— Не думаю, — говорит Кайра, ее тихий голос прерывает мои мысли. Я оборачиваюсь и содрогаюсь. Она выглядит очень плохо, вся левая сторона ее худого лица фиолетового цвета и в крови. В одном из ее глаз лопнули сосуды, и красный разительно контрастирует на ее бледной коже. А еще она еле ходит, так как ее колено опухло.

— Откуда ты знаешь, что мы не на Земле? — спрашиваю я. Пока еще я решительно отказываюсь терять надежду. — В скольких местах может быть снег и кислород? Мы просто можем быть, даже не представляю где, в Канаде или что-то в этом роде.

— Ну, я слушала через эту штуку, — говорит она, указывая на окровавленный наушник, все еще прикрепленный к ее уху, — именно они сбросили нас в «безопасном месте», чтобы позднее вернуться и подобрать.

Лиз, нахмурившись, скрещивает руки.

— Вернуться и подобрать? Значит, они сбросили нас, чтобы мы спокойно сидели, а через пару дней они снова нас подберут? Да пошли они!

— Я не знаю, когда, — говорит Кайра мрачным голосом. — Но, когда они упомянули это место, то имели в виду определенно не Землю. Они все болтали об облаке пыли, но единственное облако пыли, которое я помню из уроков по естествознанию, находится на границе Солнечной системы: Облако Оорта*. И раз мы получаем так много света, — она указывает на разрыв в корпусе. — Мы даже не рядом с Плутоном. Я считаю, что мы совершенно точно не на Земле. И также думаю, что мы даже не находимся в нашей Солнечной системе.

*Прим. Облако Оорта — гипотетическая сферическая область Солнечной системы, служащая источником долгопериодических комет. Инструментально существование облака Оорта не подтверждено, однако многие косвенные факты указывают на его существование.

— Попались, — соглашается Лиз, теперь и она кажется мрачной.

Я все еще скептически настроена. Глядя на снег, падающий через разрыв, сложно не разволноваться. Нам следует быть в грузовом отсеке, не так ли? Ведь снаружи зима. Они могли сбросить нас в Антарктиде. В этот момент я согласилась бы на Антарктиду вместо какой-то неизвестной планеты.

— Я не хочу околачиваться здесь, когда они вернутся.

— Я тоже, — вздыхает Кайра, потирая свое плечо. — Но все ранены. Я не знаю, как быстро мы можем двигаться, или будет ли вообще безопасно двигаться. Вполне возможно, мы плаваем на ледяном покрове где-то в море, заполненным плотоядными ледяными акулами.

— О Боже, ты Сьюзи Факинг Саншайн*, что ли? — говорит Лиз, уставившись на Кайру.

*Прим. Сьюзи Факинг Саншайн — Suzy Fucking Sunshine. Фильм жанра мюзикл создан в Великобритании в 1931 году, режиссура: Виктор Савилл. В главных ролях сыграли Рената Мюллер, Джек Халберт, Оуэн Нарес и другие.

— Прости, — Кайра морщится, прижимая ладонь ко лбу. — Это был чертовски безумный день, и у меня такое ощущение, что дальше будет еще хуже.

Она выглядит такой печальной, что мне хочется обнять ее. Мне не стоит расстраиваться

из-за этого. Один охранник убит, у нас есть его оружие, и на данный момент мы вдали от наших похитителей.

— Все будет в порядке, — говорю я им беспечно. — Мы что-нибудь придумаем.

— Можем ли мы найти какую-нибудь еду? — кричит Меган из угла наклоненного грузового отсека. — Мы изрядно проголодались.

— Еда — хорошее начало, — соглашаюсь я, кивнув Лиз. — Давай глянем, что мы имеем, если, как предполагается, должны дожидаться возвращения маленьких зеленых человечков.

Через час, однако, все выглядят еще более мрачным. Мы нашли небольшой объем заготовок на неделю, и у нас достаточно воды на приблизительно такое же время. Но, кроме этого, ничего нет.

Более того, помимо того, что принадлежало охраннику, которого мы убили — ладно, я убила — не было другого оружия или какой-либо дополнительной одежды. Мы осмотрели все, что можно, колотили по стенам и пытались найти потайные места в отсеках для шаттлов, но нашли не многое. Единственным открытием оказался какой-то плотный пластиковый материал, но он не согревал или не был достаточно гибким, чтобы использовать хоть для чего-то.

— Наверняка, дерьмо, в которое попал Робинзон Крузо, и рядом не стояло с нашим, — пошутила Лиз.

Я была согласна с ней. Ясно, что мы не снабжены для выживания. С каждой минутой в грузовом отсеке становится все холоднее из-за снега и холодного воздуха, постоянно поступающего внутрь из разрыва в корпусе.

— Серьезно, я этого не понимаю, — говорит Лиз, раздавая немного из заготовленных морских водорослей. — Если они хотят, чтобы мы сидели и ждали их, вам не кажется, что они должны были оставить нам побольше припасов?

— Ты забываешь, что мы — дополнительный груз, — указываю я, отмахиваясь от моих водорослей. Тут есть девушки, которым они нужнее. Мой желудок был уже и так достаточно расстроен. — До тех пор, пока зеленые человечки целы, это — все, что имеет значение, верно? И они даже не едят, — я большим пальцем указываю на шкафчики, все еще выстроенные вдоль стены. — Они все еще в полном порядке.

В самом деле.

— Следует ли нам их разбудить? — мысль о горстке женщин в нескольких футах от меня, странствующих в состоянии спячки и даже не представляющих о том, что происходит, скорее расстроила меня. Если бы я потерпела крушение, разве не хотела бы знать об этом?

— Господи, нет, — стонет Лиз. — Откуда нам знать, известно ли им, с чем мы имеем дело? Все, что они знают — они все еще в своих постелях, а маленьких зеленых человечков не существуют. Вы бы хотели проснуться и обнаружить все это? И, ох, между прочим, мы здесь застряли, и у нас не хватает еды.

— Верно подмечено, — я пристально осматриваю пустое помещение, постукивая своими босыми ногами и размышляя.

— Так что же нам делать? — спрашивает Кайра, скользя рядом с другими девушками, которые сгруппировались вместе для сохранения тепла.

Лиз выжидательно смотрит на меня.

Я теперь здесь за главного? Вот дерьмо. Однако... кто-то же должен им быть, я устала от того, что ни у кого нет ни малейших идей, что делать. Я долгое время, упорно обдумываю

наши возможности и наконец-то говорю.

— Ну, если мы на планете с кислородом, подозреваю, что здесь живут другие живые существа. Я плохо разбираюсь в науке, но если Земля может обеспечивать разного рода видов жизни, разве это не означает, что и эта планета может? Вполне возможно, мы могли бы находиться очень близко к городу.

— Город, полный инопланетян, — бормочет кто-то.

— Верно, — я соглашаюсь. — Но мы не можем оставаться здесь и умирать от голода. Или замерзать. На данный момент светит солнце, а мы не знаем, сколько времени у нас осталось до того, как наступит ночь...

— Или как долго будет длиться ночь, — добивает Кайра.

— Наверное, ты не откажешься помочь, — говорит ей Лиз. — Я пытаюсь сказать...

— По-моему, нам нужно осмотреться по округе, как минимум, — предлагаю я. — Выяснить наше местоположение, найти еду и воду и сообщить о результатах.

— Но большинство из нас ранены, — фыркает одна из девушек. Тиффани. Она выглядит, будто «прямо с фермы» и крайне испуганна. Некоторые из нас относились к нашему плену с мрачной решимостью, а некоторые полностью развалились. Тиффани из последней категории.

— Идти следует тебе, Джорджи, — вмешивается Лиз.

— Мне? — бормочу я.

— Ты что-то вроде нашего лидера.

Боже, мне ненавистно, что я не единственная, кто так думает. Я смотрю вверх на снег, поступающий через разрыв наверху. Снаружи кажется холодно, а я в короткой пижаме.

— Как я могу быть лидером? Я — практически последняя, кто прибыла сюда. Только Доминик похитили после меня.

— Да, но у тебя единственной был план. Ты — та, которая убила охранника, а Кайра должна остаться здесь в случае, если другие вернутся, потому что у нее в ухе та штука. Да и мое колено совсем распухло. Я дотянула бы не очень-то далеко. Кроме того, ты — та, кто отлично обращается с оружием, — Лиз хлопает мне ресницами.

Я фыркаю.

— Хорошо раздаю взбучки, ты хотела сказать.

— Эй, ты проявила себя лучше, чем мы все вместе взятые, Джорджи. Серьезно, — она выбрасывает сжатые кулаки в воздух, делая вид, что боксирует. — Ты хочешь, чтобы я тебе немного напела «Глаз Тигра»*, чтобы мы ударили по рукам?

*Прим. Песня «Глаз тигра» («Eye of the Tiger»), 1982 г., написана по заказу Сильвестра Сталлоне от группы Survivor для кинофильма «Рокки III».

— Ух ты, вот спасибо, — говорю я ей, пытаюсь расстроиться, что мне надо вызваться добровольно. Но, в каком-то роде я должна была это сделать. Кроме Кайры и Лиз, другие не сильно-то похожи на лидеров. Все ранены, и я хотела обратить внимание, что мое запястье опухло, а ребра болят, но... все ранены. Лиз хромает, у Кайры травмирована нога, а остальные — размазни. Хочу ли я вверить свою судьбу в чужие руки и надеяться, что она сможет произвести приличную подмогу?

— У кого-то здесь есть опыт выживания?

Кто-то шмыгает носом, сдерживая слезы. Помимо этого, тишина.

Мда. Никто не подготовлен для этого.

Рядом со мной Лиз напевает «Глаз Тигра».

Я стреляю в нее взглядом.

— Понятно, просто здорово. Если мне надо выйти в снег, мне нужно немного запасов, оружие и немного воды.

— У нас нет фляжек, — указывает Лиз. — Просто ешь снег.

— Желтый снег есть нельзя, — острит кто-то.

— Ну, конечно же, каждый теперь шутник, раз уж я единственная выхожу на разведку, — ворчу я, но разминаю ноги и, морщась, проверяю запястье и ребра. Дело дрянь, но у нас не так уж много вариантов. — Итак, надеюсь, мне каким-то образом получится вылезти через то отверстие в крыше. Мне нужна какая-нибудь одежда, — я смотрю вниз на мою грязную короткую пижаму. — Наверное, эта не подойдет.

— Я знаю, где ты можешь достать кое-какую отличную теплую одежду, — говорит Лиз и указывает на мертвого охранника.

— Фу, — морщусь я, хотя обдумываю ее предложение. — Я, как бы, надеялась, что инопланетянин каким-то волшебным образом сам выскочит из куртки, или типа того.

— Не судьба, — проговаривает Тиффани, вставая на ноги. — Я помогу тебе раздеть его.

Некоторое время спустя, Тиффани и я стянули одежду с тела и пытались понять, как надеть ее на меня. На инопланетянской одежде были странные невидимые застежки и крепления вместо обычных застежек-молний или кнопок, и она пахла сточной канавой, кровью и какой-то другой особо тошнотворной вонью, но была удивительно теплая и на подкладке. Куртка, немного обтягивала мою грудь, и я выглядела будто одnogрудая, но все равно одела ее, не ради моды. Самые большие проблемы состояли в том, что не было каких-либо перчаток, а обувь предназначалась для кого-то с двумя большими пальцами, а не с пятью маленькими. Я, конечно, втиснула свои ноги в каждый ботинок, но это причиняло боль. Однако все же лучше, чем ничего.

— Держи руки засунутыми в куртку, — советует Тиффани. — Тепло твоего тела должно помочь.

Я киваю, а затем пихаю оружие поглубже в переднюю часть куртки, опустив длинный ствол оружия между моими грудями. Я заплетаю свои грязные волосы, чтобы убрать их от своего лица, беру припасы, которые Лиз дает мне, и делаю глубокий вдох.

— Я пойду так далеко, как смогу, — говорю я остальным. — Я попытаюсь найти помощь. Или людей. Или еду. Все, что угодно. Но я вернусь. Если я не вернусь до завтра, эээ, ну... не ходите меня разыскивать.

— Боже, как бы мне хотелось, чтобы прямо сейчас у меня было какое-то дерево, чтобы постучать по нему, — произносит Лиз. — Не говори такого дерьма.

— Со мной все будет в порядке, — говорю я ей, фальшиво улыбаясь. — А теперь помогите мне вскарабкаться как можно выше к потолку, чтобы я могла выбраться отсюда.

Мы ловко поддвигаем стол, и две девочки, встав по краям, удерживают его на месте, в то время как я карабкаюсь вверх, а Лиз и Меган толкают меня выше. Мое запястье пульсирует от боли, однако я продолжаю подниматься, ползком направляясь вверх к пробитому корпусу. Разрыв достаточно большой, чтобы я могла в него пролезть, и к тому моменту, когда я добираюсь до свежего воздуха, мое запястье кричит от боли, и с каждой минутой становится все бесчувственнее. Я укутала свои пижамные шорты как шарф с капюшоном вокруг своей шеи, обмотав дополнительную ткань вокруг моего обнаженного горла. Мое лицо высовывается из отверстия для бедра. Уверена, что это смотрится не сексуально, да и шорты очень грязные, но сейчас я рада им. Дует резкий ветер, а я еще даже

не просунула свою голову через отверстие.

Положив руки на ледяной металл, я шиплю, когда мои пальцы прилипают к нему. Я осторожно их отрываю, вздрагивая от ощущений, будто в мою кожу воткнули раскаленные иглы. Здесь не просто очень холодно, а дьявольски холодно! Я использую здоровую руку — теперь закутанную в длинный рукав плотной униформы инопланетянина — чтобы продвинуть себя чуть повыше. Как только я начинаю подтягивать туловище через разрыв в корпусе, я мгновенно представляю, как высовываю голову, а инопланетянин откусывает ее.

«Это не поможет, Джорджи», — убеждаю я себя. Я выбрасываю этот образ из памяти поскольку уже проталкиваюсь через разрыв и пристально озираюсь вокруг себя.

Хорошие новости — то, что ветер здесь не так ужасен, как мне казалось. Вместо этого идет снег спокойными, обильными хлопьями, а высоко над головой светят два солнца.

Два солнца!

Два чертовых солнца!

Я прищуриваюсь, чтобы убедиться, что я не стукнулась головой при крушении, и теперь у меня не двоится в глазах. Определенно их два. Они выглядят, будто образуют форму восьмерки, при этом одно из солнц помельче, более тусклое и практически перекрывает более крупное. Вдали — огромная белая луна.

— Это не Земля, — я громко кричу вниз. Черт. Я сопротивляюсь безумному желанию разрыдаться от разочарования. Мне так хотелось подняться и увидеть вдали здания, которые сказали бы мне — ох, это всего лишь Канада или Финляндия.

Два солнца, в общем-то, разрушили эту надежду.

— Что ты видишь? — кто-то снизу кричит мне.

Я смотрю на бесконечные сугробы снега вокруг потерпевшего крушение космического корабля. И поднимаю глаза. Вдалеке имеются необычные горы — или, по крайней мере, я почти уверена, что это горы — которые похожи на огромные ледяные фиолетового цвета кристаллы размером с небоскребы. Больше ничего, кроме голых скал. Это — лишь голая скала. Там нет деревьев. Только снег и неровный гранит. Похоже, наш крошечный корабль отскочил от одной из острых скал; наверное, так его и разорвало.

Я высматриваю живых существ или воду. Что-нибудь. Все, что угодно. Но не вижу ничего, кроме белизны.

— Как там все выглядит? — кричит кто-то еще.

Я облизываю свои губы, ненавидя, что они уже казались онемевшими от холода. Я — южная девушка. Мы не очень-то хорошо сочетаемся с холодом.

— Вы когда-нибудь смотрели «Звездные войны»? В первоначальной версии?

— Только не говори, что...

— Ага. Похоже, что мы приземлились на чертов Хот*. Если не считать того, что я вижу два крошечных солнца и большезадую луну.

*Прим. планета Хот («Hoth»), — в эпическо-приключенческом фильме «Звездные войны» — шестая планета в системе того же самого названия, расположена в «Коридоре Исона» в отдалении от цивилизации. Поверхность планеты — одна непрерывная корка льда и снега, сломанная лишь снежными горными хребтами и ледниками.

— Только не Хот, — кричит внизу Лиз. — Эта была шестая планета от их солнца, и я не припоминаю, чтобы у них имелась луна.

— Ладно, зануда, — выкрикиваю ей в ответ. — Тогда мы назовем это место Не-Хот. Девочки, пока меня не будет прикройте эту дыру пластиком. Это поможет сохранять тепло.

— Береги себя, — кричит Лиз.

— Твои бы слова да Богу в уши, — говорю я себе под нос.

* * *

Я вышла на заснеженный пейзаж, не имея ничего, кроме одолженной инопланетной одежды и оружия, из которого не знала, как стрелять. Пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не стучать зубами от страха. Меня трясет, пока я с трудом тащусь по снежным сугробам. Я ничего не знаю о зимних погодных условиях. Я из Флориды, в конце концов. Я переживу жуков пальметто. Я переживу аллигаторов. Мои неудобные ботинки с каждым шагом погружаются в снег по колени? Я уже не могу это выносить.

Однако есть более десятка девушек, ожидавших моего возвращения, зависящих от того, найду ли я хоть что-то. Что угодно. И у нас не такой большой выбор возможных вариантов. Я всегда могу вернуться обратно. Не думаю, что кто-то станет обвинять меня в том, что я боюсь.

И тогда я буду просто сидеть в треснувшем корабле и медленно умирать от голода вместе с другими. Или инопланетяне снова нас поймают и увезут.

Или я могу рискнуть замерзнуть, но попытаюсь что-то сделать, чтобы выбраться отсюда.

Так что я продолжаю путь.

Скажу лишь одно об инопланетянине с баскетбольной головой, которого убила: его одежда приятно теплая. Несмотря на то, что каждый шаг — крайне труден, и я тону в сугробах, я все-таки продолжаю идти.

Правда, мое лицо ощущается как кусок льда. Мои руки тоже. Рукава слишком жесткие для меня, чтобы натянуть их до кончиков пальцев, поэтому я иду, засунув одну руку в мою рубашку, а другу подмышку. Когда становится слишком холодно, я меняю их местами. Мое больное запястья чертовски болит, а ребра все еще горят. На самом деле, сейчас они горят куда больше, потому что я делаю глубокие вдохи, и всякий раз это способствует возникновению острой боли, которая прожигает насквозь мою грудную клетку.

Знаете, чего я хочу больше всего сейчас? Я просто хочу свернуться калачиком и плакать.

Но есть и другие, которые зависят от меня, поэтому я не могу.

После того, как я целую вечность шла, земля начала идти под откос, и я двигаюсь вниз. Вдалеке я замечаю высокие, тоненькие заледеневшие стебли, которые, как я полагаю, были деревьями. По крайней мере, я надеюсь, что это деревья. Здесь нет другой растительности, которую можно найти, поэтому я направляюсь к ним. Ветер усиливается, и мой костюм — неважно, насколько хорошо он выносит погоду — начинает пропускать холод. На самом деле, я насквозь промерзала. Дело дрянь.

Мне страшно и хочется вернуться на корабль. Я оборачиваюсь и прищуриваюсь вверх, в сторону скалистых гор. Каркас корабля похож на маленькую черную точку на фоне склона холма. Отсюда он кажется таким хрупким. Разбитым. И все еще нет никакой еды или животных, или даже воды. Только снег.

Черт побери. Нужно продолжать идти.

Стебли оказываются еще дальше от меня, чем я представляла в начале, и такое чувство, словно я всю жизнь спускаюсь вниз по склону горы. По мере того, как иду все дальше, я многое замечаю. Например, нечто, похожее на растительность. По крайней мере, я надеюсь,

что это растительность. Здесь есть довольно много кустов бледно-синеваго-зеленого цвета, которые больше походят на перья, чем на реальные листья. Они, должно быть, служат деревьями этого странного места. Когда я прохожу сквозь них, то дотрагиваюсь до одного. Кора — если это можно так назвать — ощущается сырой и липкой, и, морщась, я вытираю ладонь. Мало приятного.

Итак, я нашла деревья. Если здесь есть деревья, значит должен быть способ, как эти деревья получают питание. Деревьям нужен солнечный свет и вода. Я прищуриваюсь вверх на два солнца. Они двигаются по направлению к самому краю неба, а огромная луна поднимается все выше.

Внезапная мысль приходит мне на ум. Что делать, если я здесь застряну совсем одна на всю ночь?

— Тогда это паршиво, — бормочу я себе под нос.

Я достаю оружие, просто потому, что становиться легче от того, что имеешь под рукой оружие. Мои заледеневшие пальцы неповоротливы, когда я держу ими непонятное инопланетное оружие, но мне наплевать. Уж лучше у меня будет дерьмовое оружие, чем никакого оружия.

Я снова продвигаюсь вперед, начиная испытывать отчаяние. А что, если инопланетяне нас сбросили здесь, на этой планете, именно потому, что мы не сможем сами за себя постоять? В то время как эта ужасная мысль приходит мне на ум, мне слышится журчащий звук.

Вода?

Я останавливаюсь, мое сердце начинает колотиться в груди. О, пожалуйста, пусть это будет вода! Если это — вода, следовательно, тепла там хватает, чтобы не превратиться в лед. А это означает что-то теплое. И прямо сейчас? Я бы выпила чего-нибудь горячего.

Я бросаюсь вперед. Звук воды, кажется, доносится с того же направления, что и странные, высокие стебли, которые продолжают становиться все больше, чем ближе я приближаюсь, и к тому времени, когда нахожу край булькающего, дымящегося потока, стебли высотой гораздо выше, чем некоторые здания у нас на Земле. Эти сине-зеленые растения башней возвышаются надо мной, как лес молодых побегов бамбука, торчащих из воды. Каждый из них оканчивался бледно-розовой, отвисшей штукой. Довольно причудливый вид, но, возможно, это нормально для этого места.

Есть еще ряд стеблей, размером с человека, в непосредственной близости от мутного берега. Я хватаюсь за один. Он под моей ладонью теплый. Это хороший знак, что вода тоже теплая. Возможно, слишком теплая, чтобы коснуться. Я, держась за стебель, наклоняюсь до поверхности.

Приблизившись к воде, я вдруг с ужасом замечаю, что с другого берега водоема на меня в ответ смотрит лицо с огромным ртом, зазубренными зубами и выпуклыми рыбьими глазами. А стебель, который я держусь? Судя по всему, это приложение к его носу. О боже!

Закричав, я начинаю отодвигаться и, обмирая от страха, вижу, как огромное зубастое существо резко бросается вперед, щелкая пастью около меня.

Я продолжаю кричать и спиной отходить от края водоема. Существо, переполошившись, чуть отодвигается от поверхности воды. Мой крик так подействовал на него? Стебель, который я недавно держала, слегка вздрагивает, прежде чем двинуться обратно к нему.

Черт побери.

Черт... побери. Меня только что чуть не сожрало инопланетное рыбьеподобное...

существо.

Я широко раскрытыми глазами пялюсь в радужно булькающий поток. На огромные стебли, торчащие из него. На те, которые выше двухэтажного дома. Все они... монстры?

Я разворачиваюсь и убегаю. Прерывисто дыша, я бегу по снежным сугробам настолько быстро, как могу, поднимаясь обратно на гору. Возвращаясь обратно через сине-зеленые «деревья». К черту все это. Я не оснащена как следует, чтобы справиться с инопланетными формами жизни на чужой планете. Мои легкие болят, дыхание вырывается с хрипами, а ребра горят как в огне, да и опухшее запястье ноет, но я не останавливаюсь.

Когда я пробегаю мимо одного из странных деревьев, что-то затягивается вокруг моих лодыжек. Я даже не успеваю вскрикнуть, прежде чем падаю, потеряв равновесие, а потом оказываюсь подвешенной на ветви дерева.

Вот черт, мои ноги связаны!

Я кричу снова и снова, извиваюсь и поворачиваюсь. Земля, по крайней мере, на расстоянии фута или двух от меня, и я не могу до нее дотянуться. Как спуститься? Моя дубинкой-вырубающая-пушка! Черт, черт, черт, я выронила ее, когда падала.

Когда ничего не происходит, я прекращаю дергаться и паниковать, и пытаюсь собраться с мыслями. Я, болтаясь в воздухе, сгибаюсь, чтобы взглянуть на свои ноги. Они связаны какой-то веревкой. Если я смогу достаточно подобраться... это определенно похоже на узел. Другой конец веревки привязан выше среди ветвей. Я хнычу от разочарования и замолкаю. Я просто спокойно покачиваюсь на дереве взад-вперед.

Я... Я попала в ловушку.

С одной стороны это обнадеживает. Здесь обитают разумные существа, ведь так? Что очень радует, потому что это означает, мы не одиноки.

Но я не могу закрыть глаза на тот факт, что поймана в охотничью ловушку, и кто-то может решить, что я — ужин. Я припоминаю сцену из «Звездных войн», где Люка подвесили вниз головой в пещере снежных существ. И я снова начинаю паниковать, потому что знаю, куда такого рода дела приводит. Люк смог освободиться до того, как существо съело его, потому что он был Джедаем*.

*Прим. Джедаи (англ. Jedi) — ключевые персонажи «Звездных войн», рыцари-миротворцы — члены Ордена Джедаев. Джедаи умеют направлять Силу, что дает им некоторые сверхъестественные способности. Основное оружие джедая — световой меч.

А я? Я лишь простая девушка из Флориды в украденном космическом костюме, без оружия и со сломанным запястьем. Я знаю, чем все это закончится.

Я хныкаю и извиваюсь еще немного, двигая ногами, пытаюсь их высвободить из петли, которая крепко удерживает меня вверх тормашками.

Я не хочу быть здесь, когда вернется хозяин этой ловушки в поисках своего ужина.

Дерганье ногами ничем не помогает, поэтому следующие пару минут я сосредотачиваюсь в попытке дотянуться до моего оружия. Не то, чтобы я знала, как им пользоваться, но я буду чувствовать себя спокойнее, если оно будет у меня. Однако, становится все труднее думать, и чем дольше я здесь вишу, тем тяжелее моя голова ощущается.

Я понимаю, что, вероятно, для меня не слишком хорошо долгое время висеть вверх ногами. Как долго человек может провисеть вниз головой, прежде чем к его голове прильет вся кровь, и он умрет?

Когда я выкручиваюсь еще сильнее, краем глаза замечаю, что откуда-то сбоку что-то

есть. Я перестаю двигаться и пристально смотрю, как ко мне приближается белая, покрытая мехом фигура.

Дерьмо. Уже слишком поздно. Я — ужин.

— Нет, — хнычу я и начинаю снова бороться. Но мое тело больше не справляется с задачами, которые я ставлю перед ним. Моя голова пульсирует, а затем я теряю сознание, как только монстр приближается.

По крайней мере, я не буду в сознании, чтобы чувствовать, как он съест меня.

ВЭКТАЛ

Я не могу опознать это... существо, которое корчится в моей ловушке.

Это что-то новое.

Я осторожно к нему приближаюсь, мой клинок вытасчен из ножен. Минуту назад моя жертва дергалась, а теперь она обмякла. Запах стоит *ша-кхай*, но все же... нет. Это возбуждает мое любопытство. Кончиком своего клинка я тыкаю существо, чтобы увидеть, подпрыгнет ли оно еще раз, но оно неподвижно. Ветер усиливается, холодный воздух поднялся с прибытием маленькой луны, солнца-двойняшки зашли за край.

Резким движением клинка я разрезаю веревку, связывающую ноги непонятного существа, и оно шлепается на землю, свалившись в снег.

И тогда я снова испытываю потрясение, поскольку мой *кхай* внутри меня откликаться. Мое внутреннее существо, которое дремало столь долго, и которое ни в ком не признавал себе партнершу среди моего народа? Оно вибрирует и напевает при виде этого нового существа.

Я пристально смотрю на него.

Мои мысли путаются и приводят в смятение. Я хватаю его в свои руки и мчусь к самой ближайшей охотничьей пещере.

Это — жестокий сезон, когда охотники должны быть осторожными, отправляясь так далеко от своих домашних пещер. Есть целый ряд охотничьих пещер, которые используются только в самые холодные из ночей, когда охотник находится на расстоянии многих пробежек от дома. Их расположение укоренилось в моем мозгу в следствии зависимости от бесчисленных возвращений на охоту, и я с легкостью нахожу ту, которая расположена ближе всего. Я отодвигаю в сторону кожистый полог, защищающий вход, и укладываю свою ношу на пол. Быстрая встряска меховых шкур в пещере не выявляет каких-либо скрытых обитателей, поэтому я перекладываю туда существо женского пола — ибо «это» — наверняка «она». Ее зубы стучат, дыхание хриплое и тяжелое, так иногда делают детеныши, прежде чем они становятся *ша-кхай*, поэтому я прикасаюсь к ее веку и открываю его, чтобы убедиться, не *оживляется* ли она изнутри.

Глаз внутри белый, тусклый. Внутри нее нет никакого *кхай*, либо, если он там есть, то сейчас уже умер. Если она ребенок, то тогда к ней нужно будет относиться как таковому. Я быстро развожу огонь и жду, когда он ее согреет. И потому что мое любопытство взяло надо мной верх, чтобы осмотреть ее. Я убеждаю себя, что это лишь для того, чтобы определить, не ранена ли она, но мой разум кричит удовлетворить любопытство, мой *кхай* вибрирует в груди песней, напев которой крепнет все больше с каждым выжидающим моментом.

Она заставляет меня откликаться. Она *моя*.

Я провожу рукой по ее конечностям. Она одета в какую-то одежду, которая воняет

старыми, мучительными воспоминаниями. Я хочу сорвать это тряпье с нее, но если она столь беспомощна, то одежда ей еще понадобится. Поэтому я трачу время, выискивая крепления и расстегивая их, чтобы разоблачить скрывающуюся под одеждой плоть.

Она очень привлекательная. Не похожа на *ша-кхай*. Ее плоть практически полностью лишена растительности, если не считать длинных, ниспадающих волос на ее голове и маленький пучок между бедрами, который показался, когда я стянул кожаные штаны. Развеселившись, я фыркаю при виде этого маленького пучка.

Восхитительная. Восхитительная и абсурдная.

У нее под кожей нет выступов, чтобы определить ее мышцы, и самое ошеломляющее ощущение меня охватило, когда я осознал, что все ее тело состоит из сплошной мягкости и слабости. Возможно, она больна, и именно поэтому ее *кхай* не стало. Я провожу пальцами по ее странному лицу. Оно очень гладкое, а ее лоб плоский. У нее нигде нет наростов. Лишь мягкость.

Как кто-то столь слабый, как она, могла найти путь к нашим внешним охотничьим угодьям? Это — тайна, почти такая же, как та, что она заставляет мой *кхай* в груди усиленно звучать. Он напевает с призывом и необходимостью спариваться, что пронзает все мое тело, когда ее мягкие, округлые бедра раздвигаются, и ее аромат заполняет мои ноздри.

С моих губ вырывается стон, поскольку член затвердел, крайне сильно набухнув.

Я сую свое лицо между ее ног, так, что могу всю ее попробовать на вкус.

ДЖОРДЖИ

Я почти уверена, что это сон.

Возможно, все дело в этом. Один большой и дурной сон. У меня просто на какое-то время в голове застряли худшие части этого сна, а теперь я добираюсь до влажной части. Потому что я почти уверена, что голая, и между моими ногами язык, который лижет меня так, словно завтра никогда не наступит.

Я тихо стону. Этот сон куда лучше, чем то дерьмо о космическом корабле.

Что-то скользкое с твердыми, плотными шишечками двигается вверх-вниз по моей киске. Рот, язык. Он скользит через мои складочки, и я прижимаю руку ко лбу, потому что мне так хорошо. Вспышка боли пронзает мое запястье, но она быстро тонет под новой чередой удовольствия. Рядом звучат мягкие грохочущие звуки, практически как выражения речи, за исключением того, что я не понимаю ни слова. Этот парень поглощает мою киску как чемпион.

Его голова поднимается, и он прижимается лицом к моему маленькому островку волос на лобке, снова что-то бормоча. Мои руки тянутся к нему, чтобы опустить его голову обратно туда, где я хочу ее.

Но я наталкиваюсь на рога.

Резко очнувшись, я понимаю, что это не сон. Ничто из этого. Я в шоке смотрю вниз на свое тело. Я голая! Я голая, и между моими ногами какой-то парень с парой массивных, закрученных рогов, растущих из его головы. В то время как я в шоке смотрю, его язык снова проходиться по моей киске.

— О, Боже мой, — шепчу я. Я вытягиваю руки, пытаюсь оттолкнуть его голову. Это ненормально. Это ненормально!

Когда он, наконец, смотрит на меня, я задыхаюсь от ужаса.

Он не человек! В смысле, я понимаю, что с рогами и все такое, но глядя на его лицо, сразу видно, что он на самом деле не человек. Рога поднимаются от линии роста волос и закручиваются вокруг его черепа как остроконечный, смертоносный шлем. И прежде всего, этот мужчина синий! Ну, синевато-серый с черной гривой волос, которая напоминает мне гриву льва. Его брови густые, более густые, чем у любого человека, которого я видела, лицо скуластое, будто высечено из камня. По его лбу к кончику носа расположены какие-то борозды, его синевато-серая кожа в том месте чуть темнее.

А его глаза — ярко светящийся оттенок синего, которого я раньше никогда не видела. Синий как Карибские воды, но совершенно без каких-либо зрачков. И они светятся!

Тихий всхлип срывается с моих губ, когда мужчина поднимается надо мной. Я вижу, что его плечи покрывают пушистый белый мех, и понимаю, что уже видела этот мех, когда висела вверх ногами. Это был не монстр, пришедший съесть меня. Это был этот монстр!

Он пришел, чтобы сожрать меня!

Все это начинает казаться мне невероятно нелепым, и мне хочется рассмеяться, но я слишком напугана.

— Что ты собираешься со мной делать? — тихо спрашиваю я, мои глаза широко открыты. «Пожалуйста, воздержись, не убивай меня, пожалуйста, не убивай меня», — эхом отражается в моей голове.

Синий мужчина что-то говорит и легонько проводит рукой по моему животу. Затем эти странные светящиеся глаза отрываются от моего взгляда, и его голова опускается.

И он снова начинает облизывать меня. Длинные, медленные, очень влажные облизывания прямо внутри гладких складочек моей киски. Боже.

Это выше моих сил. Меня начинает трясти. Это немного щекотно и заставляет меня извиваться, и мне стоило бы кричать «не надо», «помогите», «насилуют», но вместо этого я хихикаю. Потому что монстр не захотел меня съесть. Он лишь... хочет лизать мою киску! Я встречалась с парнями, которых я так и не смогла убедить опуститься на колени для меня, а вот этот — делает это в качестве приветствия.

Меня охватывает смех, облегчение и нелепость, все в одно и то же время. Может, я и слегка истерична, но это не имеет значения теперь. И все же, я пока не собираюсь умирать, а странный парень с рогами полон решимости доставить мне оральное удовольствие. Дело в том, что... из всех самых жутких сценариев, что я напридумывала себе, начиная с похищения инопланетянами, — быть облизанной, пока я не кончу, даже близко не было в моем списке.

А он очень, очень хорош в облизывании.

Что-то твердое и немного округлое скользит против моего входа, и я понимаю, что это такое строение его языка. И это ощущается невероятно прекрасно. И даже при том, что инстинкты подсказывают мне найти свою одежду и убраться отсюда к черту, я не двигаюсь. Я — едва ли могу дышать.

Когда одна большая рука давит на мои бедра, убеждая меня развести ноги пошире, я это и делаю. Я поднимусь и возмущусь через минуту.

Всего. Лишь. Через. Минуту.

Он облизывает меня снова, и его язык задевает мой клитор. И я ничего не могу поделать, когда постыдный пронзительный стон срывается с моих губ. Мой клитор особенно чувствителен, и до этого момента мужчина избегал его.

Рогатый вскидывает голову, и в его взгляде я вижу то, что могу принять исключительно за удивление. Я вся дрожу, когда эти странные глаза смотрят на меня. Я прижимаю

здоровую руку ко рту, преисполненная решимости не произвести еще один шум, испугав его. А что, если он разозлится и, так сказать, забодает меня этими гигантскими рогами?

Но он лишь на мгновение выглядел озадаченным. В то время как я смотрю, его большие пальцы раскрывают мои складочки, и он внимательно меня изучает. Сгорая от унижения, я пытаюсь плотно сдвинуть ноги. Да пошло оно все! Однако его большие руки резко перемещаются и удерживают мои ноги, не дав мне сдвинуться, и мужчина снова раскрывает мои складочки. Он выглядит шокированным — по-настоящему шокированным — при виде моего клитора. Он говорит что-то, что походит на *sasa*, и это определено вопрос.

Я снова пробую сомкнуть ноги и подняться.

— Сейчас не время для урока анатомии, приятель.

Крупный инопланетянин строгим словом прижимает меня обратно вниз на меха.

Я хватаю его за руки, но он куда сильнее и решительней меня. Он удерживает мои бедра широко разведенными друг от друга, и я не могу не заметить, что его рука огромна, как бейсбольная перчатка. Насколько высок этот парень? Его рука снова раскрывает складочки моей киски, и к моему чрезвычайному унижению, он касается моего клитора, словно собирается укусить его.

Я остаюсь совершенно неподвижной.

Это не устраивает его. Он бормочет что-то, а затем начинает потирать капюшон клитора, будто пытаюсь понять правильное прикосновение, чтобы заставить меня снова отреагировать.

И неожиданно для себя я начинаю отвечать. Я закрываю глаза, чтобы мне не пришлось видеть его лицо, а синий мужчина продолжает прикасаться ко мне, очень осторожно поглаживая мой напряженный комочек. У меня довольно неплохо получается контролировать свою реакцию, даже при том, что от каждого прикосновения его пальцев мне хотеть стонать.

Я чувствую горячий рот на своем клиторе, мужчина начинает его нежно посасывать, и мое дыхание прерывается.

Мои бедра под ним поднимаются, и я громко стону.

Инопланетянин бормочет что-то, что звучит радостно, и продолжает облизывать и сосать клитор, пока мои бедра не начинают дрожать. Я сейчас кончу! Черт его побери! Черт побери, его и то, что он заставляет меня чувствовать себя невероятно. Бугорки и шершавости на его языке двигаются по клитору, и все мое тело содрогается от наслаждения, а затем я бурно кончаю. Снова и снова моя киска сжимается, и оргазм поглощает меня, все мое тело дрожит и напрягается от его напора.

Обессиленная, я опускаюсь на меха и закрываю ладонью глаза, потирая свое лицо.

Отлично, значит, я только что это сделала. У меня только что был оргазм от инопланетянина. Понятия не имею, как я объясню это Лиз и остальным.

Рогатый говорит что-то еще, и я открываю один глаз, чтобы посмотреть на него. Выражение его лица свирепое, и ни с чем не спутаешь гордость в его мужественном взгляде на его нечеловеческом лице. Он доволен, что заставил меня кончить. Я указываю на него пальцем.

— Ты — кретин, — бормочу я.

В ответ он говорит что-то еще, затем хватает меня за бедра и поворачивает на живот.

Я знаю, что будет дальше. И даже, несмотря на то, что я только что кончила, девушки должны соблюдать границы. Я не хочу заниматься сексом. С оральным все в порядке до тех

пор, пока я — получатель, но именно секс — слишком много и слишком быстро. Я поворачиваюсь в его руках, а затем пинаю, попав куда-то в мускулистую грудь.

Такое чувство, что я сломала ее — свою ногу, то есть. Не его грудную клетку, конечно.

Такое чувство, будто я пнула железо. Я скулю от боли и падаю на покрывало из меха, моя нога пульсирует, и боль от лодыжки выстреливает по всему моему телу.

Но когда я смотрю вверх, то вижу ярость инопланетянина.

ВЭКТАЛ

Моя пара, резонанс моего кхай, новый смысл моего существования, только что приставила свою крошечную, странную ножку к моей груди и лягнула. Такое впечатление, будто она не хочет спариваться.

Ее странные, умершие глаза расширились от страха, никакого обнадеживающего свечения в них нет. Хочу ей сказать, что с ней все будет в порядке. Что теперь она моя, и я буду заботиться о ней. Что мы убьем одного из тех чудовищных *са-кохчк* и вытащим из его глубин новый кхай, чтобы ей больше не приходилось страдать.

Но я озадачен, зачем бы ей причинять себе боль? Я потираю свою грудь там, куда она пнула меня своей крошечной ножкой. Без кожаной одежды ее тело кажется еще меньше, и она такая мягкая и без твердых выпуклостей. Она, кажется, тоже об этом забыла, так как окинула меня возмущенным взглядом, а затем завывала от боли и схватилась за свою ногу.

Не понимаю, что с ней. Быть может, отсутствие у нее кхай влияет на ее чувства?

— Я не причиню тебе вреда, — говорю я ей медленно, потому что она выглядит испуганной. — Ты теперь моя пара.

— Тхт хрт дмтт!

— Дай мне осмотреть твою ногу, — требую я. Более того, если у нее нет кхай, она, скорей всего, не излечится должным образом. Когда она не перестает смотреть на меня испуганно, я протягиваю вперед руку и кладу на ее лодыжку.

Она рычит что-то и снова нападает на меня. Ее ручка сжимается в кулак, и она бьет им меня по лицу, разбив мою губу о мои же зубы. Вспышка боли, вызванная ударом, заставляет меня зарычать.

Она немедленно замолкает, отодвигается назад, поднимая руки, чтобы попытаться прикрыться.

Ее реакция вызывает у меня отвращение.

Эта женщина, это маленькое существо, которая в два раза меньше ростом ша-кхай, моя пара. Неужели она могла подумать, что я причинил бы ей боль? Но даже сейчас она съеживается, как будто ожидает удара. Гнев наполняет меня, потому что это — не нормальная реакция.

В прошлом кто-то причинял боль моей паре.

Я протягиваю руку вперед и поворачиваю ее бледное лицо к себе. Она сопротивляется, а ее глаза снова закрываются, и она начинает дрожать. Я разглядываю ее маленькие, ровные черты лица. Ее цвет кожи обычный, за исключением пестрого кровоподтека вдоль одной стороны. Это свидетельство того, о чем я подозреваю.

— Кто это с тобой сделал? — спрашиваю я.

Она дрожит, но не отвечает мне. Она не немая. Она издает звуки, и я сомневаюсь, что она ударила головой. Или, возможно, ее люди говорят на нелепом языке твердых слогов, которыми она заполняет мои уши. Он абсолютно не похож на мой язык.

Но опять же, она не имеет ничего общего с ша-кхай. Не следует ожидать схожие черты.

Тем не менее, я очарован ею. Мужчины моего племени говорят, что нет удовольствия, похожего на вкус созвучной пары на твоих губах, и они оказались правы. Погрузиться лицом

между ее ног было одним из самых подлинных удовольствий, которые я когда-либо испытывал, и я хочу почувствовать это снова.

Однако, из ее реакции и того, как она съеживается, совершенно ясно, что я — единственный, кто себя так чувствует. Я озадачен ее реакцией, но это, должно быть, из-за отсутствия у нее необходимого кхай. Она не чувствует резонанс, как я.

Она не чувствует нужду, подобную зубной боли, утвердить пару «как свою». Она не чувствует опустошенность одинокой души. Как она может? Внутри нее нет кхай, чтобы резонировать.

Очевидно, боги прислали ее ко мне, чтобы я мог научиться терпению. Я печально улыбаюсь. Это не самая сильная моя черта.

— Ладно, малышка, — говорю ей и поглаживаю пальцами ее странную, гладкую кожу. — Мы с тобой должны будем вместе научиться терпению.

— Днт ннерстнд джев.

Ее слова быстро и легко вылетают из ее проворного рта, и я замечаю, что ее клыки исчезли, и мое сердце в груди, мой кхай, прекращает свой резонанс. Несмотря на ее жалкие попытки оттолкнуть меня, я отгибаю ее губы, исследуя зубы. Они сломаны?

Но нет, по-видимому, ее маленькие зубы именно такие: целые и даже близко не такие большие как мои передние клыки. Странное существо.

Я отпускаю ее, а она шлепает меня по рукам и негодующе смотрит, сузив глаза.

— Фкоффвгтх тхт.

Ее тело совершенно отличается от ша-кхай. Она мягкая и в большинстве мест безволосая, и я не видел хвоста. А еще есть тот странный сосок между ее ног. Я нахожу его возбуждающим, потому что он заставляет меня думать о том, какая она на вкус. Я снова хочу почувствовать ее своим языком. Даже сейчас при воспоминании у меня текут слюнки, и мой кхай вибрирует в груди.

Так что я просто присаживаюсь поудобнее и наблюдаю за ней, чтобы увидеть, что она будет делать дальше.

Она собирает свои странные кожаные одежды вокруг себя, полная решимости прикрыть свое маленькое, мягкое тело. Ей холодно? Мои защитные инстинкты просыпаются, и я поворачиваюсь к костру и подкидываю в него большую часть заготовленных дров. Мне нужно будет срубить дерево и снова пополнить здесь запасы для следующего охотника, но это задача, которую я с удовольствием сделаю ради своей пары. Я хочу, чтобы ей было тепло и уютно.

Как только я развел огонь, она пододвигается к нему и протягивает руки поближе к пламени. Они выглядят... странно.

— У тебя по пять пальцев, — говорю я ей и поднимаю свою руку. У меня четыре. Это — еще одно различие между нами. Я очарован и немного возмущен из-за этих дополнительных пальцев.

Она рукой дотрагивается до своей груди.

— Шжжеорши, — она снова хлопает по своей груди и смотрит на меня. — Ыма Шжжеорши.

Теперь что-то не так с ее грудью? Она пытается мне сказать, что ее кхай не стало? Это столь же очевидно как ее тускло-белые глаза.

— Да, я знаю, — говорю я ей. — Не бойся. Мы выполним церемонию, когда вернемся домой к племени.

— Шжжеорши, — снова говорит она, хлопая по своей груди, а затем протягивает руку и хлопает по моей груди, выжидательно смотря на меня.

Она спрашивает о моем резонансе? Я прижимаю ее маленькую руку к своей груди, чтобы она почувствовала, как мой кхай вибрирует. Резко рванув прочь от испуга, она смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Фхтвс тхт? Тфтсхер ыма?

— Резонанс, — объясняю я ей, и мой кхай гудит при ее прикосновении.

Она смотрит на меня таким шокированным взглядом, что я начинаю испытывать чувство неловкости. Когда она снова кладет руку мне на грудь, и я резонирую, она отдергивает руку так быстро, будто коснулась чего-то ледяного.

— Хыее цыее цнт пру новнске тхт, — говорит она и снова прижимает руку к моей груди, затем обратно к своей. — Шжжеорши.

— Шжжеорши, — повторяю я эхом.

Ее лицо светлеет.

— Йс! — она радостно хлопает по своей груди. — Шжжеорши!

Она не пыталась рассказать мне о своем кхай или отсутствии у нее резонанса. Это — ее имя.

Она снова касается своей груди и выжидательно смотрит на меня.

Расстроенный, я касаюсь своей собственной груди.

— Вэктал.

Она выпячивает челюсть и пытается произнести мое имя правильно. Выходит больше как «Хптэл». Ей не удается добиться правильного проглатывания первого слога. Ничего страшного. Это только начало.

— Хптэл, — говорит она радостно и снова похлопывает по своему плечу. — Шжжеорши.

Ее собственное имя состоит из искаженных слогов, но я пытаюсь его произнести, чтобы сделать ее счастливой. Она — Шжжеорши.

Однако Шжжеорши для меня загадка. У нее нет хвоста, нет меха. Она носит странную кожаную одежду и безоружная разгуливает по опасным охотничьим угодьям. Она слабая и мягкая, у нее нет кхай, и она не знает ни слова нашего языка.

Всему этому нет никакого смысла. Но как же Шжжеорши тогда смогла оказаться здесь? У каждого живого существа есть кхай. Мои люди, ша-кхай, являются единственными разумными существами в мире. Есть мэтлаксы, но они покрыты волосами и не умнее камней. Они еще даже не освоили огонь.

Шжжеорши разумна. Она не вздрагивает от огня как мэтлак. Она распознает его. И она носит переработанную кожу. Ее ботинки намного лучше, чем что-либо, что я видел раньше. Шжжеорши пришла откуда-то.

Но откуда? Я не могу спросить ее об этом. Мы едва можем общаться.

Но затем что-то мне подсказывает, что... она не резонирует. Она не чувствует того же, что я, потому что у нее нет кхай. Возможно, у нее его никогда и не было.

Вдруг, меня поражает чувство потери настолько сильно, что неосознанно я обнажаю зубы. Этого... этого не может быть. Как так случилось, что она не может мне резонировать? Тогда получается, мы вовсе не связаны? Выглядит так, будто я спустя долгое время нашел свою вторую половинку..., а она для меня мертва. От этой мысли я задыхаюсь. Отсутствие кхай — смертный приговор. От вида Шжжеорши такой полной жизни и такой обреченной

моя душа страдает.

Но нет. Она — моя пара. Моя вторая половинка. Я сделаю все, что необходимо, чтобы удержать ее.

ДЖОРДЖИ

У него есть огонь. Это большой плюс в моем понимании. Я потираю руки, приближаясь к огню и греясь в его тепле. Это отгоняет холод с внешней стороны. Ветер свистит через откидную дверную створку, и я замечаю, что снаружи темнеет, но в этой пещере я хорошо разогрелась, пока сидела возле огня. С чувством вины я думаю о Лиз, Кайре и других. Несомненно, они могут оставаться в тепле, прижимаясь друг к другу, не так ли?

Я смотрю вверх, как Хптэл или скорее Вэктал начинает вышагивать по небольшой пещере. Он выглядит обеспокоенным, и от этого я начинаю немного нервничать. Такое ощущение, что я сделала что-то не так, но у меня нет ни малейшего понятия, что именно. Он продолжает тихо мурлыкать, ранее мне казалось, что он счастлив. Однако, видимо, я ошиблась.

У меня в животе громко урчит, и я прижимаю к нему ладонь. Настало время перекусить морской водорослью. Я проверяю карманы своего украденного комбинезона, но ничего не нахожу и начинаю поддаваться панике. Итак, я потеряла и свою еду, и оружие. Все, что у меня осталось, — обувь, которая жмет мне ноги, и комбинезон. Блин, хреновая у меня получилась разведочная вылазка. Уф.

Синий мужик подходит и становится на колени рядом со мной, я же инстинктивно отодвигаюсь, настороженно смотря на него. Совсем недавно я просто наслаждалась способностями его рта, но я понимаю, чего он хочет, и с опаской отношусь к тому, что он стоит слишком близко.

Но он лишь жестом указывает на мой живот.

— Кууууск?

Это слово состоит из разных тональностей, которые у меня не получится воспроизвести. Такое впечатление, будто он производит какую-то странную вибрирующую штуку на задней стенке гортани.

— Проголодалась, — говорю я ему и поглаживаю свой живот, имитируя прием пищи.

Он указывает на мои зубы и задает еще один вопрос. Отлично. Что-то в них его тревожит. Я обнажаю их, чтобы показать ему, что с ними все хорошо, а мне в ответ он обнажает свои собственные.

Клыки. Понятно, у него клыки. Его клыки — в три раза крупнее моих, и выглядят они довольно-таки зверскими. Теперь понятно, почему он озадачен моими короткими, тупыми зубами.

— Надеюсь, твои для пережевывания овощей, — говорю я ему весело.

Мужчина стягивает меховую накидку и, Господи, как же я рада видеть, что это его одежда, а не часть его самого. Рога я переживу, наверное. Однако, я счастлива, что этот косматый мех — не его.

Еще раз взглянув на его тело, вижу, что он не такой огромный, как я думала раньше, большая часть тела была скрыта одеждой. Тем не менее, не замаскируешь, что он ростом в семь футов (*Прим.: 2.13 м*).

Я с подозрением слежу за каждым его движением, в то время как он раздевается.

— Надеюсь, ты не перепутал урчание моего живота с временем для похоти.

Меховая накидка отправляется на пол пещеры, и мои глаза широко распахиваются от открывшегося вида. По-моему, это настоящая кожа, и вся она одинаково нежно синевато-серого оттенка, напоминающая хмурое небо в ненастный день. Его руки обнажены, а грудь покрыта жилетом, который, казалось, был сделан исключительно из перевязанных ремней и карманов. В нем приспособлен ряд зловеще выглядящих ножей, сделанных из костей, прикрепленных ремнями к его груди. У него много обнаженной плоти вопреки бушующей снаружи снежной буре, и мне интересно, насколько теплая та дурацкая накидка.

И удастся ли мне украсть ее.

— Пожалуй, это не слишком хорошая идея, Джорджи, — рассуждаю я вслух. — На данный момент этот парень — твой единственный помощник.

Пусть даже он всего лишь хочет лизать мою киску. Я плотно сжимаю свои бедра от воспоминаний об этом и стараюсь не покраснеть. Я снова поглядываю на инопланетянина. Его руки обнажены и демонстрируют сумасшедшее количество рельефных мышц. Они огромные и устрашающие, могу себе представить, что грудные мышцы под кожаным жилетом столь же ошеломляющие.

Вэктал стягивает ремень с одного плеча, и я вижу, что вдобавок к бесчисленным застегкам и ножнам, у него через плечо перекинут рюкзак. Мой желудок снова урчит. У него там может быть еда.

Нормальная еда. Не морские водоросли.

У меня текут слюнки, и я плотно сжимаю вместе ладошки лишь бы сдержаться и не потянуться к нему. Я никогда за всю свою жизнь не была настолько голодной. Мужчина открывает свой мешок и достает что-то вроде кожаного пузыря, который, должно быть, служит мешком для воды, наряду с обернутым в кожу свертком. Он вручает его мне, и я быстро его разворачиваю. Внутри обертки находится несколько толстых кусков того, что выглядит как мясо, смешанное с чем-то вроде овсянки. Наверное, походный провиант. Меня трясет, и я поднимаю глаза на него.

— Это мне?

— Кууус-ках, — он говорит на своем странном языке, руками имитируя разрывание на куски и поедание его.

От радости мне тут же захотелось расцеловать его, с клыками и всем остальным.

— Спасибо, — благодарю я и разрываю большой кусок. Мне плевать, если я кажусь прожорливой. Я просто умираю с голода. Я запихиваю целые куски в рот и пытаюсь пережевать.

В ту же секунду я понимаю, какая это была ошибка.

На вкус это... ну ладно, ужасно, и это самое приличное слово, что приходит на ум. Такое ощущение, что у меня во рту упаковка перцев халапеньо*, смешанного с ужасной, мучной текстурой. Специи столь острые, что у меня тут же потёк нос и заслезились глаза. Меня душит кашель, я отчаянно пытаюсь проглотить кусок, которым у меня полон рот, но он ужасно жжет мой язык. В конце концов, я давлюсь и выплевываю половину еды в свою руку, а инопланетянин все это время продолжает с интересом наблюдать.

*Прим. Халапеньо — средних размеров перец чили, который ценится за ощущения при его поедании от «тёплого» до «горячего».

Это ужасно. Я давлюсь и кашляю еще мгновение до тех пор, пока он не толкает мне в руку кожаный мешок и рывкает короткое слово. Я осторожно делаю плоток, боясь вкуса

жидкости. К моему облегчению, вода прохладная и бодрящая, с нотками цитрусового вкуса. Я с наслаждением жадно пью, и кашель, душивший меня, медленно стихает.

Я отодвигаю холодную еду обратно ему и мотаю головой. Даже если бы я и захотела это съесть — а мне и вправду очень хочется — я не могу. От одной лишь мысли о том, чтобы положить себе в рот даже маленький кусочек, у меня сводит челюсть. Мой желудок издает жалкий протест.

Инопланетянин озадачен моим отказом от пищи. Он снова осматривает мой рот и пытается прикоснуться к моему языку. Я отталкиваю в сторону его исследующую руку.

— Проблема же не с моим ртом, а в твоей еде.

Он говорит что-то на своем невнятном языке и жестом указывает на мои синяки. О! Так он считает, что я не могу есть, потому что мне больно. Я мотаю головой.

— Я в полном порядке. Seriously.

Инопланетянин — Вэктал — с любопытством смотрит на меня.

— Даже не надеюсь, что здесь неподалеку есть славный город, полный приветливых инопланетян, да? — интересуюсь я. В маленькой пещере становилось все холоднее, при этом насвистывает легкий ветер, поэтому я натягиваю свою куртку еще теснее вокруг себя.

Вэктал поднимает свою меховую накидку и накидывает ее мне на плечи, разговаривая со мной на том странном грохочуще-певучем языке.

— Спасибо, — говорю я и укутываюсь в нее более тесно. Инопланетянин не одевается, значит холод, должно быть, не беспокоит его так же, как меня. Я не спускаю с него глаз, когда он нагибается и подкидывает еще одно полено в огонь.

Да у него хвост! Ну и ладно. У множества существ есть хвосты. Это не настолько странно. Я пытаюсь не развеселиться из-за этого инопланетянина, но он слишком... отличается. Ну, для начала, его рога. Рука, которая подкидывает очередную деревяшку в огонь, имеет только четыре пальца. Надетые на него сапоги выглядят, будто из легкой кожи, но на пальцах ног сформированы весьма широко, поэтому я могу только догадываться, что там внутри.

Ох, к тому же он — дымчато-серовато-синий. Нельзя забывать про эту деталь. И он мурлычет. Так что, да, кажется, он в итоге не очень-то похож на меня, за исключением того, что ведет он себя как двуногий.

— Шжжеорши, — говорит он, коверкая мое имя. Он повторяет его несколько раз, затем хмуриться, встряхивая своими заплетенными в косы темными волосами. — Шжжеорши Вэктал, — повторяет он, потом указывает на свой глаз, а затем опять трясет головой.

— Я не понимаю, что ты пытаешься мне сказать, — говорю я ему. — То, что я не похожа на тебя? Я знаю это, — я указываю на его еду. — Бог свидетель, я хотела бы это съесть, но не могу, — мои глаза наполняются слезами. Все чувства словно обрушиваются на меня. — Ты даже понятия не имеешь, насколько дерьмово изменилась моя жизнь за последние две недели.

Он что-то говорит более мягким голосом и вытирает слезу, которая стекает вниз по моей щеке. Я замечаю, что его кожа ощущается, будто мягкая замша или бархат. Она... замечательная. Его утешающие прикосновения кажутся такими нужными сейчас, даже если все остальное, что есть на свете, в полном дерьме.

Вэктал натягивает накидку на меня еще сильнее, встряхивает шкуры у костра и говорит что-то еще. Мне кажется, что это было что-то вроде «ложись сюда», потому что он даже погладил шкуры и чего-то ждал. Я ложусь. В шкурах мне тепло и уютно, впервые за долгое

время я не чувствую, что нахожусь в неизбежной опасности. Все, что хочет этот инопланетянин, — оральный секс.

Мысль об этом заставляет меня внутренне хихикнуть, и я улыбаюсь, когда засыпаю.

* * *

Впоследствии, когда я просыпаюсь, то чувствую себя лучше, чем за долгое, долгое время. Я в тепле и под толстым одеялом, к тому же прижата к большой, твердой фигуре, которая оказалось теплее, чем любая электрогрелка. Мои пальцы двинулись по поверхности, нежно касаясь бархатистой кожи, как вдруг раздается нежное мурлыканье, и я осознаю, что меня прижали к груди Вэктала.

Это... не самое страшное во вселенной место, где я могу находиться. Я имею в виду, что, если б у меня был выбор между тем, чтобы оказаться в одиночку в снегу или быть прижатой рядышком к любящему киску инопланетянину, думаю, что выбрала бы вариант номер два.

Я решаю, стоит ли притворяться, что продолжаю спать, но что-то большое и твердое утыкается мне в живот, и это подсказывает мне, что Вэктал в сознании и остро осознает мое присутствие... и гораздо более щедро оснащен, чем любой парень, которого я когда-либо встречала.

Я сажусь, подтягивая меховые шкуры вокруг себя. Мое дыхание в воздухе превращается в пар, пока я охватываю взглядом пещеру. Слабый солнечный свет льется через откидную дверную створку, а костер погас. Пронизывающе холодно, если только меня не прижимает к себе Вэктал. Желание забраться обратно к нему и прижаться, чтобы согреться, становится подавляющим.

Но он садится и начинает приводить в порядок свою одежду.

— Вы дрощ, — говорит он мне. Я не уверена, это «доброе утро» или «чертовски холодно», а может что-то еще. Как только он встает, мой живот снова урчит.

Вэктал щурится на меня.

— Я знаю, — говорю я. — Поверь мне, я знаю.

Слишком уж мне неловко.

Он начинает разворачивать вчерашнюю еду, но я, скорчив лицо, мотаю головой. Я как могу изображаю, что его пища жжет мне язык. Он радостно смеется, а затем делает жест, который похож на укачивание малыша, и это сбивает меня с толку. Я совершенно не улавливаю смысл этого «разговора».

— Я голодная, — говорю я и потираю себе живот, имитируя, что ем что-то. — Еда? — каждая частичка меня чувствует себя халевщицей в поисках парня, а затем требующей накормить меня, но знак «еда» легче имитировать, чем, «если ты дашь мне хорошее оружие, я поймаю себе завтрак». А поэтому нам следует двигаться маленькими шажками.

Вэктал кивает и начинает надевать снаряжение, которое он сбросил на ночь. Этим утром он голый по пояс, и его грудные мышцы настолько зловеще притягательны, как я и подозревала. На его дымчато-синей груди они кажутся пластинами из холодного железа. Я помню, какая теплая у него кожа, и на ощупь она приятная. Определенно, об него было бы приятно тереться. Я наблюдаю, как он одевается, заинтригованная различиями наших тел. В разных местах на теле у него бугристые выпуклости. Они тянутся вдоль задней стороны каждой руки до локтя. Бугристые выпуклости спускаются вниз к центру его груди и

разглаживаются где-то между грудными мышцами и его пупком. И его бедра также имеют неровные небольшие выпуклости. Интересно, зачем они? Они также украшают его лоб и тянутся вниз до самого носа.

Этим утром мужчина еще и в болтливом настроении. Он ведет со мной односторонний разговор, в то время как накидывает свой жилет обратно на грудь и начинает прикреплять свои ножи и лезвия. Я хочу попросить один, но я не знаю его культуры. Возможно, для него под запретом отдать мне один из них, и своей просьбой я бы оскорбила его. В этот момент я опасаясь разозлить его, потому что он — единственная спасительная соломинка для выживания, которая у меня есть. Я снова смотрю на пар моего дыхания в воздухе, в то время как Вэктал продолжает говорить, а я думаю о девочках на корабле, прижимающихся друг к другу.

Я надеюсь, что с ними все хорошо. Боже, я надеюсь, что с ними все действительно хорошо. Сегодня мне нужно к ним вернуться, чтобы они не волновались. Мне нужно им рассказать, что я нашла...

На самом-то деле, я не очень-то много и нашла. Я обнаружила рыб-людоедов, которые имеют стебли, похожие на бамбук. Я обнаружила водоем с теплой водой (полный вышеупомянутых рыб-людоедов), и нашла инопланетянина, который любит лизать киску в качестве приветствия.

Все эти три находки ничем не помогут нам вернуться домой. Я еще не нашла город. Не нашла другой корабль. И уверена, что не нашла никого, кто говорит по-английски. И, что еще хуже, я потеряла наше единственное оружие. У меня не очень-то круто получается это «спасти всех» задание.

Вэктал заканчивает завязывать свои сумки и чехлы, а затем надевает сапоги. Я лишь украдкой быстро смотрю на его пальцы ног, чтобы удовлетворить свое любопытство. Три больших растопыренных пальца и костлявая пятка, которая, вероятно, в какой-то момент эволюции была четвертым пальцем ноги. Его обувь я тоже, скорее всего, не могла бы носить, и эта мысль нагоняет на меня тоску, так как я запикиваю свои ноги обратно в неудобную украденную обувь.

Я встаю, и у меня все плывет перед глазами. Я покачиваюсь, однако меня притягивают к твердой груди. Мужчина бормочет что-то мне в ухо и снова предлагает еду, но я отталкиваю ее. Я не считаю себя привередливой. Я физически не могу съесть эту хрень, но я принимаю воду, которую он толкает мне в руку, и я жадно пью ее, хотя понимаю, что долго так не продержусь. Может, у меня получится убедить Вэктала вернуться туда, где он схватил меня, чтобы я могла разыскать свою морскую водоросль? Сейчас я настолько голодна, что съем их, даже если они за ночь превратились в кусок льда.

Вэктал выводит меня из пещеры, присматривая за мной, тогда как я следую за ним. За ночь навалило много нового снега, и я с отчаянием смотрю на более глубокие сугробы. Слишком много осадков, чтобы найти свои старые запасы.

Вэктал жестом показывает на свои голые плечи, так как его накидку надела я. Он становится на колени и указывает, что мне надо забраться на его спину и обнять его за шею, чтобы передвигаться на его спине. Ну, это унижительно. Но я чувствую себя очень усталой и ослабевшей, что не возражаю. Я обнимаю его и взбираюсь на плечи, обернув ноги вокруг его талии. Он похлопывает одну мою руку, обернутую вокруг его шеи, и говорит что-то успокаивающее, а затем быстро мчится вниз по склону горы.

На мгновение я потрясена, насколько быстро он двигается. Ему совсем не мешает снег,

его ноги в сапогах мчатся через сугробы, словно это такой пустяк. Вэктал излучает внутреннее сильное тепло, как из печки, настолько его кожа теплая на ощупь, в тех местах, где я соприкасаюсь с ним, мне очень тепло, а в тех частях тела, которые подвергаются воздействию ветра, — ощущения, словно их пихнули в ведро со льдом. Это заставляет меня еще теснее прильнуть к телу инопланетянина, осознав, что в накидке он вообще не нуждается. Он без нее отлично справляется в этих ледяных погодных условиях. Поэтому я подталкиваю голову к его шее и прижимаюсь холодным лицом к его теплым волосам. И от него вкусно пахнет.

Вот здорово, теперь у меня стокгольмский синдром!

Вэктал спускается вниз по горному склону, двигаясь по крутым откосам, как ни в чем не бывало. Мы проходим через еще одну рощу деревьев, и впервые я осознаю, что мы направляемся в неправильную сторону от места катастрофы. Я мало на это обращала внимание, так как была не в себе от голода и холода. Но сейчас я понимаю — это неправильное направление! Меня все там ждут, дрожащие и голодные. Я не могу бросить их!

— Стой, — говорю я, хлопая его по плечу. — Вэктал, стой!

Когда он останавливается, я соскальзываю с его спины. От жуткого холода я сразу же начинаю дрожать, но все-таки вынуждаю мужчину обернуться, чтобы указать на гору в обратном направлении — туда, откуда я пришла.

— Нам нужно идти этой дорогой и спасти остальных.

Он мотает головой и указывает вниз по склону. В направлении, куда он указывает, я вижу густые деревья и много растительности. Он хочет спуститься с горы.

Но я не могу бросить всех. Я настойчиво указываю возвращаться.

— Пожалуйста. Мне обязательно нужно вернуться туда. Там еще люди. Больше женщин. Они голодные и замерзают, у них ничего нет.

Вэктал качает своей лохматой головой, имитируя поедание пищи, и указывает на лес, расположенный под нами, внизу у заснеженных склонов.

Я застываю в нерешительности. Должна ли я дать ему забрать меня еще дальше, чтобы поесть? Или нам нужно немедленно отправиться к остальным и по-прежнему голодать? Я запуталась. Девчонки, вероятнее всего, уже думают, что со мной что-то случилось.

Мой живот снова урчит. Вэктал окидывает меня раздраженным взглядом. Он повторяет слово, обозначающее еду.

— Кууус.

Я в раздумьях покусываю губу и оглядываюсь на гору. Все во мне говорит, что мне нужно настаивать на спасении остальных девушек. Но я чувствую себя настолько бессильной и изголодавшейся. Я ведь могу убедить его вернуться позже, не так ли? После того, как получу что-нибудь съестное?

К тому же, не будет ли лучше появиться не с пустыми руками?

Тяжело вздохнув, я оглядываюсь на него. Кажется, будто его пылающие синие глаза прожигают во мне дыры.

— Кууск, а потом поднимаемся на гору, хорошо? Давай достанем достаточно кууск для всех.

А вдруг, набивая полный живот, поглотится и мое чувство вины?

ВЭКТАЛ

Когда моя пара снова поднимается мне на спину и оборачивает свои маленькие, мягкие конечности вокруг меня, мне приходится побороть свое желание. Она замерзла и проголодалась, и из-за чего-то расстроена. Непреодолимое желание радовать ее съедает меня изнутри. Я забью дичь, чтобы покормить ее, чтобы она могла наесться и восстановить свои силы. Именно сейчас ее бледная кожа еще бледнее, и я волнуюсь, что она заболит и будет слишком слаба, чтобы принять кхай.

У меня планы относительно моей сладкой пары. Хочет она того или нет, она примет кхай. Теперь, когда я ее нашел, я не намерен ее потерять!

Долина изобилует дикой флорой и фауной. По легкой хватке моей пары на моей шее, сразу видно, что она не видит вдалеке прячущихся снежных кошек или *серпоклюва*, скрывающегося позади ближайшего дерева. Мой взгляд охотника выискивает их, и я ищу безопасное место, в котором ненадолго смогу оставить свою пару, не волнуясь за нее. Она слишком слаба, чтобы самой охотиться за своей пищей или защитить себя, если ее атакуют.

Я вижу огромный валун, который могу использовать, чтобы внимательно следить с противоположной стороны узкой долины, и я направляюсь туда, продвигаясь через сугробы снега. Хотя погода не беспокоит меня, но чем дальше мы снаружи, тем сильнее усиливается дрожание моей пары. Она будет не в состоянии преодолевать значительные расстояния, если я не заполучу для нее что-нибудь более теплое из одежды. Итак, сначала еда, потом шкуры, чтобы мягкая, хрупкая Шжжеорши не мерзла.

Я буду защищать ее ценой своей жизни, если придется.

Нужда заявить права на нее вибрирует в моей груди, мой кхай напоминает мне, что я нашел свою пару и еще не утвердил ее. Я похлопываю свою грудь, будто говорю ему, что знаю. Я знаю, что она моя. Общаться с ней очень трудно, и она напугана и слаба. Как только она окрепнет, и мы сможем обмениваться большим количеством слов, она поймет, что я пытался ей сказать. И тогда она снова раскроет для меня эти мягкие, розовые бедра, и я буду лизать ее своим языком. Я погружу свой член внутрь нее и буду испытывать удовольствие того, как резонанс эхом отражается между нами двумя.

От этих размышлений мой член встает, и я усилием воли заставляю себя думать о другом.

Как только я добираюсь до валуна, я осторожно опускаю Шжжеорши. Она взбирается на камень, когда я жестами указываю ей сделать это.

— Оставайся здесь, — говорю я ей.

Конечно, она пытается следовать за мной.

Я снова жестикулирую, что она должна остаться, а она смотрит на меня с паникой в глазах.

— Шжжеорши Вэктал? — слышу я испуганный дрожащий голос.

— Я не бросаю тебя, сладкий резонанс, — говорю я ей, водя пальцем по ее бледной щеке. — Это опасно.

Я указываю на скрывающихся существ, которые даже сейчас наблюдают за нами. Затем я указываю на серпоклюва, а потом на снежных кошек. Я даже указываю на таящегося пернатого грызуна, который станет ее обедом. Шжжеорши потребовалось несколько минут, чтобы разглядеть существ, скрывающихся недалеко от нас и не выделяющихся на снегу. Однако, увидев их, ее глаза расширяются, и она еще раз смотрит на меня, во взгляде снова мелькает испуг.

— Ты останешься здесь, — говорю я ей. — Я отловлю какого-нибудь зверя, чтобы ты

посла.

Она лепечет что-то на своем странном языке.

— Хлы шхт тхес тхнгс р хугеднт леев йа!

— Все будет в порядке, — успокаиваю я и оборачиваю накидку более плотно вокруг ее маленьких плеч. В ответ она тянется за одним из моих ножей, а во взгляде стоит вопрос. Я киваю головой и вручаю ей один, с рукояткой из кости, который я сам сделал. Теперь у нее есть средство защиты.

Очевидно, что с ним в руке она чувствует себя спокойнее. Сжимая нож, она приседает на камне и кивает мне. Я снова провожу пальцами по ее холодной, безволосой коже, а затем вынимаю *працу* из своего мешка. Я держу под рукой несколько гладких камней, засовываю один в сумку, затем, прицеливаясь, кружу петлю по воздуху. Я сгибаю руки, отпуская камень в полет, и радуюсь, видя, как грызун, шатаясь, падает на землю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я приближаюсь к нему, пока он не пришел в себя, и перерезаю ему горло резким движением ножа. Затем я делаю разрез в шее, чтобы слить кровь, и еще один в животе, чтобы выпотрошить. Я оставляю сердце и другие вкусные части для моей пары и возвращаюсь со всем этим к ней. Знаю, что оставляю след для снежных кошек, по которому можно выследить нас, но они не нападут, пока будут чувствовать мой запах. У них долгая память, и им не нравится вкус плоти ша-кхай. Мы — горькая еда.

Я возвращаюсь со своим трофеем и показываю его своей озябшей паре.

Она морщит нос и в замешательстве смотрит на меня.

— Тебе не знакомы покрытые перьями звери, не так ли? — говорю я, усмехаясь. Я кладу добычу на холодный камень, на котором сидит Шжжеорши, и замечаю, что она отодвигается назад. — Он мертв, сладкий резонанс. Видишь, я оставил тебе лучшие кусочки, — я раскрываю разрез на животе животного и демонстрирую сердце и печень. Они все еще теплые, хотя в такую погоду быстро охлаждаются и не будут уже такими вкусными. — Только избегай перьев в шкуре. Скоро мы найдем тебе что-то более теплое, во что облачиться. В этом районе живут пушистые звери, из которых также можно приготовить вкусную еду.

Шжжеорши удивленно смотрит на добычу, а потом, указывая на нее, говорит:

— Ёевспецтмитевее тхет?

Разве эта не обычная для нее еда? Она ведь ела заготовленную закуску. Я вытаскиваю сердце и подношу к ее губам.

— Вот. Попробуй.

От той поспешности, с которой она отодвинулась назад, Шжжеорши чуть не сваливается с валуна.

— Охмигодфкно! — говорит она.

Мгновение спустя она указывает на капающее лакомство, которое я держу между своих пальцев.

— Фцкинкууктхтсхит!

Я наклоняю голову к ней.

— В чем дело? О чем ты говоришь?

Она протягивает руки, как делала это у костра, а потом снова указывает на еду.

— Фиир, — она говорит мне. — Куукхит.

На этот раз я кривлю губы.

— Ты что, хочешь сжечь еду? Ты не понимаешь, что это такое? — я закидываю сердце в свой рот и жую, чтобы продемонстрировать ей. Приятная на вкус кровь расплывается на моем языке, теплая и сладкая.

Ее лицо сморщивается, и Шжжеорши давиться. Она поднимает руку и жестикулирует мне, чтобы я его убрал.

— Хмигод. Грсс.

— Ешь, — строго говорю ей. Она слишком слаба, чтобы привередничать в отношении еды. — Я сожгу его для тебя позже, если хочешь, но сейчас ты должна поесть, — я отрезаю еще один кусочек от бока зверя и вручаю ей мясо. Я вынуждаю ее маленькие пальцы сомкнуться вокруг него, не обращая внимания на то, что она снова издает тот рвотный звук. — Поешь, чтобы у тебя были силы на весь остаток дня.

Она качает головой.

Я откусываю и показываю ей, а затем настаиваю, чтобы она тоже поела. У нее в животе бурчит, а на ее лице отражается страдальческий вид.

— Хопсликесуши, — Шжжеорши меняется лицом, а затем откусывает, все это время гримасничая.

Я доволен. А она нет, однако я хотя бы кормлю ее. Что ж, ей не нравятся вкусные органы. Я съедаю их, игнорируя ее страдальческие странные звуки, потому что хороший охотник никогда не разбрасывается мясом. Я вырезаю более вкусные лакомые кусочки и кормлю ими ее, а она все время возражает, но, по крайней мере, ее живот наполняется. Она выпивает всю мою воду, а затем жестом показывает, что она все еще хочет пить.

Я киваю головой. Будем решать по одной проблеме за раз. Забота о Шжжеорши на такой опасной территории — моя первостепенная задача, этим нужно заниматься очень осторожно. Последнее, чего бы мне хотелось, так это чтобы она случайно наткнулась на снежную кошку возле своего логова... или того хуже, на стаю охотничьих мэтлаксов. Я должен тщательно охранять свою пару и не выпускать ее из виду. Это означает медленную охоту и еще более медленное возвращение в пещеры племени, но мне придется так поступить, чего бы это не стоило.

— Пошли, — говорю я Шжжеорши, вешая добычу на свой ремень, чтобы мясо в холодную погоду заморозилось. Это сохранит его на долгий срок. Я протягиваю ей руку, помогая спуститься с валуна.

Она забирается обратно мне на спину, и я снова осознаю, насколько она маленькая и хрупкая. Я могу нести ее, будто она ничего не весит. Так дело не пойдет. Даже самые маленькие из пар моих соплеменников смогли бы переломить ее как ветку. От этого срабатывают мои защитные инстинкты, и от одной мысли об этом я борюсь с желанием зарычать.

Шжжеорши будет в безопасности любой ценой.

Какое-то время мы пробираемся сквозь снег, и я рад видеть, что она сидит тихо, наблюдая мир вокруг себя. Она не привлекает к нам внимание, не жалуется или требует еще чего-то на своем странном языке. Она не задает вопросы, когда я обламываю ветку от соседнего молодого деревца и возвращаюсь назад, замечая ею наши следы. Она — безмолвная наблюдательница.

Но я все еще волнуюсь, что она не знает даже основы того, как самой о себе позаботиться. Ее просьба, что ей опять нужен огонь, застрял в глубине моего сознания и беспокоит. Я нахожу незамерзшей поток, нагретый самой землей. Он пахнет тухлятиной, но

вкус будет вполне приятен, и тепло отлично согреет усталые мышцы. Это также своего рода испытание, чтобы узнать, как много знает моя Шжжеорши. Я волнуюсь, что она не знает об этих землях простых основ, которые знают даже малыши.

Ну, конечно же, она наивно несется к потоку, подойдя к нему слишком близко. Вот тебе и испытание. Я хватаю ее за руку, прежде чем она шагнет к берегу, и Шжжеорши шипит от боли.

Я, сконфуженный своей собственной силой, убираю руку.

— Шжжеорши?

Если я причинил своей паре боль, мне придется страдать от отвращения к самому себе. Мой кхай, кажется, в ужасе и согласен с этим.

— Сокей, — говорит она, тяжело дыша. Шжжеорши морщится и сгибает запястье. — Хртфрмкраш.

Я беру ее маленькую ручку в свою, и она доверчиво позволяет мне исследовать ее. Рука у нее испещрена синяками, а плоть распухла. Она ранена, а мне это даже в голову не приходило. Сам на себя злюсь, что упустил нечто, настолько очевидное.

— Я сожалею, моя Шжжеорши. Я никогда больше не буду настолько небрежным.

Я увожу ее от ручья и оглядываюсь, чтобы найти что-то, чем можно перевязать ее запястье. Я похлопываю свою одежду, ища свободную ткань, но Шжжеорши смеется и качает головой. Она бормочет мне что-то еще и указывает на воду, показывая, что она лучше бы попила, чем суетилась из-за ее запястья.

Ну, тогда ладно. Я могу показать ей, как пить. Я осматриваюсь вокруг и у корней дерева нахожу отломанную ветку. Я беру ее и указываю, что она должна за мной наблюдать. Затем подбираюсь настолько близко, насколько осмеливаюсь, и бросаю ветку в воду.

Долгое время ничего не происходит. Затем вода начинает бурлить сильнее. Я вижу, как Шжжеорши испуганно взвизгивает, увидев, как обитающие в иле клыкастые рыбы атакуют ветку. Ее удивление тревожит меня. Большинство месяцев в году эта земля не гостеприимна, но даже самые маленькие из племени знают, что отвратительно пахнущие теплые потоки переполнены опасными существами. Клыкастая рыба может обглодать плоть взрослого и оставить одни кости в считанные минуты. Шжжеорши могла быть мертва прежде, чем я успел бы моргнуть.

Эта мысль заставляет меня прижать ее к себе еще теснее. Она дрожит и в ужасе пододвигается ближе.

— Вот, — говорю я ей.

— Вот, — соглашается она, смотря на меня огромными глазами с белой каймой, которые не приняли окраску кхай. Это напоминает мне о ее уязвимости. Ее хрупкости. Это необходимо исправить и быстро.

Я достаю свой дорожный мешок. Ни один охотник не покидает пещеры племени без такого, в нем у меня есть особые красные снежные ягоды, которые в большом изобилии растут у нас. Я хватаю две из них, раздавливаю их между пальцами, смешиваю их сок с горсткой уплотненного снега у моих ног, а затем бросаю всю смесь в поток ручья. Тогда я снова смотрю на Шжжеорши.

— Смотри.

Она смотрит, ее лицо полно решимости. Я вижу ее удивление, когда вода начинает резко бурлить, и клыкастые рыбы уплывают вверх по течению, убегая от смеси воды и ягод.

— Они не любят этот сок, — говорю я ей. — Они не вернуться сюда, пока обе луны не

появятся в очередной раз. Теперь мы можем попить.

Шжжеорши с подозрением смотрит на меня, и поэтому я склоняюсь к воде, доказывая, что опасность миновала. Я погружаю свой кожаный мешок для воды и заполняю его, затем указываю, что она может пить воду прямо из потока.

— Сокай? — она настороженно спрашивает. — Нох мнстрс?

Я, соглашаясь, киваю любой чепухе, что бы она не сказала, и пью снова, после чего полными пригоршнями воды умываю свое лицо.

Это привлекает ее внимание.

— Ваш? — спрашивает она, ощупывая мой жилет. Я вижу, что теперь она сжимает в руке мой нож из кости, без сомнения, напуганная клыкастыми рыбами. Но ее напряженный взгляд направлен на мое лицо, и она имитирует мои движения с минуту назад. — Ваш?

— Да, приведи себя в порядок, — говорю я, отобрав у нее нож, пока она не навредила себе. Вместо этого я вручаю ей еще несколько ягод. В дополнение к тому, что клыкастые рыбы не любят их вкус, из этого можно сделать прекрасное мыло. Я показываю, что она может намылиться ими, и она выглядит взволнованной.

— Вэктал ваш? — спрашивает она, затем выговаривает еще один поток чепухи, прежде чем повторить слова и имитировать купание. — Вэктал ваш?

— Тебе страшно войти в ручей в одиночку, мой резонанс? — я дразню ее. — Я должен встать выше по течению, чтобы клыкастые рыбы сожрали мою тушу раньше твоей?

Моя пара чуть-чуть качает головой, указывая, что не понимает, но на ее лице играет взволнованная улыбка.

— Ваш? — снова спрашивает она.

Я киваю головой и начинаю стягивать свою кожаную одежду. Я рассматриваю изящную внешность своей пары, когда она раздевается, вылезая из ее собственной странной кожаной одежды. Впервые я осознаю, что они в грязных пятнах и сильно пахнут отбросами. Я был настолько очарован Шжжеорши, что не обратил внимания на то, что она грязная. Неудивительно, что она так взволнована при мысли о возможности помыться.

Мой резонанс разошлась болтать со скоростью шторма, когда разделась догола, дрожа и потирая руки. Как и на ее руках, ее крошечные ножки имеют слишком много пальцев и сформированы довольно странновато, но я не обращаю на это внимание. Я уже люблю каждую частичку ее странного тела, даже если у нее нет меха и хвоста. При ее виде мой кхай начинает резонировать от удовольствия, и я заканчиваю срывать с себя свою одежду и залезаю в воду.

— Хобой, — она выдохнула, все еще стоя на берегу. Шжжеорши смотрит на мой пах. Радуюсь ее вниманию, я растягиваюсь и провожу рукой по животу. Мой член отвердел от ее пристального взгляда, и от резонанса мое тело напряглось. Значит ли это, что Шжжеорши поощряет спаривание?

— Теперь иди ко мне, моя пара, — я подзываю ее рукой. — Я удовлетворю все твои желания.

ДЖОРДЖИ

— Да ты просто жеребец! — на самом деле, до сих пор это не имело большого значения.

Я пытаюсь не смотреть, но терплю неудачу.

Я могу справиться с клыками. Хвостом. Синевато-серой как замша кожей. Черт возьми. Я не против рогов, которые вьются вокруг его головы как какая-то крутая корона.

И я убеждаю себя, что должна была понимать, что парень, который ростом в семь футов, будет иметь огромный член. Это — соответствующий размер. Я почти готова к этому, хотя вид его растущей эрекции все равно вынуждает меня с трепетом сжимать бедра вместе.

Я не готова к наростам.

У него на члене чертовы наросты!

Точно такая же бугристая текстура как вдоль груди, бровей и рук, у него есть бугристые, узловатые выпуклости вдоль головки члена. Его очень большого, очень толстого члена! В дополнение к этим выпуклостям, у него есть еще один, который выглядит почти как еще один рог, за исключением того, что на кончике он притуплен, а не заострен. Маленькое чудо, именно так. Ну, хорошо. У него текстурированный, огромный член с маленькой, выступающей выпуклостью на дюйм или около того над ним.

Я чувствую, будто выиграла в лотерею сразу несколько призов. Рога? Есть. Хвост? Есть. Чертовски крутой член? Бинго!

Пока я пялюсь, Вэктал прожигает меня пылкими взглядами этих своих пылающих синих глаз. Как будто он бросает мне вызов прикоснуться к нему.

И... ладно. Мне немного любопытно на счет того, каково все это оснащение чувствовать девушке, но я больше заинтересована искупаться, чем в игре «спрячь колбаску». Я пристально разглядываю воду, в которую Вэктал теперь погрузился до бедер, а он скрещивает свои большие руки на груди.

Верно. Теперь мой черед. От увиденного ранее, я все еще боюсь рыб, но если он уже находится в воде, я полагаю, что это безопасно. Тем не менее, ядвигаюсь поближе, туда, где он сейчас, на всякий случай. И я дрожу от холода, так что мне нужно либо войти в чертову воду к нему, либо снова одеться.

Я смотрю на свою грязную одежду и решаю войти в воду. Я до сих пор чувствую запах крови и нечистот из трюма, где меня держали, и я отчаянно хочу помыться. Итак, я прислушиваюсь к своей интуиции и вхожу в воду.

Здесь пахнет тухлыми яйцами, и, как я слышала, так пахнут подземные горячие источники. Мне все равно. Вода теплая, как в ванне, и учитывая, что идет снег и пронизывающе холодно, мне это нравится. Я издаю стон, когда вода окружает мои уставшие конечности, а потом я опускаюсь все глубже, пытаюсь погрузить все мое тело в обжигающую воду.

Потрясающие ощущения. В этот момент я могу расцеловать Вэктала за то, что привел меня сюда, за страшную рыбу и за все остальное. Я плещу воду на свои ноги, чтобы избавиться от мерзких запахов последних десяти дней плена.

Вэктал придвигается ближе ко мне. Он говорит что-то, потом протягивает мне больше ягод. Он показывает жестом, что я должна сжать их, а затем втирать сок в кожу. Но, кажется, на его взгляд ядвигаюсь не достаточно быстро, потому что он берет ягоды из моей руки и выжимает сок на мои плечи. Затем его большие руки начинают втирать его в мою кожу.

Сначала я напрягаюсь, но его прикосновения так прекрасно ощущаются. Как будто он понимает, что я просто хочу очиститься, и не забавляется, несмотря на огромную эрекцию, которую он выставил напоказ и которая говорит об обратном. И это отчасти... мило, пожалуй. Вэктал не прикасается ко мне сексуально, что говорит о его человечности, если такое можно сказать об инопланетянине. Он касается меня, потому что хочет показать мне,

как использовать мыло. Я начинаю втирать странную, фруктовую пену в руки и ноги, а когда он черпает горсть пены с моего плеча и начинает намыливать мои волосы, я начинаю стонать от удовольствия.

Быть чистой никогда не чувствовалось настолько удивительно.

Я слышу, как Вэктал резко вдыхает. Снова послышалось, что в его груди вибрирует мурлыканье. Он бормочет что-то, голос охрип, но все, что он делает, это моет мои волосы. Никаких требовательных прикосновений. Ни на что не настаивает. Лишь ради удовольствия прикоснуться ко мне, чтобы порадовать меня.

Вообще-то, за исключением того факта, что он поразил меня до чертиков штучками орального секса, он был довольно милым. Все, что он делал, было предназначено, чтобы угодить мне и доставить удовольствие. Я мимоходом обдумываю эту информацию. Возможно, это во мне говорит Стокгольмский синдром? Возможно, дело в том, что с Вэкталом я чувствую себя в безопасности. Более безопасно, чем за последние две недели. Но я не возражаю против его прикосновений. На самом деле, он мне отчасти даже нравится, возможно, намного больше, чем следовало бы.

Я не могу смотреть на него, в то время как я, точнее мы, купаемся. У меня горят щеки, потому что он часто наклоняется ближе, касаясь меня этим своим огромным членом, вынуждая думать о всяких непристойных штучках. О его губах на мне. Об ощущениях его бархатистой кожи против моей. Его теплоте. Его интригующем аромате.

— Шжжеорши, — бормочет он, его руки нежно ласкают мою голову.

— Дж-о-р-джи, — исправляю я его, должно быть, в языке, на котором он говорит, нет звука «дж».

— Шоршии, — пытается повторить он.

— Джии, — я немедленно подсказываю.

— Шшшжии... — он начинает, затем останавливается и пробует еще раз. — Корги.

Я хихикаю. Корги? Не совсем. Я оборачиваюсь и указываю на рот, чтобы показать ему, как ему надо двигать языком.

— Джорджи.

Его пальцы прослеживают движения моих губ нежной лаской.

— Жеоржи, — затем он пробует еще раз. — Джоорджи.

Его «дж» практически звучит как мурлыканье.

— Очень хорошо, — говорю я нежным голосом. Только сейчас до меня доходит, что я практически прижалась к нему, а ведь я голая.

— Джорджи, — повторяет Вэктал, снова промурлыкав мое имя. Тогда он берет мою руку и прикладывает ее к своей груди, где он урчит как кошка. — Джжорджи са-акх Вэктал.

То, как он произносит это, с моей рукой прижатой к его сердцу, наводит меня на мысль, что этому есть более весомое значение, чем я хотела бы думать. Его взгляд весьма напряжен, будто он ждет, что я отзовусь.

Он — инопланетянин. Я напоминаю себе об этом, даже, несмотря на то, что мне приходит в голову, что я могу убедить его помочь мне — помочь нам — спастись от других инопланетян. Похитителей, которые хотят нас продать.

Полагаю, это, должен быть, хорошо продуманный план. Планета Вэктала чертовски холодная, и, судя по его снаряжению, похоже, что Каменный век вовсе не ушел в прошлое. Но я не готова отказаться от надежды на возвращение домой. Я только знаю, что того, что происходило из-за маленьких зеленых человечков и инопланетян с большими головами,

больше не повторится. Они считают нас коровами.

Мой лучший выход — Вэктал.

Пожалуй, мне придется использовать его немного. Мои пальцы мерзнут на холодном заснеженном воздухе, поэтому я начинаю потирать его горячую, широкую грудь. Мои соски превращаются в напряженные пики (из-за холодного ветра, конечно же). Я намеренно начинаю тереться об него, позволив ему почувствовать мое тело. Я облизываю губы, после чего поднимаю взгляд на эти чуждые, пылающие синие глаза и указываю на склон горы вдаль, там, где столько женщин (половина в камерах) ждут спасения, в то время как я балуюсь в ванне с пузырьками с местным жителем.

— Возьмешь меня на склон горы?

Он ласкает мое лицо, во взгляде вопрос.

— Го... ры?

— Да, — киваю я и провожу пальцами по его коже. — Туда, наверх.

Он сводит брови и качает головой, указывая, что нет, он меня туда не отведет.

Ну что ж, тогда настало время перейти к тяжелой артиллерии.

— Вэктал, — бормочу я. — А ты знаешь, как целоваться?

Озадаченное выражение лица инопланетянина подсказывает мне, что он понятия не имеет, о чем я говорю. Нет, конечно, не понимает. Поэтому я кладу руку ему на затылок и тяну поближе к себе. Он теплый, и мне, скорее, даже нравится ощущение того, что он загоразживает пронизывающе холодный ветер.

— Поцелуй? — повторяю я и тут же наклоняюсь вперед, касаясь губами его губ.

Ошеломленный взгляд искажает его лицо. Такое ощущение, будто ему никогда не приходило в голову, что можно ртами касаться друг друга. Я сдерживаю хихиканье, угрожающее прорваться, и провожу пальцем вниз по его груди.

— Я могу показать тебе кое-что еще... если возьмешь меня на склон горы.

Я знаю, что играю с огнем. Предлагая ему сексуальную благосклонность в обмен на спасение, вероятно, не самый лучший план, но я использую то оружие, которое имею. До тех пор, пока он очарован мной, я могу использовать это в свою пользу. Это низко, но под угрозой жизни людей. Если мне приходится целовать инопланетянина и флиртовать с ним, чтобы спасти моих друзей, я сделаю все, что бы ни потребовалось.

Это не так уж и трудно, должна признать. Со вчерашнего вечера я все еще думаю о его ласках на моей коже. То, как он лизал меня до тех пор, пока я не кончила. И то, как в этот момент он пристально на меня смотрит, наводит меня на мысль, что секс с ним не станет нечто ужасно чудовищным, что придется мне пережить. Он был бы медленным и полным открытий и, кажется, очень безумным. И мне не ненавистна подобная идея. Отнюдь нет. Возможно, я не в своем уме, чтобы тешиться сексуальными мыслями, но это выше моих сил.

Я играю с огнем еще чуть-чуть, когда обнимаю Вэктала вокруг шеи и прижимаюсь грудью к его теплоте — очень теплоте — телу. Его член крепко вдавливается в мой живот, а я, не обращая на это внимания, сцепляю пальцы в его густых, темных волосах.

Вэктал снова наклоняет свое лицо к моему, его взгляд резко направляется к моему рту, а затем к моим глазам. Такое ощущение, что он просит еще об одном поцелуе, но не уверен, как это сделать.

— Разве инопланетяне не целуются? — тихо спрашиваю я, наклоняясь, чтобы снова поймать своими губами его губы. — Я покажу тебе разные способы, как целоваться, если ты вместе со мной поднимешься в гору.

— Го... ру, — повторяет он снова, и его глаза сужаются. Он кладет свои пальцы на мои губы, а затем повторяет это снова. — Джорджи гору?

— Именно так, — говорю я, довольная тем, что он начинает понимать. — Возьмешь меня на склон горы, и Джорджи поцелует тебя еще раз.

Я прикасаюсь своими пальцами к своим губам, затем подношу к нему, нежно проведя по его нижней губе.

Его пронизывающий взгляд наблюдает за мной. Он наклоняется ко мне, и я думаю, что он собирается поцеловать меня, но он только тыкается носом в мой нос.

— Джорджи... гору, — говорит он низким голосом, ну, а потом я чувствую, что его рука спускается к моей обнаженной киске, где он пальцами ласкает мои складочки. — Гору.

Я ахаю. Это настолько же поразительное, возбуждающее прикосновение, как то, что он предлагает. Он хочет, чтобы я занялась с ним сексом, если он возьмет меня на гору.

Долгие минуты я обдумываю, глядя на него снизу вверх. Решившись, я протягиваю вниз руку и обхватываю его член.

— Джорджи гору, — соглашаюсь я и под водой ласкаю его «по-быстрому». Возьмешь меня в гору, и вот что получишь взамен.

Он стонет и пытается прижаться к моей руке сильнее, но я его столь же быстро выпускаю.

— Гора, — настаиваю я.

— Гора, — он рычит и тянет меня к себе, его большое тело прижимается к моему. На какое-то мгновение я паникую, подумав, что он просто намерен взять то, что я предлагаю в качестве разменной монеты. Но Вэктал только еще раз потирает свой нос о мой, после этого отпускает меня, указывая на мою одежду на берегу.

Вот дьявол, мы возвращаемся на гору! Спасательный отряд из двоих уже в пути.

Мы быстро одеваемся, и я корчу лицо от того, что снова надо надевать мой грязный комбинезон. Сейчас, когда я мокрая и замерзшая, холод чувствуется еще хуже, и Вэктал настаивает, чтобы я покрыла свои мокрые волосы накидкой. Это — отличная идея, но вся одежда обледеневшая. Возможно, быстрое окунание в реку не была самой умной из идей, но теперь я чистая.

Вэктал затаскивает меня обратно себе на плечи, и мы снова отправляемся на гору. Он продолжает ворчливо болтать что-то, чего я не могу понять, время от времени потирая свои холодные руки. Он обращает мое внимание на пейзажи, но, если я и должна увидеть что-то другое, кроме снега, у меня не получается.

Мы так долго неуклонно направляемся в гору, что, кажется, прошла целая вечность, и с каждой минутой мне становится все холоднее. У меня стучат зубы, а голова ощущается куском льда. Я замерзла и проголодалась, а сырое мясо, которое я ела, сделало меня лишь более голодной. Я не осознавала, насколько далеко вниз с горы мы ушли, пока не посмотрела вверх. Судя по всему, скалистая гора, на которой держится корабль, в часах отсюда. От этого у меня лишь сильнее застучали зубы.

Земля крутого склона уходит под откос в сторону очень крутого обрыва, который мне не знаком, и я в шоке, когда Вэктал направляется прямо к нему. Он опускает меня, говорит что-то, что, вероятно, означает «оставайся здесь», а затем подходит к подножию откоса и начинает копать. Я в замешательстве наблюдаю за ним в течение нескольких минут, прежде чем понимаю, что он раскапывает вход в еще одну пещеру.

Он вовсе не берет меня в гору. Он берет меня в другую пещеру!

— Ты, должно быть, разыгрываешь меня, — взрываюсь я. — Нет! Вэктал, мы поднимаемся в гору!

Инопланетянин поворачивается и окидывает меня раздраженным взглядом. Он продолжил собственный поток болтовни, указывая на мои покрытые льдом волосы, о том, что у меня безостановочно стучат зубы, и что я вся дрожу от холода. Он продолжает говорить, жестами указывая на пещеру. Мне незачем знать инопланетный язык, чтобы понять, что он говорит.

Ты же замерзла. Мы останемся здесь сегодня на ночь. Чертово восхождение в гору.

А я не могу бросить остальных еще на один день. Не могу. Я помираю от холода, даже с его одолженной накидкой, а у них нет ничего. Совсем нечего есть, нечего пить и никакого прибежища. Я так расстроена, что могу закричать.

Более того, я поворачиваюсь и начинаю уходить, направляясь к подъему горы, который закончился стеной ущелья, загруженного снегом, падающего сверху. Такое ощущение, будто я пробираюсь через воду, но я не собираюсь сдаваться. Если я должна прошептывать каждый шаг обратно в гору, чтобы заставить Вэктала пойти со мной и встретиться с остальными, я сделаю это.

— Джорджи, — зовет меня Вэктал сзади. Тогда он выкрикивает резкий слог, который я теперь знаю. — Нет.

Я игнорирую его и иду еще быстрее.

— Джорджи, нет!

Слишком поздно. Я не знала о глубокой впадине под снегом до того, как осознаю, что моя нога проваливается в пустоту, когда ступаю слишком близко к стене утеса. Земля под ногами исчезает, и я кричу, когда бесконечно долго соскальзываю вниз по ледовой трещине.

Только это не бесконечно долго. Это десять, возможно, пятнадцать секунд. Вдруг я падаю и плюхаюсь в сугроб снега на дне и лежу там ошеломленная. Вэктал не так далеко, и я могу слышать, как он сверху выкрикивает мое имя.

— Да, да, — бормочу я. Жду не дождусь от инопланетянина «ну я же говорил!», когда ему придется меня отчитывать. Я сижу и вздрагиваю от сильной пульсации в моем больном запястье. Оно опухает и болит все сильнее и сильнее.

Что-то шаркает поблизости, и я цепенею. Впервые я окидываю взглядом место, куда попала.

Я нахожусь в какой-то ледяной пещере. С потолка свисают сосульки. Снежные заносы тянутся вдоль стен, а прямо сверху внутрь сочиться струйка солнечного света.

Света вполне достаточно, чтобы позволить мне увидеть, что две дюжины глаз смотрят на меня в ответ.

Я не одна. И я в глубоком, глубоком дерьме.

ДЖОРДЖИ

Я с возрастающим ужасом осматриваюсь вокруг себя. Каким-то образом, я умудрилась провалиться сквозь дыру, усыпанную падающим снегом. Это — идиотская оплошность, и, судя по всему, эта планета вся состоит из пещер, потому что я провалилась в одну из них.

И именно эта оказалась занята! На самом деле, очень, очень занята.

На меня уставились дюжины пар глаз, находящихся на странных, рыбе подобных мордах. Они отчасти человеческие существа, а отчасти — нет. Высокие, прямоходящие, имеют по две руки и две ноги. Гораздо выше меня. У них огромные глаза на заостренных лицах и маленькие округлые рты. Выглядят они совсем по-мультяшному, за исключением спутанных бледных волос, которые покрывают практически каждый дюйм их тел. И еще они воняют как мокрые, грязные собаки. Фууу!

Один ухает на меня, звук кажется недовольным.

— Привет, — говорю я мягко и тихо. Я не двигаю ни единым мускулом в то время, как они пристально разглядывают меня. Очевидно, они пытаются определить друг я или враг. Они мне чем-то напоминают вуки* из фильма «Звездные войны» — Господи, мне на самом деле надо забыть про этот фильм — за исключением того, что они белые, и у них огромные глаза. И еще я вижу, что у них есть хвосты, когда одно существо продвигается вперед, и его хвост издает щелкающий звук при взмахе им взад-вперед как у обозленной кошки.

* Вуки — (eng. Wookiee) из фильма «Звездные войны» — разумная раса высоких, покрытых шерстью гуманоидов, живших на планете Кашиик. Наиболее известным представителем расы вуки был Чубакка, лучший друг и второй пилот Хана Соло, принимавшего активное участие в Галактической гражданской войне.

Оно приподнимает свою голову и изучает меня. Затем снова ухает.

— Джорджи, — сверху рычит Вэктал. — Джорджи! — я слышу, как руками он скребет лед, и снег с обилием сыплется мне на голову.

— Думаю, я в порядке, — кричу я ему.

Щелкающее хвостом существо поднимает голову и снова ухает в воздух, прозвучав в некотором роде как сова.

Еще больше снега летит мне в лицо, когда я всматриваюсь вверх. Скалистая пещера прямо наверху имеет отверстие, и Вэктал отчаянно выскабливает ее, пытаясь расчистить достаточно места для своего большого тела, чтобы последовать за мной вниз. Он выглядит буквально обезумевшим и повторно ревет мне приказ, который я не могу понять. Это означает «оставайся на месте» или «отойди в сторону», или же что-то еще?

Я смотрю в выпученные глаза этих лохматых йети.

Один из них наклоняет свою голову ко мне и начинает вилять своим хвостом все быстрее и быстрее. Выглядит, практически похожим на мерзкого щенка. Практически. Я улыбаюсь и медленно встаю на ноги, отметив, что все эти «щенята» на фут выше меня.

— Приветик, — я стараюсь говорить мило и ласково. Может быть, если я отнесусь к нему как к щенку, мы как-то поладим? Когда у него раздуваются ноздри, а хвост начинает вилять все сильнее, я протягиваю свою здоровую руку, чтобы он мог обнюхать ее.

Существо тут же зарычало. Оно шлепком отбивает мою руку прочь и со злобой толкает

меня. Я падаю на землю, вскрикивая в испуге. Меня сразу же атакует еще одно существо, дернув за волосы и одежду. Другой ухаёт и бросает в меня снег. Я осознаю, что они уже не походят на щенков, а скорее на злобных, яростных обезьян.

И я сейчас нахожусь в их переполненном логове.

Рука, закрученная в моих волосах, резко тянет меня, и я снова кричу, отбиваясь и пытаюсь высвободиться от нее. Другой бьет меня по израненным ребрам, выбив из меня весь воздух. Я кашляю и перекатываюсь по земле, пытаюсь защитить себя от их бешеных ударов и ухающих криков.

Сверху, где-то там, взрывается дикий, свирепый рев. Именно тогда, кажется, что внутрь проваливается весь потолок.

Вэктал. Слава Богу.

Что-то тяжелое обрушивается на землю, и существа пронзительно начинают визжать и кидаются в рассыпную. Я приоткрываю один глаз, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Вэктал бешено рычит так, что ощущается даже вибрация от этого звука. Вся пещера сотрясается, и я вижу, как мужчина достает свои ножи.

Существа отступают назад еще дальше.

Я их не виню — Вэктал выглядит крайне ужасающим. У него светятся глаза, а его клыки в ярости обнажены. Мне даже немного страшно, когда он обращает свой взор на меня.

Но затем он подхватывает меня с земли и по образу пещерных людей перебрасывает через плечо, прежде чем начать прорываться вниз к совершенно противоположному проходу. Существа ухают и кричат на него, и когда кто-то из них атакует, я чувствую, что Вэктал своей большой рукой отметает его в сторону, как ни в чем не бывало.

Они двигаются, теснясь группами, и вопят, а потом кто-то из них снова хватается за волосы, сжав локоны в кулаке, прежде чем мне удастся отмахнуться от него. Я вскрикиваю, а Вэктал поворачивается, но на этот раз у него в руках нож.

Раненное существо, завопив, падает на землю.

Я задыхаюсь от увиденного, но теперь Вэктал пробивается через пещеру, расталкивая со своего пути приставучих, распускающих руки существ, и каким же было облегчением увидеть мгновение спустя солнечный свет, мне хотелось плакать.

Мы выбрались из пещеры, и существа не погнались за нами.

Однако, это не означало, что мой инопланетянин остановился. Он продолжает передвигаться, целеустремленно прорываясь через глубокий снег, и, должна признаться, меня это немного пугает. Я все еще жду от него фразы «я же тебя предупреждал».

Но замерзнув и находясь в шоке, я ничего не говорю, чтобы протестовать против того, насколько по-дурацки меня несут. Если он хочет разыгрывать из себя пещерного человека, пока защищает меня, я это переживу. Он злится. Вообще-то, совершенно очевидно, что он в ярости. Он почти все время гневно бормочет себе под нос, и его тело, прижимающееся ко мне, напряжено. И хуже всего то, что я даже извиниться не могу и поблагодарить за свое спасение и быстрый способ оторваться. У нас не хватает слов, мы не понимаем друг друга. Я настолько расстроена и несчастна, что с радостью бы что-нибудь ударила.

Кроме того, из-за падения все мое тело болит, и такое ощущение, будто мои ребра горят. Так что, вместо того, чтобы пнуть что-нибудь, может быть, лучше поплакать? Однако, если я это сделаю, то слезы, вероятнее всего, просто примерзнут к моему лицу.

Вся эта чертова планета настроена против меня!

Я чувствую себя довольно несчастной, когда Вэктал опускает меня в снег и свирепо

смотрит.

— Саан тэс, — он указывает на землю. — Тэс!

— Оставаться здесь. Поняла, — бормочу я, чувствуя себя виноватой. Я скрещиваю руки на груди и жду.

Он окидывает меня сердитым взглядом, затем отходит на несколько футов. Я замечаю, что мы опять вернулись к тому чертовому крутому обрыву с погребенной пещерой. Мы опять вернулись туда, откуда недавно начали, за исключением того, что половина моих волос вырваны бешеными йети, я заполучила еще парочку ушибов, и теперь Вэктал на меня злится.

Меня воротит от этого места. Мне не нравится, что здесь холодно и все время идет снег, а также все хотят сожрать мою чертову персону. Я ненавижу, что на мне одет вонючий, грубый комбинезон и что я ела сырое мясо, что вверх по склону дюжина девушек, которые, скорее всего, погибли бы, окажись они в этот момент на моем месте, и я даже не чувствую благодарность за это.

Просто я чувствую себя несчастной.

Я изо всех сил стараюсь сопротивляться слезам от истощения и отчаяния, но они все равно наступают. Я трясусь и дрожу от холода и страданий, и к тому времени, когда Вэктал откапывает вход в пещеру и входит в нее, чтобы удостовериться, что там безопасно, безмолвные слезы просачиваются из уголков моих глаз и замерзают на ресницах. Потому что, конечно же, я разревелась. Даже меховой плащ Вэктала уже не греет, и меня душит острая боль негодования, что он практически в безрукавке и штанах, и, кажется, погода для него вполне замечательная.

Через минуту он появляется из пещеры и указывает, что входить безопасно. Я присоединяюсь к нему, смотреть особо не на что — внутри небольшой грот, вырубленный в скале, который открывается возле стены отвесной скалы, а потом, извиваясь, дальше углубляется в землю. Возле входа запасы, еще один кожистый полог, защищающий вход, несколько шкур для сохранения тепла и маленькая кучка того, что похоже на кусочки замерзшей глины, и небольшое количество дров. Пещера уютнее, чем все то, что я видела за последнее время, и от этого перехватывает дыхание. Когда Вэктал задвигает кожаную откидную дверную створку, чтобы не дать пробраться снегу и ветру, внутри становится темно.

Но безопасно.

Я в безопасности. Я дрожу, а затем вздрагиваю, так как всхлипы прорываются из моего горла.

ВЭКТАЛ

Уже не в первый раз меня приводит в отчаяние, насколько беспомощна моя пара. Я от нее в полном смятении — если она ничего не знает о нашей земле, как она тут оказалась? Даже мэтлаксы не знали, что с ней делать. Сам на себя злюсь, что дал ей ускользнуть. Я просто в бешенстве, что мэтлаксы могли причинить ей боль, тяжело ранив. Я знаю о кошках, которые были разодраны на части, случайно столкнувшись с группой рыскающих мэтлакс.

Джорджи, моя драгоценная пара, мой резонанс, угодила прямо в их переполненное логово. Она могла погибнуть, если бы я не успел вовремя пробраться туда, чтобы спасти ее.

От подобных мыслей мои руки трясутся, и мой кхай в груди барабанит разгневанными ударами. Как я могу заботиться о ком-либо, кто более беспомощен, чем кошки? О ком-либо,

кто требует подняться в опасные горы вместо того, чтобы позволить мне отвести ее домой к своим людям?

Кто же моя Джорджи? Как она сюда попала? Кроме мэтлаксов и ша-кхай, на этой земле других обитателей нет.

Она бесценна.

И я чуть не потерял ее. Преследуемый произошедшим в пещере, я накручиваю себя собственным гневом в то время, как готовлю костер для своей дрожащей от холода пары. Я укладываю дрова и маленькие кусочки, слепленные из шерсти и глины, между ладонями натираю специальные палочки для розжига, пока не получаю искру, а затем разжигаю огонь, подбрасывая в него дрова. Когда огонь начинает облизывать поленья, я жестом указываю замерзшей Джорджи придвинуться поближе.

— Данкйэв, — говорит она мягким голосом.

— Я тебя не понимаю, — рычу я ей. Это еще одно препятствие на пути моего спаривания. Я хочу объяснить Джорджи, что она моя. Что она — мой резонанс. Что со мной она в безопасности, и я не позволю, чтобы с ней что-нибудь случилось, если она просто доверится мне. Что она — мой свет и моя причина существовать, и что вместе мы создадим домашний очаг и семью. Но я не могу ей сказать ничего из этого.

Она громко шмыгает носом и придвигается к огню чуть поближе, подставляя свои крошечные, пятипалые ручки, чтобы согреть их. Ее больное запястье уже приобрело заметный воспаленный оттенок. Мэйлак, целитель племени, могла бы исцелить его прикосновением. Но ее здесь нет, и моей Джорджи приходится мучиться.

— Дай-ка сюда, — говорю я хрипло, указывая, что она должна показать мне свою раненную руку. Во время своего падения она, похоже, повредила ее еще больше, и я огорчен, что настолько плохо заботился о своей паре.

— Новйурмадатмиих, — говорит она и снова громко шмыгает носом.

Затем она разрыдалась.

— Ах, Джорджи, — бормочу я и притягиваю ее к себе. Она прижимается лицом к моему жилету и плачет. Я глажу ее волосы, теперь сверкающие и твердые от замерзшего льда. Она может заболеть. Я совсем забыл, что у нее вообще нет кхай, который согревал бы ее. Сейчас она очень уязвима, моя малышка с пятью пальчиками. Я упрекаю себя за то, что не подумал, как лучше о ней позаботиться. — Этого больше не повторится, мой резонанс, — говорю я ей, лаская ее округлую щеку. — Начиная с этого момента, я буду лучше о тебе заботиться.

И хоть я не настолько опрометчив, чтобы использовать все заготовленные запасы, я распалю костер еще сильнее. Мне все равно, даже если я начну потеть, пока моей Джорджи тепло и уютно. И я держу ее в своих объятиях так долго, что, кажется, будто прошла целая вечность. Ее руки зарываются под мою одежду в поисках теплой кожи, и от ее слабых прикосновений мой член становится твердым. Но она все еще плачет из-за своих злоключений, поэтому я обнимаю ее и успокаиваю как можно лучше, пока слезы не высыхают, и она не начинает лишь всхлипывать.

Тем не менее, ее руки все еще под моей одеждой. Мой член об этом не забыл, и я испытываю болезненную нужду, мой кхай в моей груди напеваает. Я мечтаю сделать ее счастливой. Я хочу, чтобы ее чудное, милое лицо улыбалось вместо того, чтобы плакать.

Так что, пока она согревается у костра, я забочусь о своей паре, как и должен. Я осматриваю ее запястье, а затем срезаю полоску от одной из шкур, крепко-крепко повязываю ее и накладываю шину, используя один из моих костяных ножей. Она будет

держаться, пока я не смогу отвезти Джорджи к целителю. Она с благодарностью мне улыбается и указывает на другой костяной нож в моем жилете.

— Киннихафвон?

Я качаю головой, указывая, что не понимаю, и с помощью жестов она показывает мне, что он ей нужен. Ааа. Она хочет защищать себя. Я отдаю ей один из ножей. Я всегда ношу с собой шесть, а теперь их осталось четыре. Завтра я научу ее, как им пользоваться и как наносить удар, так что, если она снова подвергнется нападению мэтлаксов, то сможет оказать сопротивление. По сути, они — трусливые существа, и если подвергнутся опасности, то сбегут.

От подаренного ножа на ее лице расплзается улыбка, и Джорджи счастливо мне улыбается, как будто я дал ей самое большое из сокровищ.

— Йвеел беттервит ит.

Я киваю, хотя понятия не имею, о чем она бормочет. Просто она улыбается. Для меня этого достаточно. Однако, я делаю гораздо больше. В этой пещере есть шкуры, оставленные для удобства воинов-охотников, которые зашли настолько далеко. С годами они залежались и стали жесткими, но они теплые. Когда мы утром уйдем, я нарушу правила учтивости охотников, и она наденет их, когда мы отправимся в путь. Я не потерплю, чтобы она и дальше дрожала от холода.

— Куукх? — спрашивает Джорджи и указывает на добычу, подвешенную на моем ремне. — Куукхнао?

— Куукх? — повторяю я, подняв пернатого зверя, чтобы она его увидела. — Так ты это называешь? Куукх?

— Ииит, — она говорит, улыбаясь мне, сверкнув своими маленькими зубками. Она указывает на зверя, затем на огонь. — Куукхден еет плз.

Ааа. Указания. Я указываю на огонь.

— Куукх?

— Веллтхассфир ифйевонт тевгет техникал бутйесс. — кивает она. — Куукх.

Даже при том, что это идет вразрез со всеми моими убеждениями, я делаю, как она просит. Я сдираю шкуру животного и насаживаю вкусные кусочки на один из моих костяных ножей, а моя пара держит их над огнем, после чего съедает кусочек, издавая счастливые звуки. Она ахает, откусывая каждый кусок, и к тому времени, когда еда заканчивается, ее взгляд становится сонным и довольным.

Я тоже доволен. Мы остановились рано, но Джорджи согрелась, в безопасности и сыта.

Языком жестов объясняю ей, что я должен собрать как можно больше дров и расставить капканы, чтобы поймать побольше пищи. Она должна остаться в пещере и поддерживать огонь, и отдыхать. Джорджи выглядит взволнованной, но кивает, и я оставляю ее одну с моим костяным ножом и кожаным мешком с водой.

Второпях, спеша собрать побольше, я нахожу помет *двисти** вместо дров, но у меня нет с собой топора, да и настолько высоко в горах деревья чахлые, а значит дров немного. Я устанавливаю капканы, чтобы поймать побольше пернатых зверей и птиц-серпоклювов. Мясо *двисти* лучше, однако, Джорджи, кажется, полна решимости подняться в гору, и мы не можем носить с собой так много мяса. Если бы она была еще одной ша-кхай, это было бы легко, но моя Джорджи тоненькая и далеко не так сильна, как слабейшие из наших воинов.

* *двисти* — не существующее животное.

Я возвращаюсь в пещеру, когда почти стемнело, и нахожу Джорджи, свернувшийся в

покрывалах, крепко спящей с ножом в руке. Огонь сохранился в углях, и ее волосы высохли, став блестящими, золотисто-каштановыми вьющимися локонами, великолепные, на которые очень приятно смотреть.

Почти такие же прекрасные, как нежная улыбка, которой она одаривает меня, когда просыпается. Моя пара усаживается в гнездышке покрывал и смотрит на меня сонным взглядом.

— Гора?

Я качаю головой и убираю добычу в сторону. Снаружи яростная снежная буря и сугробы, через которые нам придется пробираться, чтобы подняться в гору, с каждой минутой становятся все более глубокими. Я отодвигаю кожистый полог, защищающий вход, чтобы показать ей снегопад, и она, видимо, падает духом.

— Завтра мы отправимся в гору, — говорю я ей. Я не совсем понимаю, отчего она так отчаянно хочет идти именно туда, но это должно означать для нее нечто важное. Жестикуюлируя, я пытаюсь объяснить, что мы пойдем, когда снова взойдет солнце, и буря прекратится. В конечном счете, я просто соглашаюсь, что скоро.

— Скоро, — повторяет она эхом и улыбается мне. Она, похоже, довольна моим ответом.

Совершенно ясно, что день будет долгим. Солнце до сих пор где-то там высоко в небе, а нас по-прежнему заваливает снегом, укрыв от сильного мороза. Джорджи не выдержит все это, в отличие от меня, и, забрав ее с собой, скорее всего, это будет меня только замедлять. Я бы не променял ее присутствие на самую превосходную охоту, но я должен признать, что если моя пара будет со мной, это означает, что я должен сделать другой выбор, нежели если бы я шел один. Забота о ней теперь мой приоритет.

От одной мысли о том, что я буду с ней весь день, у меня такое чувство, словно это дар свыше.

Джорджи жестом показывает на огонь и произносит слово, обозначающее его.

— Да, это огонь.

— Огонь, — повторяет она. Тогда Джорджи рукой хватается за шкуры, на которых сидит и вопросительно на меня смотрит.

— Шкуры.

— Шкуры, — эхом повторяет она. Из ее уст слова звучат смешно, как будто ей с трудом удается издавать грохочущий гортанный звук, который произношу я. Но мне очень приятно, что она хочет научиться, как общаться со мной. В течение какого-то времени мы называем различные вещи, на которые можно легко указать в зоне досягаемости, а Джорджи пытается их произносить. Затем она вновь возвращается и повторяет их каждый раз в разной последовательности, пытаюсь выучить.

В конечном счете, мы исчерпываем в пещере вещи, чтобы называть их, и переходим к частям тела. Она взлохмачивает свои вьющиеся, растрепанные локоны.

— Волосы, — говорю я автоматически, забавляясь, что она сразу же начинает пальцами расчесывать свои длинные локоны. Я сделаю ей костяную расческу, когда мы вернемся в мою домашнюю пещеру.

— Волосы, — рычит она, воспроизведя хитросплетения слова. Затем Джорджи наклоняется ко мне и похлопывает по моей гриве. — Волосы?

— Волосы, — соглашаюсь я.

Она двигает пальцами к моим рогам и слегка касается их.

— Вхзс?

— Рога, — говорю я ей. Я едва смею дышать, когда она проводит пальцами вдоль них. Хотя мои рога не имеют очень сильную чувствительность, ее груди находятся очень близко к моему лицу, и ее аромат возбуждает меня, равно как и ее завораживающее прикосновение. Мне достаточно схватить ее и дернуть к себе. Вместо этого я сжимаю кулаки и вынуждаю себя оставаться неподвижным.

— Вхзс? — снова спрашивает она, и ее пальцы тщательно прослеживают через мой лоб, по имеющимся там костяным наростам, а затем к моему носу.

— Лицо? — я не понимаю, что она спрашивает. Я касаюсь ее щеки.

— Лицо, как у тебя.

Но она слегка трясет головой и маленьким кончиком пальца натирает один из костяных наростов. От этого мой член резко подскакивает по стойке смирно, и теперь он полностью эрегирован и ноет от желания, а пульс отбивает прямо в моем паху. Ее пальцы касаются наростов на моем носу, затем на бровях, а после этого прослеживают к моему сердцу.

— Сликсхармр?

— Это — просто кожа, — говорю я ей. Ее — гладкая повсюду, тогда как моя в некоторых местах имеет неровную текстуру. Ее смешной, плоский лоб и крошечный носик кажутся мне странными, и ее вопрос наводит меня на мысль, что, по-видимому, я кажусь странным для нее.

Ее пальцы еще немного спускаются вниз по моей груди, и кончиками своих пальцев она продолжает ко мне прикасаться нежными, щекотными движениями. Мой кхай вибрирует от желания, и мне приходится закрыть глаза, чтобы собраться с силами. Я вот-вот взорвусь прямо на ее руку, если она коснется еще ниже, поэтому я хватаю ее за руку, прежде чем она сможет продолжить исследование.

У Джорджи все под контролем, но я не в силах больше выдерживать это нежное исследование. Если она снова прикоснется ко мне, я повалю ее вниз на шкуры и буду трахать, пока она не закричит от наслаждения.

ДЖОРДЖИ

Вэктал хватает меня за руку, когда я вожу пальцами вниз по его широкому плечу. Он имеет отчетливый выступ с наростами в виде пластины поверх бицепса и задней части руки.

— Нет, — говорит он мне на своем языке.

Я в замешательстве. Я думала, что нравлюсь ему, и он ждет моих прикосновений. Его мягкие кожаные штаны не могут скрыть эрекцию, которая их натянула. Я слегка напугана его огромным размером, но знаю, что Вэктал никогда не причинил бы мне боль. Он весь день суетился вокруг меня, удостоверяясь, что с моим запястьем все в порядке, проверял мои ушибы и пихал мне в рот кусочки пищи, как только та была готова. Все это время он ко мне прикасался собственническими легкими прикосновениями, дав мне понять, что он рядом со мной, что он понимает меня.

И чтобы быть сейчас отвергнутой? Как тогда мы узнаем друг друга? Это немного задевает.

— Нет?

Он видит боль на моем лице, и я слышу, что его грудь вибрирует еще сильнее.

— Джорджи, — говорит он тем своим мягким, уникальным голосом. Вэктал жестом указывает на себя, затем поглядывает вверх и тихо бормочет что-то, что я не могу разобрать.

— Мы закончили играть в игры, да? — интересуюсь я.

Я как раз добралась до самых интересных частей его тела. Ну и ладно, я бы немного пофлиртовала. Поэтому в отместку я слегка потираю ладонью его грудь, чувствуя бархатистую кожу, и наблюдаю за его реакцией. Он действует на меня, словно валерьянка для кота. Он настолько теплый и имеет такую мягкую кожу поверх этих каменных и жестких мышц. Вэктал смотрит на меня, будто я прекраснее всех, и... это опьяняет.

Мне любопытно, соблазнителен ли он для своих людей. Теперь, когда я уже справилась со своим первоначальным шоком относительно явления *рога-и-синяя-кожа-и-пылающие-глаза*, он кажется мне привлекательным. Вэктал имеет сильные и четко выраженные черты лица, его нос прямой и величественный, даже, если и имеет шероховатость. У него высокие скулы и красивый, скульптурный рот.

И у него самые потрясающие плечи и бицепсы. Мне хочется прижаться к нему от одной мысли о них. Дело в том, что на ощупь он чистой воды наслаждение. Я довольно долго получаю удовольствие, проводя руками по нему, и у меня не выходит из головы мысли о нашей маленькой интерлюдии в ручье несколько часов назад. О его руке, потянувшейся вниз к моей киске и претендующей на нее своим прикосновением. Вэктал сообщил мне, что он хочет от меня, если он возьмет меня с собой в гору.

А в ответ — я прикасаюсь к нему. Охватываю большой, твердый член своей рукой и сжимаю, чтобы дать ему понять, что я согласна сыграть в его игру.

— Джорджи, — зовет Вэктал. Он еще раз качает головой, затем проводит рукой вниз по своему лицу в очень человеческом жесте отчаянья, который вызывает у меня улыбку.

— Да? — мурлычу я, украдкой подкрадываясь к нему снова. Теперь, когда в пещере тепло, я срываю большую часть шкур, в которые была закутана как в кокон, вплоть до своего комбинезона. Я настолько близко, что практически могу потереться грудью о его руку.

И он даже не смотрит на меня. Вместо этого Вэктал качает головой и говорит что-то, что звучит как, — Са нисок ки йемев.

— Мда, я не понимаю, что это значит, — говорю я, проводя пальцами сквозь его гриву. У него прямые, черные и жесткие, а также очень густые волосы. Более того, они не растут где-либо еще на его теле, что я нахожу интересным.

Он отталкивает мою руку, но я слышу странное мурлыканье, безумствующее в его груди. Я знаю, что он наслаждается моим прикосновением. Я просто не понимаю, почему он на меня не смотрит или почему отвергает.

— Вэктал? — спрашиваю я. — Я не понимаю.

Его глаза вновь вспыхивают ярким огнем, и он берет мое запястье и направляет мою руку к эрекции, напрягающей его штаны. Тогда он на меня смотрит так, будто хочет сказать «теперь ты понимаешь»?

Ааа. Теперь до меня дошло. Легкая улыбка изгибает мои губы, и в этот момент я ощущаю себя весьма могущественной. Вэктал не прикасается ко мне — даже не смотрит на меня — потому что это чрезвычайно возбуждает его, а он не хочет хоть чем-то давить на меня.

Ей-богу, будучи настолько крупным варваром, он ведет себя как истинный джентльмен.

Вся ирония в том, что теперь я — та, кто желает перейти на новый уровень. Может, это все нужда в утешении или из-за того, что, как ни странно, я нахожу его соблазнительным, а может, из-за того, что я наконец-то сыта и чувствую себя в безопасности, впервые за целую вечность, однако... мне хочется. Чем Вэктал все старательней пытается проявлять

благородство, тем все более шаловливой я становлюсь.

— Полагаю, мне не стоит спрашивать о контроле рождаемости, не так ли? — говорю я и кладу руку ему на плечо. Господи, как же я обожаю прикасаться к нему. Это кажется абсолютно первобытно. — У меня нет противозачаточных, но сейчас это ведь не имеет никакого значения. И я абсолютно уверена, что, так как мы из разных рас, ты не можешь сделать меня беременной.

Он прищуренными глазами наблюдает за мной, словно ожидает увидеть, что я собираюсь сделать.

— Позволь мне сделать первый шаг, — нежно говорю я ему, потянувшись развязать верхние шнуровки на его необычном жилете.

Необыкновенные глаза Вэктала вспыхивают огнём, а затем он начинает мурлыкать сильнее, чем раньше, и от мощности его грудь практически вибрирует.

— Я очень ценю, что недавно ты спас меня, — говорю я, дергая за шнуровку. Материал, мягкая шкура противоестественного оттенка, под моими прикосновениями постепенно спадает. Я отбрасываю в сторону ножи и мешочки, привязанные к нему, разоблачая широкую грудную клетку и выступы, которые на его груди каскадом спускаются вниз между двумя массивными, твердыми грудными мышцами. — Позволь мне показать тебе, насколько сильно.

Я наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать его... а он автоматически отклоняется назад, удивленно глядя на меня.

— Поцелуй, — говорю я, подавляя смех. Я уже почти обиделась из-за выражения удивления на его лице, но понимаю, что Вэктал не осведомлен о поцелуях. Может, он и любовью занимается не так, как люди это делают. Подобные мысли интригуют.

— Поцелуй, — соглашается он, и когда я снова наклоняюсь вперед, Вэктал не отстраняется.

Я провожу губами по его твердому рту. Его губы под моими не раскрываются. Если уж на то пошло, он напряжен и не реагирует, когда я целую его. Я решаю задобрить его еще сильнее и прижимаю свои губы к его снова и снова, слегка покусывая его нижнюю губу. Он не раскрывает рот независимо от того, насколько сильно я упрашиваю, поэтому я нежно ласкаю его губы своим языком.

Вэктал удивленно резко отодвигается назад и, сузив веки, пялится на меня.

— Спокойно, это поцелуй, — говорю я ему. Я обвиваю свои руки вокруг его шеи. — Это называется «французским поцелуем». Тот, где языки соединяются. Думаю, тебе он понравится, если дашь мне шанс.

Пристальный взгляд Вэктала остается сосредоточенным на моих губах, когда я говорю. Он наклоняется и прижимает свой рот к моему, стремительно, а потом смотрит на меня так подозрительно, будто ожидает увидеть, исправлю ли я его.

— Поцелуй, — соглашаюсь я и снова нежно прижимаю свои губы к его.

Когда я чувствую, что его язык касается моих губ, я захватываю его кончик и слегка посасываю.

Он стонет... и я тоже. Наросты на лбу, груди, члене... они также имеются у него на языке. Я совсем забыла про это и издаю стон, вспомнив, каковы были ощущения, когда он лизал мою киску.

Вэктал просовывает свои руки в мои запутанные волосы и удерживает меня против себя.

— Поцелуй, — снова требует он. Совершенно ясно, что он хочет еще.

Поэтому я даю ему больше. Я прижимаю свой рот к его губам и скольжу языком по его шероховатому языку, снова издавая стоны, как только он начинает ласкать мой. Вэктал оценивает мои движения. Изучает их. Так что, я провожу языком вдоль одного из его длинных клыков, с удовлетворением отметив, что мурлыканье в его груди обостряется. Когда я уже задыхаюсь от поцелуев, то отстраняюсь и смотрю на него радостным взглядом.

— Ну, как тебе?

— Поцелуй, — повторяет он снова, а потом берет на себя управление. Притянув мой рот к своему, Вэктал начинает всепоглощающее нападение поцелуями, от чего я крайне ошеломлена. Он покусывает и посасывает мой собственный язык, а потом начинает медленно, томно подталкивать, и это напоминает мне о сексе, заставив меня изнывать от желания.

К тому времени, когда я приостанавливаюсь, чтобы отдышаться, мы с ним оказываемся уже на шкурах, а я прижата к его обнаженной груди. Мой учащенный пульс отбивает между моими бедрами, и я страдаю от потребности.

— Ты очень даже неплох в этом.

Боже, очень, очень неплох. Он прикончит меня, если станет в этом еще лучше.

— Джорджи, — бормочет он у моих губ. — Поцелуй, — и его рука тянется к воротнику моего грязного комбинезона. Он своими губами поглаживает вдоль моей верхней губы. Затем — по моей щеке. Затем — по моей челюсти. — Поцелуй, — снова нежно повторяет он.

— Да, вот именно, — говорю я и тяну молнию своего комбинезона, обнажая грудь.

Вэктал смотрит на мою обнаженную кожу с каким-то удивлением. Его большая, трехпалая рука поднимается, и он прижимает ладонь не к моей груди, как я надеялась, а к гладкой впадине между ними. Очарованный, он поглаживает мою кожу, затем проводит костяшками пальцев вверх-вниз по моей грудной клетке.

Затем внимание Вэктала возвращается к моей груди, и он проводит костяшками пальцев по моему соску. Я задыхаюсь, чувствуя, что возбуждение пронзает все тело, и он, кажется, одинаково удивленным структурой моей кожи там. Вэктал кончиком пальца легонько прикасается к одному из сосков, который превращается в напряженный пик.

— Сем, — говорит он низким, благоговейным голосом. Тогда он снова прикасается к коже между моими грудями. — Сем.

— Мягкая? — спрашиваю я. Я прикасаюсь к его груди, там, где шершавости, после чего качаю головой. — Сем?

— Джорджи сем, — говорит он хриплым голосом. Кажется, это мучает его.

— Ага, пожалуй, что я довольно-таки мягкая, — улыбаясь, я соглашаюсь. — Но здорово прикасаться, правда?

И я хватаю его за руку и кладу ее обратно на свою грудь.

В ответ он снова меня целует, и я выгибаюсь от его прикосновений. Есть в нем нечто очень восхитительное. Его поцелуи становятся все более голодными, и я могу лишь стонать, когда его ладонь обхватывает мою грудь. Я прижимаюсь к нему, желая больше его прикосновений.

Большая рука Вэктала скользит по всему моему телу, исследуя каждый мой дюйм. Он отодвигает мою расстегнутую куртку, и я снимаю ее, потому что хочу, чтобы он касался везде. Прижимаясь своей кожей к его, мне становится теплее, чем от любого предмета

одежды. Я хочу быть рядом с ним, голая, и от мыслей, как его большое тело накрывает мое, у меня бегают мурашки от ожидания. Я, выкручиваюсь, стягивая свою куртку, тугие рукава плохо поддаются из-за моего больного запястья и повязки вокруг него, но вскоре я остаюсь обнаженной до пояса.

Я так же стягиваю его жилет, потому что это игра по правилам, и Вэктал спешно избавляется от него. Вот так и выходит, что мы оба лежим полуобнаженные и пристально смотрим друг на друга, высматривая различия в наших телах. У него есть шероховатые, подобно брони участки на руках и груди; я везде мягкая. У него кожа подобна замше, от которой при соприкосновении просто божественные ощущения. У нас обоих есть пупки и соски. Я провожу ладонями по его рукам, и они чувствуются крепкими и шероховатыми. Может, именно поэтому он так восхищен моей мягкостью?

Я прижимаюсь к нему грудью и утыкаюсь подбородком в плечо. Это дает мне возможность скользить руками вниз по его спине, и я вздыхаю от наслаждения в то время, как продолжаю прикасаться к нему. Он мурлычет настолько сильно, что фактически вся его грудь вибрирует, и ее так прекрасно чувствовать всей кожей. Его плечи просто огромны, и их сила возбуждает меня. На его спине вниз по позвоночнику еще больше шероховатой текстуры из-за наростов, которые переходят на хвост. Должна признаться, что хвост вызывает у меня улыбку. Это длинный канат с кисточкой из темных волос, как на его голове, и сейчас он стегает им из стороны в сторону над покрывалами.

— Джорджи, — Вэктал бормочет мне в ухо, ну а потом я чувствую, что он обнюхивает мою шею.

О-о-о. В ответ у меня твердеют соски, и я цепляюсь за него, когда он начинает лизать нежную кожу моей шеи, потом переходит к моим ушам, дразня своим языком мочку уха. К тому времени, когда мгновения спустя он возвращается к моей шее, я стону от наслаждения и трусь грудью о его мощную грудь.

Его руки скользят к моей заднице, и он прижимает меня к себе. Затем Вэктал проводит губами по моей груди, и я вскрикиваю, когда он втягивает сосок в рот. Я цепляюсь за его рога, держась за него, пока он дразнит другой мой сосок своими губами.

О, Боже милостивый, насколько сладостная пытка — шершавость его языка. Его наросты массируют мои чувствительные соски, пока я практически не взбираюсь на большого парня. Я задыхаюсь и поощряю сосать мою грудь, снова и снова он посасывает мои твердые вершинки, пока мне не хочется закричать от желания.

Вэктал дергает мои штаны, и мне это кажется потрясающей идеей. Резким движением я их расстёгиваю, стремясь прижаться к нему своим обнаженным телом.

— И ты тоже, — говорю я ему, снова накрывая его губы своими. — Хочу, чтобы ты тоже был голым.

Я встаю на ноги, не без труда пытаюсь сорвать узкие штаны. Я порядком уже влажная и практически чувствую свои собственные соки, несмотря на то, что сжимаю свои бедра вместе. Под униформой у меня нет трусиков, поэтому, когда я выбираюсь из нее, я уже полностью голая — с бледной кожей, в синяках и все такое.

Мой крупный инопланетянин отталкивает мои руки, когда я пытаюсь вернуться в его объятия. Вместо этого, он начинает упорно проверять все мои ушибы, и смею предположить, что выискивает новые синяки. Я закатываю глаза и терплю его опеку, будучи более заинтересованной забраться в его штаны, нежели смотреть на него, разглядывающего мои ушибы. Когда Вэктал настаивает, чтобы я перевернулась для осмотра моей спины, я в

раздражении ворчу и засовываю в его штаны руки, чтобы обхватить ладонями его твердый член.

Это быстро привлекает его внимание.

Мои руки оборачиваются вокруг его длины, и одним лишь прикосновением я чувствую различия между ним и человеческими мужчинами. Например, его обхват весьма впечатляющий. На ощупь он более теплый, и вдобавок к огромному размеру, имеет твердый небольшой нарост около основания, который выступает наружу над его членом. Я понятия не имею, для чего он нужен, и у меня нет возможности задать ни одного вопроса. Еще его член имеет отчетливую шершавость, хотя кожа ощущается менее абразивной, более текстурированной, как его язык.

Боже, готова поспорить, что внутри девушки он чувствуется просто потрясающе. Меня пробирает трепет от одной только мысли об этом. Везет же женщинам его расы!

— Мне хочется увидеть больше, — говорю я ему и скольжу пальцами ниже, чувствуя основание его мешочка. Мне любопытно, чувствителен ли он там.

Его ладони скользят в мои волосы, и он снова начинает меня целовать, сплетаясь своим шероховатым языком с моим. Я стону и сжимаю его член более жестко. Хочу, чтобы он был голым, но он все еще в штанах так, что я пытаюсь уладить это за него. К сожалению, никак не пойму, как развязать эти штаны. У него поверх них какая-то набедренная повязка, которая соединена чем-то вроде замысловатой шнуровки, слишком сложной, чтобы в ней разбиралась изнывающая от желания девушка. Я решаю спихнуть их вниз по его бедрам.

Вэктал хихикает и бормочет что-то у моих губ. Он тянет шнуровку, и его штаны провисают, а затем падают. Отлично, черт побери. Возможно, я просто не знаю, как обращаться с инопланетной одеждой. Мне уже все равно, потому что мой крупный, красивый инопланетянин теперь голый, и я хочу хорошенько насладиться великолепием, а именно — Вэкталом. Когда он стоит в полный рост, он чрезвычайно восхитителен.

Он смотрит сверху вниз на меня, голубые глаза ярко пылают, а его грудь грохочет непрерывным мурлыканьем. Его рука снова опускается между моими грудями, и я задаюсь вопросом, а не проверяет ли он мое собственное мурлыканье.

— Люди так не делают, — говорю я ему. — Вместо этого мы становимся влажными.

И я беру его руку и направляю ее к моей киске, чтобы он сам убедился.

Мой крупный инопланетянин опускается на колени и стонет. Он оставляет поцелуи на моем животе, потом целует лобок, а затем, удерживая мои бедра, накрывает своим ртом непосредственно киску.

Я ахаю, и мои ноги становятся ватными, поэтому я снова должна уцепиться за один из его рогов. В ответ Вэктал поднимает и укладывает меня вниз на шкуры, перекидывает мои ноги через свои плечи и погружается лицом между моих бедер. Он проводит языком по моим влажным складочкам, и я стону, когда его язык начинает кружить вокруг моего клитора.

О, Господи. После этого он облизывает меня этим своим безумным языком, скользя по моей чувствительной плоти, жадно поглощая соки. Я хныкаю и цепляюсь за его рога, раздвигая ноги еще шире. Ощущения чрезвычайно потрясающие. Я раньше уже несколько раз занималась сексом и оральным тоже, но чувствовать его вибрацию мурлыканья и шершавый язык? Я еще никогда не испытывала ничего подобного. Пару облизываний, и я издаю стон. Еще три — и я начинаю тереться бедрами о его лицо. Потом еще два — и я практически отрываюсь от шкур, задыхаюсь и кричу от потребности.

Но мой крупный, беспощадный инопланетянин просто не обращает внимания на мои мольбы об оргазме и продолжает облизывать меня медленными, неуклонными, чувственными движениями, из чего я делаю вывод, что он этим наслаждается так же сильно, как и я. При каждом касании языка он бормочет нежные, неразборчивые слова, и когда он кружит вокруг моего входа, я почти схожу с ума.

— Прошу, — рыдаю я. — О Боже, пожалуйста!

Но, разумеется, он не понимает меня. Поэтому я стону и молю об оргазме, а он просто продолжает лизать в то время, как я цепляюсь за его рога и думаю, что это — самая невероятная, восхитительная пытка, которую я когда-либо испытывала.

— Остановись, — шепчу я.

Я уже готова кончить, внутри все ноет. Я хочу, чтобы он глубоко вошел в меня и заполнил собой. Облизывание и покусывание совсем сводят меня с ума от желания.

— О, Боже, остановись, Вэктал. Я хочу тебя внутри себя прямо сейчас.

В ответ он толкает свой язык в мою киску.

Глубоко.

А затем потирает им.

Я взрываюсь в самом сильнейшем оргазме, который у меня когда-либо был, и мои ноги сжимаются вокруг его головы. Может, я выкрикивала его имя и цеплялась за его рога. Может, я металась на шкурах. Я не совсем уверена, потому что сейчас я вижу звезды, и между ними и оргазмом нет никакого пространства для какой-либо еще сознательной мысли.

Вэктал рычит и однозначно наслаждается тем, что я кончаю, он поглощает меня еще усердней, от чего мой оргазм усиливается и, казалось, что будет продолжаться бесконечно. Я крайне выдохлась и истощена, когда он, наконец, поднимает голову, его глаза пылают словно фары, и он облизывает свой греховно влажный рот.

Я чувствую себя пресытившейся и уставшей при виде этого. Я кончила настолько сильно и обильно, что, по-моему, это был не один оргазм, а дюжина, один за другим, низвергающимся каскадом с каждым взмахом его одаренного, талантливой языка.

— Господи, ваши женщины определенно должны иметь невероятную стойкость, — говорю ему слабым голосом в то время, как он медленно двигается над моим телом, словно большая сине-серая пантера, и обнюхивает мою шею. Мне надо отдохнуть, но Вэктал полон рвения, прижимает свои губы вдоль моей шеи и облизывает все те местечки, которые он находит самыми мягкими.

Но в итоге я стону и блуждаю ладонями по этой мягкой замшевой коже сильной спины, желая, чтобы он глубоко вошел в меня.

— Вэктал, — тихо выдыхаю я и закидываю ногу вокруг его бедер. Он такой теплый, мурлыканье внутри него разбушевалось еще сильнее.

Он прикасается к моей щеке и бормочет что-то нежное и сладкое, а потом произносит мое имя. Его бедра устраиваются между моими, и я снова осознаю, насколько он большой. Вдруг все его восторженное облизывание обретает новый смысл, поскольку, по крайней мере, я чертовски влажная, что облегчит проникновение.

— Джорджи, — бормочет он, и я понимаю, что он говорит нечто, что я слышала уже раньше. — Джорджи са-акх Вэктал.

Он снова прикасается губами к моему горлу, и я чувствую, как его член давит на вход в мою киску. Он ощущается просто огромным, но я заинтересована идти до самого конца и

готова, чтобы он заполнил меня. Полностью готова.

Вышла за рамки готовности, на самом деле.

Вэктал снова прижимается губами к моим, а затем начинает продвигаться внутрь. Мои внутренние стеночки растягиваются, чтобы приспособиться к его размеру, и я провожу ладонями по его коже, поглаживаю и ласкаю, в то время как он вжимается внутрь меня дюйм за дюймом.

Когда он входит полностью, я узнаю что-то новое. Тот выступ? Небольшая выпуклость, о которой я понятия не имела, для чего она? У меня все еще нет чертовой подсказки к разгадке, но я замечаю, что, когда он погружается в меня, она толкается через мои половые губы и натирает клитор. Я пытаюсь проанализировать это уникальное ощущение, когда он снова двигает бедрами и погружается неглубокими толчками.

И каждое нервное окончание зажигается в ответ на толчки этого выступа на мой клитор.

— Оооо, — стону я. Это напоминает мне времена, когда у меня был вибратор с кроликом, и тот одновременно работал и на моем клиторе, и внутри меня. Заниматься сексом с Вэкталом? Ну, это чем-то похожее, только гораздо лучше. Еще более интенсивнее.

Это... абсолютное наслаждение может прикончить меня. Я цепляюсь за него, когда Вэктал снова начинает толкаться, хватаю воздух, когда его нарост снова надавливает на мой клитор. И я еще считала, что в силу его энтузиазма поглощение киски было слишком, что возможно пережить? Это — ничто по сравнению со сногшибательными ощущениями того, как он трахает меня до чертиков, а тот выступ с каждым ударом дразнит мой клитор, при этом наросты на члене потирают мою точку G. Я кончаю снова. И снова. Я царапаю его спину и выкрикиваю свое удовольствие, когда он врывается в меня, нашептывая нежные слова. Я стону от каждого толчка его члена, выгибаюсь дугой, ослабевшая и задыхающаяся — и все еще продолжаю кончать.

Мои усталые ноги дрожат, когда его движения начинают обретать более дикую необузданность. Вэктал скалит клыки, его черты напрягаются, когда его начинает охватывать оргазм. Я скребу вниз ногтями по жестким мышцам на его груди и руках, а он глубоко рычит и дрожит. Видно, что ему это нравится, и я повторяю это снова. «*Давай, кончи для меня, детка*», — думаю я, тогда как он доводит меня до еще одного сокрушительного оргазма, и я задыхаюсь от подавляющего удовольствия.

Тогда я чувствую, что он пульсирует внутри меня. Как и все остальное его тело, семя тоже ощущается на несколько градусов теплее моей кожи, и я могу это почувствовать, его рычание наслаждения становится все громче и громче, а вибрация в горле оглушительно грохочет. Достигнув пика наивысшего наслаждения, он жестко врывается, его пальцы впиваются в мои бедра, и я чувствую, что он кончает внутри меня снова и снова. Для меня — это новая сенсация ощущений.

Черт, это просто нереально.

Но когда Вэктал обрушивается на меня как большое, восхитительное одеяло, а затем прижимает свой рифленый лоб к моему плоскому и бормочет мое имя?

Я испытываю чувство удовлетворения. Уставшая — разумеется — однако совершенно и абсолютно довольная. И мне хочется спросить его, хочет ли он взять меня завтра в гору. Но, похоже, сейчас неподходящее время для подобных вопросов. Не хочу, чтобы он подумал, что я спала с ним только потому, что хочу, чтобы он кое-что для меня сделал.

Если уж быть совершенно честной с собой, то я спала с ним, потому что он меня

чертовски привлекает. С его рогами, сине-серой кожей, хвостом, причудливым членом, всем этим. Его грубоватой, защитной манерой поведения. Все это меня заводит.

Он сдвигается надо мной, явно пытаюсь снять с меня свой вес. Но я цепляюсь за него, потому что мне нравится чувствовать его большое, теплое тело поверх моего, внутри себя. И я вздыхаю от удовлетворения.

Вэктал, в свою очередь, снова меня целует. Я чувствую, что он начинает двигать бедрами легкими толчками.

Слабый стон снова срывается с моих губ.

— Хорошо, что ты не можешь сделать меня беременной, приятель, — говорю я, в то время как закидываю ноги ему на спину.

ВЭКТАЛ

Всю ночь напролет мой кхай напевает в моей груди от удовольствия.

Я утвердил свою пару. Снова и снова она приветствовала меня в своем маленьком, мягком теле, пока мы оба не вымотались от любовных утех. Разделяя их со своей резонанс-парой, ощущения не походят ни на одно другое чувство; и я всей душой счастлив со своей сладкой Джорджи. Не могу дождаться, когда вместе с ней вернусь в пещеры племени. Я нежно ласкаю ее нежную кожу, в то время как она посапывает мне в ухо, солнечный свет проникает внутрь через щели в покрытии у входа в пещеру.

С нетерпением жду, когда она округлится моим ребенком. Нашим ребенком. Мой кхай поступил мудро, выбрав ее, даже несмотря на то, что она маленькая. Она сильная сердцем и душой, а также созидательная и полна энергии. Она не резонирует мне в ответ. *Еще* не резонирует. Но когда у нее будет кхай, при моем прикосновении она будет напевать от удовольствия так же, как я.

С этого момента и до тех пор, пока мой дух не покинет этот уровень, мне не нужен никто, кроме нее.

Я благоговейно легонько касаюсь линии ее лица, увековечивая его в своей памяти. Она — странное, крохотное существо и мягкая всем телом, однако ее влагалище захватывает мой член настолько сильно, что экстаз этого не описать словами. Она сладка на вкус, но зато выражение, которое приобретает ее лицо, когда я заполняю ее своим членом? Даже еще слаще.

Я с нетерпением ожидаю сегодняшнего вечера, когда поташу свою Джорджи обратно на шкуры, и до тех пор, пока она не начнет мяукать от истощения, но я все равно буду стремиться к большему, я буду вколачиваться в нее.

Я прижимаюсь губами к ее губам, чтобы разбудить.

— Джорджи?

Ее глаза, все еще такие тусклые и безжизненные без сияния кхай в них, трепещут, открываются. «Это необходимо исправить и срочно», — решаю я. Она выглядит усталой, у нее глубокие темные круги под глазами в сравнении с ее бледной кожей.

— Вэктал, — шепчет она счастливо и скользит рукой вниз по моей груди, в которой мой кхай снова начинает напевать.

— Гора? — спрашиваю я ее и весело приподнимаю бровь, когда она пытается зарыться обратно под покрывалами и вернуться ко сну. От этого вопроса она просыпается.

— Гора? — спрашивает она, ее глаза широко открыты.

Я киваю.

— Одевайся. Я проверю капканы, а затем мы отправимся в путь.

— Днно вутлев сд бутлесго, — она выглядит взволнованной, пока устремляется по пещере в поисках своей сброшенной одежды.

Чтобы заставить ее остаться в пещере, пока я выхожу проверять капканы, приходится убеждать ее с помощью жестов рук и теми немногими нашими словами, которые она выучила. С помощью этого мне удастся передать, что я дойду куда быстрее, если буду один. Перед уходом она отчаянно меня целует, как будто обеспечивая удачу, и я обязательно вернусь.

Как будто что-либо когда-нибудь в силах разлучить меня с ней.

Потирая свою пульсирующую грудь, я улыбаюсь про себя и тащусь по сугробам. Еще одна такая же ночь неизменно падающего снега и следы практически полностью станут незаметными. Впрочем, в прошлом я неоднократно ходил по этим окрестностям, и точно знаю, где устанавливать капканы для того, чтобы поймать добычу. Поскольку нас всего двое, мои капканы маленькие, а их улов еще меньше. Если бы я охотился для моих людей, я бы попытался заполучить двести, забил бы их, а затем закопал бы в снегу с ориентировочным знаком до того момента, когда позднее можно было бы отправиться обратно, чтобы извлечь эту добычу. Однако сегодня утром у меня два пернатых зверя и маленький попрыгунчик. Поблизости нет ни одного ручья, поэтому я собираю чистый, свежий снег в кожаный мешок, а затем держу его перед грудью, чтобы он растаял.

Я проверяю все свои капканы, и только когда я возвращаюсь назад от последнего, в недавно выпавшем снегу я замечаю причудливой формы глыбу. Любопытство меня пересиливает, и я приближаюсь к ней, затем сапогом слегка подталкиваю ее, чтобы раскопать то, что находится внутри.

Это — ножка. Маленькая, голая и с пятью пальчиками — как у моей Джорджи.

Но она замерзла насквозь.

Глядя вниз на это, теперь я понимаю, что моя Джорджи здесь не одна. Вот почему она так проситься подняться в гору. Где-то там есть и другие, такие как она.

Или... были.

ДЖОРДЖИ

Вэктал вышел проверить капканы и добыть для меня завтрак. Пока я застряла в пещере, то решила, что сегодня уйду, прихватив с собой покрывала, вместо того, чтобы оставить их здесь, в пещере, как в прошлый раз. Вэктал уже дал понять, что хочет, чтобы я была укутана в несколько слоев, когда мы уйдем, и так как мы направляемся в гору, я хочу обеспечить покрывалами остальных девочек. Однако единственный способ осуществить мою задумку — это надеть все покрывала на себя.

Так что я сейчас занята нарезкой импровизированных лент из подкладки своей куртки, ножом я делаю отверстия по краям в каждой из шкур, чтобы превратить их в плащи. Я не очень-то сильна в шитье, особенно с такими неудобными инструментами, но это помогает занять себя, пока я жду возвращения Вэктала. Я проверяю свой второй «плащ», когда инопланетянин стремительно вбегает обратно в пещеру, в его глазах светится паника.

Я встревоженная встаю.

— В чем дело?

Он хватается меня и притягивает к своей груди, поглаживая мои волосы. Он тяжело дышит, и это, должно быть, первый раз, когда я слышу, что у него сбилось дыхание. Обычно совершенно ничего его не понимает.

Но именно сейчас? Он взволнован. И это внушает мне страх.

— Вэктал?

Он обхватывает ладонью мою щеку и вглядывается в лицо. Затем он пристально смотрит в мои глаза. Кладет руку на мой лоб, а потом на мою грудь. Задает вопрос, который я не могу разобрать.

Я хмурюсь и качаю головой.

— Я в порядке? Что стряслось?

— Джорджи, — говорит он, а затем произносит что-то еще, что, я практически уверена, означает «пойдем со мной».

Я надеваю тяжелые шкуры, и он кивает, помогая мне укутаться. И когда каждый дюйм меня покрыт косматыми шкурами, и я уже практически потею, он тащит меня себе на спину, и мы выходим в снег.

Так куда теплее, и я практически наслаждаюсь снежной погодой, поскольку это Вэктал выполняет весь тяжелый труд, пробираясь сквозь глубокий снег. Оба бледных солнца зашли, и именно сейчас мир выглядит даже красивым. Словно снежный рай.

Я настолько занята, восхищаясь своим окружением, что не замечаю момента, когда Вэктал остановился, пока он не подталкивает мою руку, а затем жестом указывает на снег.

Внутри сугроба что-то есть.

Почему-то мне не верится, что это — охотничья дичь. Мой живот болезненно скручивает, и я соскальзываю с его спины. Прижимая шкуры к своему телу, я двигаюсь вперед и понемногу счищаю снег.

Это же лицо. Человеческое. Рыжие волосы. Ее глаза открыты, а взгляд остекленевший.

Я отчаянно вскрикиваю. Доминик. Ее одежда в грязных лохмотьях, и, судя по оттенку ее кожи, она здесь уже какое-то время. Она замерзла до мозга костей. Меня сотрясают

рыдания, и я перевожу взгляд на Вэктала.

Он указывает на девушку, его лицо побледнело, а взгляд отражает ужас.

— Джорджи?

— Нет, Джорджи — это я, — говорю я, а потом указываю на нее. — Это — Доминик, — после этого я пытаюсь научить его слову «человек», растопыривая свои пять пальцев. Я не могу перестать всхлипывать. Что она здесь делает? Они отправили ее за мной? Новые рыдания прорываются из моего горла. — Вэктал, мы должны подняться в гору. Прошу тебя.

— Гора. Человек? — спрашивает он тихим голосом.

— Да, — говорю я, чувствуя себя буквально обезумевшей. Пока я тут трахаюсь с инопланетянином, наедаюсь почти до отвала и одеваюсь в теплые шкуры, остальные умирают от голода и замерзают. Я показываю на гору. — Пожалуйста. Пожалуйста, давай поднимемся в гору. Там еще больше людей.

Он кивает головой и пускается в поток непонятных слов. Я их не понимаю, но, когда я жестикулирую, что хочу вернуться обратно на его спину, он тащит меня на себя и начинает более быстрыми темпами двигаться вверх по заснеженным склонам, проходя мимо крутого обрыва, где мы провели ночь.

На этот раз мы поднимаемся в гору. Мне хочется плакать от облегчения. Вместо этого, я все думаю о замерзшем лице Доминик. Бедная Доминик. Что там произошло? Зачем они послали ее наружу без какой-либо одежды? Это ведь смертный приговор. Были ли они в таком отчаянии, что у них не было иного выбора?

— побыстрее, пожалуйста, — говорю я ему. Он не понимает ни слова, но, быть может, он расслышал настоятельную потребность в моем голосе, так как прибавляет шаг.

Требуется, по крайней мере, пару часов решительного, размеренного темпа Вэктала, прежде чем я мельком вижу черный корпус корабля. Сейчас он почти полностью покрыт снегом, и при виде его я втягиваю воздух. В нем просто никак не может быть тепло, независимо от того, какая теплоизоляция. На такой высоте не так уж много деревьев и нет ничего живого вокруг. Воздух кажется более разбавленным, и я спрашиваю себя, не умышленно ли инопланетяне сбросили нас в самое суровое место, чтобы мы не убежали.

Да к черту их. Сегодня мы уберемся отсюда, и я заберу своих девочек с собой.

Я буквально молюсь, чтобы все они были еще живы.

Вэктал указывает на черный продолговатый грузовой отсек, который откололся от космического корабля.

— Са?

— Да, — говорю ему. — Са!

Нам требуется еще какое-то время, чтобы добраться до сброшенной части корабля. Каменистый склон горы с крутыми обрывами неуклонно идет вверх, наглядно показывая наличие кое-каких проблем, которых у меня не было, спускаясь вниз. Мы добираемся до самого края, и я вижу, что снежный сугроб с одной стороны достаточно высок, чтобы его можно было использовать как рампу (*Прим. Рампа (фр. rampe) — наклонная площадка для въезда погрузочно-разгрузочных машин в транспортные средства и склады и выезда из них*). Должно быть, здесь без конца шел снег. Уф.

Я спускаюсь со спины Вэктала и проталкиваюсь вперед, беря на себя инициативу. Ветер усиливается, поэтому я закутываю шкуры теснее вокруг лица и взбираюсь вверх по рампе. Дыра, а точнее вход внутрь грузового отсека, прикрыта непромокаемым брезентом, так что я изо всех сил стягиваю его.

Тут же меня в лицо ударяет комок снега.

Я шиплю, вздрагиваю и отшатываюсь назад. Снег попал мне прямо в нос, и теперь у меня пульсирует лицо, а в глазах начало жечь.

— Вали к черту! — прокричал голос. Еще один снежок летит вверх в моем направлении, и я уклонюсь от него.

Вэктал в бешенстве издает пронзительный крик, тянет меня назад, к себе за спину, в его глазах пылает гнев. Я наблюдаю, как он вытаскивает из своего жилета два острых коротких клинка.

— Пойдите, — кричу я. — Девочки, это я! Джорджи!

Тишина.

— Джорджи? — слышится тот же голос. Похоже, это Лиз. — Ты жива?

— Да, я, — кричу в ответ. — Заканчивайте со снежками!

— А что у тебя за лев, Джорджи? — кто-то еще выкрикивает. — Отзови его!

— Это не лев. Это — местный житель, и он мой друг. Его зовут Вэктал, — я поглаживаю руку Вэктала, пытаюсь успокоить его, так как он все еще выглядит, будто хочет забраться внутрь и поубивать всех. — Все в порядке, великан. Серьезно.

Я испытываю такое облегчение, обнаружив, что остальные все еще живы, что могла бы разреваться обильными, безобразными слезами радости.

Я пытаюсь двинуться вперед, только Вэктал снова меня блокирует. Я окидываю его раздраженным взглядом.

— Нет, нет. Все нормально. Это же мой народ. Люди.

— Люди, — повторяет он и указывает на свои пальцы.

— Вот именно.

Несмотря на то, что инопланетянин сдвигается в сторону, и я отодвигаю непромокаемый брезент и отклоняюсь на случай, если еще один снежок полетит в мою сторону. Когда ничего не происходит, я заглядываю внутрь.

Пять девушек с грязными лицами и в лохмотьях смотрят вверх на меня. Лиз, Кайра, Меган, Тиффани и Джоси все еще живы, хотя выглядят они, будто вырвались из ада. У них впалые глаза, а волосы висят жалкими космами, к тому же девушки дрожат, продолжая неотрывно смотреть на меня.

Но все равно, по-моему, все они прекрасны. Я так невероятно счастлива их увидеть, что заливаюсь слезами.

— Привет, — рыдаю я.

— Джорджи? — обращается ко мне Вэктал. Его руки скользят по моей спине, его прикосновения собственнические.

Я поворачиваюсь и поглаживаю его, стараясь не рыдать, однако терплю полный провал.

— Поможешь мне спуститься?

Мое запястье все еще в дерьмовом состоянии, но Вэктал сильный. Он помогает мне опуститься в трюм как раз настолько, что я могу ухватиться за какие-то обломки. Я неуклюже карабкаюсь вниз и падаю вперед, приблизившись к полу. Тогда эти пять девушек хватают меня и тянут к себе, заключая в прекрасные, но дурно пахнущие объятия.

— От вас, девочки, так ужасно пахнет, — говорю я между рыданиями и обнимаю каждую из них. Лиз широко улыбается, а Джоси кажется апатичной, ее хрупкая фигурка напоминает едва ли не скелет. Тиффани всхлипывает также как и я, а Меган и Кайра тихие. — Вот, — говорю я, стаскивая со своего тела шкуры. — Пожалуйста. Возьмите их.

Вы, девочки, наверное, ужасно замерзли.

Они расхватывают шкуры так быстро, но меня это не волнует. Я снимаю их, слушая стоны удовольствия, когда они получают свою первую теплую одежду за много дней.

— Мы думали, что ты погибла, — говорит Тиффани. — Ты так и не вернулась.

— Я задержалась. У вас все в порядке? — спрашиваю я, когда они все сжались под покрывалами. Кайра надела дорожную накидку Вэктала, Лиз и Меган прижались друг к другу под одной шкурой, а Джоси и Тиффани под другой. Они выдержали, но теперь все хорошо.

Меган шмыгает носом, после чего чихает. Остальные гримасничают. Лиз потирает лоб, она явно истощена.

— Мы тут зависли, — говорит Лиз. — Еды почти не осталось. Воды тоже. Но...

Что-то большое и тяжелое резко падает позади меня, сотрясая весь грузовой трюм. Глаза у всех девушек расширяются, и они, отступая, бросаются врассыпную.

Я оборачиваюсь и вижу, как Вэктал отряхивает снег со своих кожаных сапог. Его ноздри раздуваются от зловония невымытых тел и человеческих отходов, а затем его пристальный взгляд останавливается на мне. Он хмурится от осознания, что я раздала все свои шкуры.

— Все хорошо, — говорю я ему, двигаясь в его сторону. Я поглаживаю его огромную грудь, пытаюсь успокоить его легкими прикосновениями. — Вэктал, это мои люди.

— Он понимает тебя? — спрашивает Лиз в полголоса.

— Ну, совсем чуть-чуть и местами, — говорю я, осторожно наблюдая за ним. Мне не кажется, что он намерен приветствовать остальных оральным сексом, но кто знает.

Вэктал пристально разглядывает каждую девушку, а затем кладет руку мне на затылок и по-собственнически тянет к себе.

Мда, кажется, я единственная, кто, настолько особенный для подобного приветствия. И, как ни странно, я очень счастлива от этой идеи. Мне нравится быть особенной для него.

— Девочки, — говорю я, указывая на моего крупного сине-серого друга. — Это Вэктал. Он из этих мест.

Они настороженно его рассматривают.

— Он похож на демона, — как всегда прямолинейно заявляет Лиз.

— Он милый, честное слово, — говорю я и еще раз поглаживаю его по груди. — Эти несколько дней только благодаря ему я все еще жива.

— А мне плевать, даже если он похож на демона, — говорит Джоси, ее тихий голосок дрожит. — Это — мертвый зверь болтается у него на поясе? Мы можем его съесть?

Я опускаю взгляд вниз. Ну, конечно же, Вэктал привязал свою дичь у себя на поясе. Эти зверьки напоминают гигантских лысых крыс или кроликов, только без шерсти и ушей. Вот именно. Вэктал же этим утром проверял капканы.

— Не сомневаюсь, что он поделится, — говорю я и указываю на его пояс. — Могу я взять это, Вэктал?

Когда я тяну руку к его поясу, он хватает меня и окидывает скептическим взглядом, после чего разрастается черед слов.

— Он только что спросил, хочешь ли ты спариваться прямо здесь, — произносит Кайра голосом, полным неверия.

— Вот черт, — говорит Лиз. — Вот что задержало ее. Обжималки с инопланетянином.

Мое лицо становится ярко-красным. Я отдергиваю руки.

Все смотрят на меня, вытаращив глаза. Меган удивлена, тогда как Тиффани выглядит

немного испуганной.

— Я могу все объяснить, — начинаю я.

— Я бы не стала, — проговаривает Лиз. — Послушай, просто дай нам какое-то время подумать. И накорми нас. Мне все равно, трахнула ли ты стадион, полный инопланетян, или его одного, если дашь мне съесть чего-нибудь горячего.

— Ему не слишком нравится часть относительно «горячего», — говорю я, затем поворачиваюсь к Вэкталу и указываю на тушку зверя, свисающего с его пояса. — Еда? Еда для людей?

— Люди, — соглашается он, отцепляя мясо от пояса. Как только я беру его, он предлагает мне свой нож.

— Нам срочно нужен огонь, — говорю я ему и имитирую жест согревания рук. — Огонь.

— Вот, дерьмо, — говорит Джоси. — Могу даже отсосать у него, если он сумеет устроить для нас костер.

— Верно! — заявляет Лиз, соглашаясь.

Меня пронзает вспышка раздражения на девушек. Они замерзли. Нет причин, из-за которых мне стоит ревновать. Последние пару дней я резвилась в снегу с крупным сексуальным инопланетянином, в то время как они морозили свои задницы и голодали. Но одна только мысль о том, что они к нему прикоснутся, делает меня... несчастной.

Ревнивой.

О, черт. Я не могу быть влюблена в крупного синего инопланетянина. Не имеет значения, насколько хорош он в постели.

— Огонь? — спрашивает Вэктал. Он осматривает грузовой отсек и хмуриться, затем указывает на потолок и выпаливает еще один поток слогов.

— Он говорит, что настолько высоко в горах нет никаких деревьев. Ему нужно будет пойти и взять немного из пещеры и вернуться.

Я киваю головой Кайре, а затем Вэкталу.

— Пожалуйста, сделай это.

Его брови резко опускаются, после чего он указывает на Кайру и говорит что-то еще.

— Он хочет знать, понимаю ли я его, — шепчет Кайра. Она продвигается поближе к остальным. — Что мне сказать?

Я протягиваю руку и, легонько прикасаясь к твердой челюсти Вэктала, поворачиваю его нахмуренное лицо к себе. Сразу и не поймешь, о чем он думает в этот момент.

— Вэктал? — когда его внимание возвращается ко мне, я жестом указываю на свое ухо, затем двигаюсь к Кайре и тяну ее вперед. — Ты говоришь, а она это слышит. Все понимает.

Я четко проговариваю каждое слово и жестикулирую, надеясь, что он поймет меня.

Его лицо прямо-таки засветилось, синие глаза запылали. Еще один поток слов, и он жестом указывает на ухо Кайры.

Кайра хмурится.

— Он говорит, у меня оболочка, которая позволяет мне понимать его. Мне кажется, что перевод не такой уж и четкий.

— Да, похоже на то, — говорю я, кивая головой на Вэктала.

Он поворачивается к Кайре и говорит что-то еще.

— Он хочет знать, учит ли это устройство во мне его языку, — она качает головой. — Это просто переводчик, — она постукивает по своему уху, потом по губам. — Слышу, но не

говоря.

Вэктал долгое время внимательно рассматривает Кайру, а затем говорит что-то еще. Потом он поворачивается, хватая меня за талию и притягивает к себе, и на глазах у всех накрывает мои губы жадным поцелуем.

— Он говорит, что отправляется на охоту и найти дрова для костра, а мы должны присмотреть за его парой, — передает Кайра, в ее голосе слышится веселье. — Пара, да?

На этот раз моя очередь выглядеть шокированной.

— Пара? Что? Он считает, что мы пара?

Но Вэктал уже взбирается обратно по стене трюма и выходит в снег.

ВЭКТАЛ

Помимо той, погибшей в снегу, есть еще пять других. И все женщины. Мой разум просто не в состоянии это осознать. *Все женщины.* Я думаю о своем собственном племени, в котором более двадцати неспаренных мужчин. В нашем племени только пять взрослых женщин. Их никогда не было много. Мэйлак была единственной, чей возраст подходил для спаривания и у которой еще не было пары, и какое-то время мы были любовниками, пока она не стала резонировать Кэшрему. Сейчас у них есть маленькая дочка Эша, в результате чего количество женщин в нашем племени возросло до шести. Большинство наших воинов могут лишь мечтать о резонанс-паре.

И одну нашел я. А тут их еще пять, кто может резонировать для кого-то из моего племени. Еще пять, которые могут привести наш скромный, умирающий народ к жизни. Благодаря нашему кхай, у нас очень долгие жизни, но это — долгая и одинокая жизнь, и большую ее часть я провел, ревнуя к тем, кто был в союзе со своими парами.

Но теперь есть Джорджи. И Джорджи принесла с собой надежду.

Понятия не имею, как она и ее племя сюда попали, или почему они так плохо оснащены для выживания. Мы не в состоянии нормально общаться. Со временем у меня будет ответ и на это. А сейчас я должен охотиться и накормить своих маленьких, хрупких людей. Я обеспокоен, что они слишком слабы, чтобы добраться до племенных пещер.

Ни у одной из них нет кхай.

В ближайшее время они могут заболеть и умереть. Еще слишком рано, чтобы можно было заметить слабость в моей Джорджи, но я кормлю ее и держу в тепле. Остальные испытывают нехватку искорки в глазах. У них у всех уставший вид. Они совсем ослабли. У каждой хрип в легких, что проявляется как симптом болезни.

Я вспоминаю погибшую в снегу девушку, замерзшую насмерть. Такое никогда не случится с моей Джорджи.

Я продвигаюсь через постоянно углубляющийся снег настолько быстро, насколько это возможно. Сначала я вычищаю пещеру, в которой ранее этим утром мы спали. Потом отправлюсь вниз по склону горы и заберу содержимое еще одной. Если повезет, я найду какого-нибудь зверя, на которого можно поохотиться. У меня только один кожаный мешок с водой, и им может не хватить воды. Женщины нуждаются во всем. Они не оснащены для выживания, ни в какой степени. Мысли об этом заставляют меня бежать по снегу еще быстрее. Рахош отправился на охоту, а его территория находится вблизи моей. Я мог бы направиться на юг и заручиться его помощью, и вместе мы могли бы накормить нездоровых людей.

Но на то, чтобы найти его, может уйти несколько дней, а я не оставлю мою Джорджи так надолго. Особенно, когда она не может позаботиться о себе. Особенно, когда она уже может носить под сердцем нашего ребенка. Особенно, когда в этих краях полно мэтлаксов, а у племени Джорджи нет иного оружия, кроме снега.

Я не имею ни малейшего понятия, зачем или как они здесь оказались, но мои защитные инстинкты резко возрастают при мысли о моей Джорджи, столкнувшийся лицом к лицу с несколькими бешеными, непредсказуемыми мэтлаксами. Я должен научить ее, как защищать себя. «По одному маленькому шажку за раз, — напоминаю я себе. — Сначала еда и укрытие».

К тому времени, когда я заканчиваю пополнять припасы, оба солнца исчезают за горизонтом, большая из двух лун выходит, освещая небо. Снова идет снег, и я возвращаюсь к странной черной пещере, в которой ютятся женщины Джорджи. Содержимое из пещер привязано к моей спине тяжелым грузом. В дополнение к дровам и шкурам, я также поймал маленький двисти, который прокормит голодных женщин, по крайней мере, несколько дней, если они правильно заморозят мясо. Я истощен от проведенного в беготне дня и чувствую усталость, когда запрыгиваю сверху в пещеру.

Когда я это делаю, раздаются испуганные крики.

— Клмдн, — слышу, как Джорджи говорит остальным. — С Вэктал.

Я опускаю свой груз на твердый, холодный пол и растягиваюсь. У меня в спине покалывает, мышцы ноют.

— Фк овталл иззее?

— Итнк севнфеет, — говорит Джорджи, и я слышу даже намек на гордость в ее голосе. Она приближается ко мне, и я вижу беспокойство на ее лице, когда она смотрит на меня. — Йевргон лнгтме.

— Я в порядке, сладкий резонанс, — говорю я ей, приласкав щеку. — Ты что-нибудь ела? Ты такая же маленькая и слабая, как твои остальные люди.

Я перевожу взгляд на остальных пятипалых людей. Они забрали все ее шкуры и сжались вместе у стен. От них ужасно пахнет, но они оказались в ловушке внутри этой пещеры, поэтому я их не виню.

— Еез аскинифйевте, — говорит та, что с оболочкой на ухе. — Сезурвик.

Джорджи корчит смешное лицо, сморщив свой крошечный, гладкий носик.

— С фрозн, — она с надеждой смотрит на меня и спрашивает на моем языке. — Огонь?

Я киваю головой и притягиваю ее вплотную к своему телу. Я разведу для нее огонь через мгновение. А сейчас я испытываю ноющую потребность побыть рядом с ней. В ее присутствии кхай у меня в груди грохочет и начинает резонировать. Беспокойство, которое я чувствовал, оставив ее, исчезает от сладкого прикосновения ее щеки к моей груди.

Одна из людей от этого зрелища издает чмокающий звук, и бледные щеки Джорджи розовеют.

— Фкевев, — говорит она, но смеется. — Ейелкхм.

Я вдыхаю аромат своей пары на миг дольше, затем выпускаю мою Джорджи и двигаюсь к запасам, которые принес. Я создаю небольшую пирамиду из дров и замершей глины, также добавляю немного пуха, который утепляет мои сапоги, чтобы использовать его как трут (*Прим. Трут — это любой материал, воспламеняющийся от одной искры. Берёзовая кора, сухая трава, деревянные стружки, вощёная бумага, распушённая вата, еловые шишки, сосновые иголки, размельчённые сухие грибы, в старину в трутовиках переносили огонь*).

Все женщины внимательно смотрят, как я начинаю разводить огонь. Когда на труте вспыхивают искры, я дую на него, чтобы усилить пламя. Я выпрямляюсь и вижу, что шесть причудливых, гладких лиц пялятся на меня, светясь от счастья.

— Фк ейелкхмтв, — говорит одна из девушек.

Они ютятся около него, чтобы согреться, пока я насаживаю свою добычу на вертел, чтобы поджарить. Я не понимаю их потребность есть сожженное мясо, но Джорджи четко дала понять, что не будет есть его никак иначе, поэтому я должен это делать. С другой стороны от меня, та, что с длинной копной бледно-желтых волос, снова начинает кашлять глубоким, мучительным кашлем, от которого сотрясается все ее маленькое тело.

Джорджи, скорчив гримасу, смотрит на меня.

— Медсин?

Понятия не имею, о чем она спрашивает, но качаю головой.

— Я ничем не могу ей помочь. Это — кхай-болезнь.

ДЖОРДЖИ

— Что означает это слово? — спрашиваю я Кайру. — Квхай?

— Не знаю, — отвечает она, пожимая плечами.

Остальные укутались по шею в шкуры, только их головы выглядывают из шерстяных покрывал. Сейчас, когда я единственная не укутана, мне немного холодно, но я не жалуясь. Как же я могу? Это — первый раз за многие дни, когда им тепло. Я просто счастлива, что в моих силах сделать для них хотя бы это.

Или, вернее, в силах Вэктала. В основном я просто нахожусь рядом и свечусь от гордости, что привела его.

Уже несколько часов девочки выворачивают мне мозги. Я не имею ничего против, потому что заслуживаю этого. После захвата в плен, я появляюсь с новым инопланетянином, кто называет меня своей парой? Кто целует меня и тянет к своей груди каждый раз, как только может?

Кто прошлой ночью несколько часов трахал меня до чертиков, пока я чуть не потеряла сознание от оргазмов?

Думаю, я определенно заслуживаю все то дерьмо, которое теперь расхлебываю.

В этот момент я чертовски счастлива. Вэктал уже развел костер для нас и готовит еду, к тому же все эти девушки выжили. Я так суетилась над ними последние несколько часов, следила за тем, чтобы они были в тепле, собирала снег, чтобы расплавить в одном из самодельных тазиков, чтобы они могли хоть немного обмыться. Они ослабли от голода, а пальцы рук и ног Тиффани выглядят так, будто обморожены. Джоси вялая и слабая, а у Меган глубокий, мучительный кашель, который сотрясает все ее тело. Но они живы. Все остальное — дело поправимое. Еда будет значительным шагом вперед к тому, чтобы заставить их почувствовать себя лучше. Вдобавок к лысым крысopodobным существам (которые имеют толстый слой подкожного жира, а Вэктал настаивает, чтобы мы его ели, однако ни у кого не хватает мужества, чтобы отважиться попробовать), у нас есть что-то, что выглядит как нечто среднее между кабаном и пони, и что он называет двисти. Над огнем жарится мясо, и даже у меня начинают течь слюнки, поэтому не могу себе представить, насколько сильно изголодались они.

— Что такое кхай-болезнь? — спрашивает Меган, и у нее на лице отражается

озабоченность, когда она садиться поближе к огню.

— Не знаю, — говорю я, слабо покачав головой. Когда я спрашиваю у Вэктала, все, что он делает, прижимает руку к своей груди, а затем к моей.

— Тут живет кхай, — переводит Кайра, пожимая плечи. — Без понятия, что это значит.

— Тебе просто нужно немного еды и теплое местечко, чтобы оставаться в живых, — говорю я Меган, пытаюсь успокоить беспокойство, отражающееся на ее лице. — Мы будем решать проблемы по мере поступления.

Она кивает головой. Я опасаясь, что она собирается задавать еще больше вопросов, но Вэктал отрывает одну из ног лысой крысы, и та выглядит так же, как ножка жареной птицы. Он автоматически вручает ее мне.

— Вот, черт, — смущенно говорю я. — Не нужно кормить меня, Вэктал. Я поем в последнюю очередь.

Я сразу же передаю ножку Меган.

Она вгрызается в нее зубами, прежде чем кто-нибудь попытается забрать у нее еду, а Лиз ликующе смотрит на меня и строит еще боле милое личико.

— Он же кормит свою пару, Джорджи. Пожалей парня.

Мои щеки снова пылают. У меня такое чувство, будто я провожу весь день, краснея.

Вэктал отрывает другую ногу и смотрит на меня, вопросительно подняв брови. Однако я качаю головой, и он предлагает ножку Кайре, которая принимает ее с благодарностью. Одна за другой девушки принимаются за еду. Я лишь чуть-чуть ем двисти, в основном оставляя все другим.

Это не по душе Вэкталу, который все еще упорно продолжает кормить меня. Я окидываю остальных несчастным взглядом каждый раз, когда он пихает мне в руки еще один приготовленный кусок.

— Не выводите его из себя, — говорит Тиффани, облизывая свои испачканные пальцы, чтобы слизать последние остатки жира. — Если кормление тебя делает его счастливым, тогда ешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Поэтому я ем. Как только все наедаются, Вэктал присаживается рядом и снова тянет меня к своей груди, начиная мурлыкать. Он ласкает мои волосы и прикасается к моему лицу, тогда как другие тихо разговаривают. Мы обсуждаем наших похитителей, которые еще не вернулись, планету, которая с каждым днем, как видно, становится все более заснеженной, и наше положение.

Оно весьма мрачное.

Это отбрасывает зловещую тень на разговор, и все замолкают. Лиз меняется местами с Меган, которая берет себе еще еды. Она садится рядом со мной, скрещивает ноги, покрывает шкурой свое тоненькое тело и хорошенько рассматривает меня, в то время как Вэктал проводит пальцами сквозь мои запутанные волосы.

— Итак, ты с этим здоровяком, да? Тебя и на пару секунд нельзя оставить одну, чтобы тебя не окрутил первый попавшийся инопланетянин.

Я смущенно пожимаю плечами.

— Казалось, что это может способствовать нашему выживанию.

Хотя, когда я говорю это вслух, это кажется неправильным озвучивать наши с Вэкталом отношения, как будто это всего лишь простое выживание. Нас слишком сильно влечет друг к другу, но у меня такое чувство, будто я предам своих собратьев по плену, если признаю это

перед ними.

Лиз кивает головой и некоторое время рассматривает рога Вэктала. Тогда она снова переводит взгляд на меня.

— Он очень по-собственнически относится к тебе.

— Мда, — так и есть, но я не ненавижу это. На самом деле, мне это даже нравится.

— И что, интересно, он сделает, когда узнает, что мы не хотим оставаться на Не-Хоте?

Я не отвечаю. Но думаю о другом. Я все еще привыкаю к мысли, что Вэктал считает меня своей парой. Мне даже думать не хочется, как он отреагирует, если первым же рейсом я отправлюсь домой. Меня угнетает сама мысль, что может и не быть возможности уехать домой.

Лиз все еще смотрит на меня, ожидая ответа.

Я пожимаю плечами и говорю:

— Когда я с ним, то намного счастливее, чем с другими парнями. Я лучше попытаю счастье с ним.

— Что вполне разумно, — она, не отрываясь, смотрит на огонь. — Ты ни разу не спросила о Доминик.

Я глотаю твердый ком в горле. Если уж на то пошло, я намеренно избегала этой темы, не уверенная, будут ли другие спрашивать. Как Вэктал говорил раньше, они кажутся такими хрупкими.

— Я... видела ее мертвое тело. В снегу.

Лиз кивает головой. Она подсаживается чуть поближе.

— В общем, в самую первую ночь, как попали сюда, мы слышали каких-то существ. Они ухали как совы и все такое, но выглядели как тощие плюшевые медведи или типа того.

— Я их видела, — говорю я ей. — Они очень злобные. Вэктал не большой их поклонник.

— Ага, и я тоже, — говорит она, состроив гримасу. — Они не были достаточно сообразительны, чтобы понять, как попасть внутрь, но они все же напугали нас чуть ли ни до смерти. Мы не спали из-за них всю ночь. Доминик все время плакала.

— Мне жаль.

Она хлопает меня по руке.

— Я рассказываю тебе не для того, чтобы ты извинялась. Я лишь рассказываю тебе, что произошло. Как бы то ни было, мы решили, что нуждаемся в какой-то защите, поэтому на следующий день мы с Тифф и Доминик поднялись наверх и делали снежки. Тифф и я на минутку вернулись обратно, а Доминик как чокнутая тут же шагнула в снег. Мы пытались остановить ее, но у каждой из нас есть травмы, а там слишком холодно, чтобы подолгу искать, — она пожимает плечами. — Тиффани пошла искать ее, но вынуждена была вернуться. Думаю, у нее теперь обморожены ступни.

Я киваю головой.

— Так что, мы ее больше никогда не видели. Мы надеялись, что она нашла тебя. Видимо, нет, так ведь?

Я качаю головой.

— Она была мертва, когда я обнаружила ее. Давно мертва.

— Я даже не могу быть грустной, — говорит Лиз со вздохом. Она прижимает свою здоровую ногу поближе к своему телу. — Она не хотела больше жить. Только не после того, что они сделали с ней, — она смотрит на меня своими большими глазами на ее слишком

худощавом лице. — Надо убираться отсюда, Джорджи! Нас не должно быть здесь, когда они вернуться, чтобы забрать нас.

— Я знаю, — говорю я ей тихо. Пока я еще не все продумала, но я найду способ вытащить нас отсюда. Мне просто нужен план.

ВЭКТАЛ

Остальные всю ночь напролет внимательно наблюдают за Джорджи и мной. Каждый раз, когда я касаюсь ее волос или ласкаю щеку, их глаза тревожно нас разглядывают. Это из-за того, что я проявляю нежную привязанность к ней у них на глазах? Мои люди не стесняются таких вещей. Джорджи, кажется, не возражает против моих прикосновений, и от ее близости мой кхай продолжает приятно напевать.

Когда человеческие женщины начинают зевать, они идут спать с покрывалами Джорджи, из-за чего я начинаю злиться. Им холодно, но она — моя пара, и такая же маленькая и хрупкая, как и все остальные. Когда я советую ей взять одно для себя, она качает головой.

Я стараюсь сделать так, чтобы мои жалобы услышала та девушка, что с серьезным лицом и оболочкой на ухе, которая может понять мои слова. Мгновение спустя она вручает свои шкуры Джорджи, а когда моя сладкая пара возражает, девушка настаивает на своем и идет свернуться калачиком возле другой девушки. Им будет достаточно тепло. Странная пещера изолирована от ожесточенных ветров, и, несмотря на запах, в ней достаточно тепла, чтобы они не замерзли. Рядом с костром и теплым телом, температура внутри вполне приятна.

Однако, нет никого на страже. Либо женщины слишком доверчивы, что будут в безопасности, либо настолько больны и истощены, что не силах оставаться в сознании. Подозреваю, что верно — именно последнее. В таком случае я буду их стражем.

Но вначале я проведу время со своей парой. Мой кхай требует этого.

Джорджи, зевая и оборачивая покрывало вокруг себя, двигается, чтобы свернуться рядом с другими женщинами. Я подкладываю в костер большое бревно, чтобы обеспечить тепло в течение многих часов, а потомдвигаюсь к ней и, подняв ее, уношу с собой к дальнему концу пещеры, где мы сможем побыть наедине.

Одна из девушек смеется и что-то выкрикивает.

— Гитсум грфрнд, — окликает она.

А другая призывает:

— Кррдвн овртчр. Вир трйнтев слп!

Джорджи лишь прячет лицо у моей груди.

Я отношу ее настолько далеко от других, насколько это возможно. Туда, где за пределами пламени от костра они не смогут увидеть уж очень много. Я укладываю Джорджи на бок поближе к стене, прикрыв ее своим телом. Затем накрываю нас обоих шкурой и прижимаю мою пару к себе.

Мой кхай поет и мурлычет. Он стремится к большему соединению наших тел, и я страстно желаю это сделать.

Джорджи подворачивает свое маленькое тело ко мне, ее холодные руки двигаются под мою одежду, чтобы прижаться к моей голой коже.

— Соврм, — бормочет она. — Соврм.

Мой кхай в груди грохочет, когда она трется об меня. Ее глаза закрыты, и я не уверен, понимает ли она, как сильно соблазняет меня. Мой член встает в ответ на ее вялые прикосновения, но Джорджи больше не двигается. Что ж, в таком случае мне нужно заставить ее осознать, в чем я нуждаюсь.

Поэтому я ласкаю ее шею и отклоняю ее голову назад, а затем я прижимаюсь губами к ее губам и покоряю ее язык своим.

Джорджи выпускает нежный вздох и лижет меня в ответ. Я наслаждаюсь человеческим обычаем соединения ртов и ласкаю мою пару своим языком. Это не то, о чем я раньше догадывался, но теперь, после того, как я занимаюсь этим с Джорджи, все кажется таким очевидным и правильным. Я люблю пробовать на вкус ее всю. Почему бы не ее рот? Моя рука пробирается между ее ног, но на ней одеты ее странные кожаные штаны. Я нахожу пояс ее брюк и просовываю руку в них, стремясь к ее сладкой теплоте.

Она стонет около меня, и ее рука прижимается к моей руке.

— Вэктал.

Я люблю, когда она произносит мое имя. Я издаю рык удовольствия, и мой кхай напевает в ответ. Я толкаю пальцы в ее мягкие складочки в поисках ее странного третьего соска. Я нахожу его, и она тут же задыхается и прижимается лицом к моей руке.

— Ейетнктхйр девиннит, — шепчет голос с другой стороны комнаты.

— Днлуук, — говорит другой. — Гохбктевслп.

— Ейбетеез готта мнстрдж!

На этот раз Джорджи утыкается лицом мне в грудь, и я чувствую, что она отталкивает мою руку.

— Нет, — бормочет она мне в грудь.

Нет? Когда мой кхай почти до боли пульсирует в моей груди от потребности, чтобы мы спаривались? Я шокирован. Это из-за того, что остальные не спят и могут слышать? Какое это имеет значение? Я множество раз видел и слышал спаривание других ша-кхай. Мы не застенчивый народ. Однако создается впечатление, что люди совсем не такие. Джорджи не хочет, чтобы я прикасался к ней, когда другие внимательно прислушиваются.

Я снова рычу, но убираю руку.

Она издает грустный вздох и прижимается телом поближе к моему.

И этот маленький вздох разочарования — единственная причина, по которой я не встаю вышвырнуть остальных из странной пещеры.

* * *

Следующим утром я развожу для людей огонь, и мы начинаем строить планы. Люди не хотят здесь больше оставаться. Вполне очевидно, что они напуганы и хотят покинуть это место. Я не могу позволить им остаться здесь, но также у меня нет нужного снаряжения, чтобы забрать их в безопасное место. Расстояние до моих пещер потребует, по меньшей мере, день тяжелого перехода, а эти хрупкие люди не смогут с этим справиться.

После того, как они поели, они смотрят на меня глазами, полными надежды, будто каким-то образом я создам одежду и обувь для всех женщин. Я понимаю, о чем просят их печальные лица. Я глубоко огорчен тем, что вынужден разочаровать мою Джорджи, но одинокий охотник должен быть практичным.

— Я не могу взять вас с собой, — говорю я той, у которой волшебная оболочка в ухе.

— Сеззее кантакус.

Одна из них начинает громко всхлипывать. Та, кто самая болтливая — Лииз — впивается в меня взглядом, будто я и есть проблема.

Я указываю на свою обувь.

— У вас не покрыты ноги. Нет одежды. С вами, а вас шесть, я, вероятно, не смогу поймать достаточно дичи и придавать вам сил продолжать идти вперед. Мои домашние пещеры находятся на расстоянии многих часов ходьбы. С Джорджи мне потребуются пару дней, чтобы дойти туда. Я соберу своих людей, и мы придем за вами, принесем вам теплую одежду и все необходимое для дороги. Тогда мы заберем вас к себе домой. Там вы будете в безопасности.

Она хмурит брови, а затем переводит.

— Еез гт ппл? — Джорджи спрашивает, затем потирает лоб. — Уф корс еедуз, — она смотрит на меня. — Йев хаф ппл? — она указывает на остальных, затем на себя. — Ппл дюдю. Вэктал ппл?

Ааа.

— Есть ли у меня племя? Да, есть. Нас тридцать два и еще двое детей. Я — вождь.

Одна переводит, а Джорджи снова кивает головой.

— Шхлда нов. Еез боссах.

Лииз хихикает.

— Веев готелв, — говорит Джорджи и считает на пальцах, прежде чем указать на стену позади нее. — Скс индейр, — она произносит слова, указывая на каждую из женщин, пытаюсь сделать какой-то подсчет, затем указывает на стену и снова что-то подсчитывает.

Я качаю головой.

— Я не понимаю.

Джорджи вскидывает руки.

— Нвврммд. Фн српрз фрлайтр.

— Ха, — говорит Лииз.

Они все начинают болтать и жестами указывать на стену. Я, нахмурившись, смотрю на них. Мне не понятен их интерес к задней стенке с ее мигалками, и наш односторонний разговор нас ни к чему не приводит.

— Я с Джорджи вернусь к своему народу, и мы заполучим ей кхай. Тогда я привлеку своих охотников, и мы вернемся за всеми вами. Я обещаю.

— Дохн фрэгтдиз, — говорит Лииз и постукивает по шишке на своей руке.

— Ейевохнт, — говорит ей Джорджи. Решительный взгляд накрывает лицо моей пары, и я спрашиваю себя, о чем таком они говорят, что ее прекрасные черты лица становятся такими мрачными.

* * *

По настойчивому требованию Джорджи мы оставляем все зимние шкуры и два из моих ножей женщинам. Мы также оставляем и всю еду. Это огорчает меня, потому что моя пара будет той, кому придется страдать, но нежными поглаживаниями и улыбающимися глазами она заверяет, что в порядке. По-моему, возможность обеспечивать своих людей ей доставляет удовольствие, так что я не жалуясь. По пути есть и другие пещеры охотников, и, если мне придется, я обшарю каждую из них, чтобы одеть мою Джорджи. Их снова можно

будет пополнить весной, когда растают самые глубокие снега, и у охотников настанут более легкие дни.

Мы машем на прощание женщинам, и Джорджи частенько вытирает глаза. Я знаю, что она беспокоится о них. Несмотря на питание, этим утром все они кажутся чуть больше уставшими, слегка бледноватыми.

Именно из-за отсутствия кхай столь важно доставить Джорджи к моим людям и как можно скорее. Мне не по силам завалить са-кохчк в одиночку. Это — задача, которая требует многих охотников с сильными копьями.

Я несу маленькое тело Джорджи на своей спине и, спускаясь с горы, следую по другому маршруту. На этот раз я не иду по извилистым охотничьим тропам, а направляюсь напрямик по поверхности земли, как летают крылатые птицы. Этим путем вместо многочисленных пещер охотников по пути домой нам встретиться лишь одна: пещера старейшин с ее странными гладкими стенами, которая мало чем отличается от пещеры Джорджи.

Моя пара, кажется, понимает мое чувство крайней срочности. Мы останавливаемся лишь на краткие передышки, чтобы снова наполнить кожаный мешок для воды или чтобы облегчить себя. Когда два солнца уже высоко в небе, я ловлю пернатого зверя, и Джорджи не возражает, когда я предлагаю ей сырые лакомые кусочки. Потребуется слишком много времени, чтобы собрать дрова для костра. Мы едим, а потом снова отправляемся в путь.

День превращается в бесконечный цикл бега и ходьбы пешком, и даже легкий вес Джорджи с каждым часом становится все более тяжелым. Тем не менее, я не опускаю ее вниз. Мои силы гораздо больше подходят для такого перехода, нежели ее. Она крайне истощена. Ее хватка на моей одежде с каждым часом все слабее, и меня беспокоит, что мы можем потерять хороший темп, но именно тогда вдалеке появляется знакомый, покрытый снегом, прямоугольный холм. Я вздыхаю от облегчения и указываю Джорджи на него.

— Луксвеерд, — зевая, говорит она. — Вигоиндер?

— Там мы сегодня остановимся, — говорю я ей. — Отдохнем и заночуем, а завтра мы вернемся к моим людям.

Мысленно я отмечаю охотников, которые могут помочь мне сопровождать больных людей Джорджи в сторону дома. Мэйлак, будучи целителем племени, тоже захочет пойти, но у нее маленький ребенок. В таком случае пойдет ее пара — Кэшрем. Рахош, если он вернется из своей охоты. Рокан. Салух. Зэннек. Хэйден. Дагеш.

Все они — неспаренные охотники, за исключением Кэшрема. Было бы умнее выбрать именно спаренных, чтобы не было никаких стычек из-за маленьких женщин, но я не хочу возникновения беспорядков среди своего племени. Я знаю, что мужчины будут жаждать увидеть женщин, особенно после того, как я вернусь со своей Джорджи.

Я вдумчиво потираю ее руку. Я не буду отказывать моим мужчинам в надежде увидеть, будет ли их кхай резонировать с людьми. Особенно, когда я испытал наслаждение от возвращения к жизни своего собственного.

Мы забираемся внутрь пещеры, и Джорджи вскрикивает от чужаковости стен. Не могу ее упрекать за то, что она так удивлена. Стены покрыты тонким слоем льда, из-за этого они выглядят странно блестяще, что несколько напрягает. Выглядит так, будто гигантская рука зачерпнула из этой пещеры все неровности и покрыла все льдом, оставив гладкие одинаковые стены. Но здесь есть шкуры и дрова, и протяжный заслон, скрывающий вход. Я опускаю Джорджи вниз и подготавливаю пещеру.

К моему удивлению, она немедленно начинает делать пирамиду из запасов дров в то

время, как я занавешиваю дверное покрытие. Она застенчиво мне улыбается.

— Вант лн.

Мое сердце заполняется гордостью. Я направляюсь к ней и, игнорируя костер, обнимаю ладонями ее маленькое лицо. Она прекрасна с ее плоским носиком и всем остальным, и я одержим необходимостью прикасаться к ней.

Она улыбается мне, и кхай у меня в груди начинает решительно напевать. Костер может подождать. Мой кхай и мое тело ноют от желания по ней с самого утра. Больше не вынести, и у меня такое ощущение, будто я буду страдать от настоящей физической боли. Я дергаю ворот ее кожаных одежд.

Джорджи хихикает чарующим звуком. Она прижимает маленькую, холодную руку к моей груди, именно там, где под моей кожей вибрирует мой кхай.

— Лвт вйтв пр, — нежно говорит она. Тогда она смотрит на меня своими необычными, белыми глазами и запрокидывает голову для поцелуя.

Я хватаю ее и прижимаю к себе, помня о ее травмированном запястье. Я хочу прикасаться к каждому ее местечку. Хочу отведать на вкус всю ее. Кхай внутри меня требует спаривания, и это — призыв, на который я хочу ответить. Я целую ее именно так, как она того требует, провожу губами по ее губам, прежде чем скольжу языком в ее рот, чтобы испробовать вкус. Это не похоже ни на что, что я когда-либо испытывал, и я нуждаюсь в нем, в этом поцелуе с Джорджи, снова и снова. Я люблю, как ее гладкий язык трется о мой.

Она столь же изголодалась по моим прикосновениям. Ее пальцы дергают свою одежду до тех пор, пока она не обнажает передо мной свои груди. Я стону, увидев их, и опускаюсь на колени, чтобы втянуть сосок в рот. Я обожаю ее груди, насколько они похожи и в то же время отличаются от тех, что у женщин моего народа. Ее розовый сосок твердеет, когда я касаюсь его, но, когда потираю его между пальцами, кожа его по-прежнему мягкая в отличии от твердых, окостеневших кончиков сосков моих собственных женщин племени. Мне любопытно, как выглядят человеческие детеныши, если у их матерей такие мягкие, нежные выпуклости. В этот момент я представляю себе своего ребенка и придавливаю Джорджи к себе.

Наш ребенок. Наполовину ша-кхай, наполовину человек.

— Ммм, — нежно говорит она, и я понятия не имею, мурлычет ли она или произносит еще одно из своих странных человеческих слов. Я облизываю ее груди, чтобы отвлечь ее, и она снова стонет. Тогда она протягивает вниз руку и, обхватив мой член, поглаживает меня через кожу моих штанов.

От этого прикосновения я едва не кончаю, испортив все. Шипя, я распутываю узлы, которые держат одежду на моей талии, и высвобождаю свой член. На этот раз спаривание будет быстрым и не очень-то изысканным. Мне не важно. Судя по звукам, которые издает Джорджи, и тому, как она сжимает в своей руке мой член, я не сомневаюсь, что ей тоже все равно.

— Ты — мое сердце, — говорю я ей, в то время как ласкаю ее груди. Я дразню одну, а потом другую грудь, обожая нежные звуки, которые издает Джорджи. Ее тело вздрагивает при моем прикосновении, и воздух наполняется ароматом ее возбуждения. У меня текут слюни от мысли испробовать ее на вкус, и я целую ее плоский живот, который в следующем сезоне округлится нашим ребенком.

Но дети придут со временем, а Джорджи я хочу немедленно. Я стягиваю ее кожаные штаны до тех пор, пока не обнажается маленький участок темных волосков между ее ног.

Джорджи сбрасывает свои штаны до конца и отпихивает их в сторону, а затем тянет пальцы к моим штанам, делая то же самое для меня. Таким образом, мы обнажаемся.

Джорджи немного дрожит и подходит поближе ко мне, чтобы иметь возможность пользоваться моим теплом. Я притягиваю мою пару к себе, приподняв повыше, а затем выискиваю в пещере шкуры. Пока я это делаю, она покрывает поцелуями все мое лицо и водит пальцами по моим рогам, бормоча нежные слова.

Тогда я укладываю ее на шкуры, и она, мой загадочный человек, выглядит чрезвычайно красивой и соблазнительной. Я накрываю ее маленькое тело своим большим, и ее ноги оборачиваются вокруг моих бедер, а ее стопы задевают мой стегающий хвост.

Ее руки ласкают мои рога, поглаживая длину каждого, будто они — мой член, и я стою от ощущений. Я стремлюсь к складочкам между ее ног, там она влажная и скользкая, ее тело изголодалось по мне, как и я по ней. Я хочу вкусить ее своим ртом и опускаю голову между ее бедер.

Она издает нежный звук и, приветствуя меня, широко раздвигает для меня ноги. Я провожу языком по ее сладости, наслаждаясь криками. Ее вкус пьянящий, ее аромат вызывает привыкание, и я теряю себя в ее теле. Я облизываю и сосу каждую складочку, мой язык упрасивает больше нектара ее тела. Едва уловимая дрожь проносится сквозь нее, и ее бедра зажимают мою голову и рога все сильнее с каждым движением моего языка. Моя Джорджи уже близко. И я хочу быть внутри нее, когда она кончит.

Я перемещаю тело, приспособивая головку моего члена к ней. Она ощущается невероятной напротив меня. Влажная, нуждающаяся и ох-какая-мягкая. Я вжимаюсь внутрь нее, и Джорджи, задыхаясь, прижимается ко мне. Ее тело вокруг меня такое тугое и обхватывает меня как перчатка. Ощущения невероятные, и я закрываю глаза, наслаждаясь ими. Мой кхай отвечает, напевая внутри меня. Совсем скоро я почувствую, как ее кхай отвечает моему.

Это нужно сделать как можно скорее, или же Джорджи не выживет.

Эта мысль посылает сквозь меня укол чистого ужаса, и я припадаю своим телом к ней, прижимая ее к себе. Нет. Она моя. Она должна быть со мной. Со стоном я врезаюсь в нее и чувствую, что ее тело сдается моему.

Джорджи задыхается.

— Вэктал. Охйз!

Я отступаю и снова скольжу внутрь нее, а ее ноги судорожно дергаются, обхватив меня еще сильнее. Я врезаюсь в нее снова и снова, потребность вынуждает ускорить мои движения. Ее крики усиливаются, как только мои движения становятся быстрее, и когда ее горячее тепло сжимается вокруг моего члена, я ощущаю, как оргазм пронзает Джорджи насквозь еще до того, как она начинает кричать.

Мой собственный кхай отвечает, и я снова врезаюсь в нее, проливая свое семя внутри нее. Я крепко держу мою пару в объятиях и ласкаю ее волосы в то время, как кончаю, а мое собственное тело сжимается в потоке наслаждения. Ее руки касаются меня, порхая по моей коже, и она, задыхаясь, произносит тихие, сладкие, неразборчивые слова.

Когда последнее капли семени выжаты из моего тела, я прижимаюсь губами к ее губам, а затем переворачиваюсь на бок, притянув ее к себе, а наши тела все еще соединены вместе. Хочу остаться вот так в течение нескольких часов. Даже на всю ночь. Мое изнеможение ушло, как только я заключил мою пару в свои объятия. Я уже начинаю подумывать, как снова заставить ее кричать от удовольствия.

Я провожу рукой по ее коже и снова чувствую дрожь ее влагалища вокруг своего члена. Всего несколько толчков, и она опять будет кричать. Я заинтригован подобной мыслью и тяну ее еще ближе ко мне, пока ее хрупкая спина не прижимается к моей груди.

Когда я это делаю, она, привстав, опирается на локоть.

— Втувзт?

Я прикасаюсь к ее руке.

— Мм? — я вновь хочу, чтобы я мог говорить на языке людей.

Джорджи хлопает по моей руке, чтобы привлечь мое внимание, а затем указывает.

— Сава лйтеблынк. Вутвзт?

Она указывает на дальнюю стену, и, конечно же, подо льдом мерцает звезда, а затем блекнет. Ааа.

— Это — пещера старейшин. Пещера звезд. Это место полно магии. Именно это ты и видишь.

Но она высвобождается из моих объятий и выползает из-под покрывала. Я испытываю чувство потери, когда мой член выскользывает из ее теплого тела, но она поглощена увиденным. Так что я сажусь и смотрю, как Джорджи поднимается на ноги и бежит к дальней стене. Она прижимает лицо к толстому льду, наблюдая за игрой света, пока звезда опять медленно мигает. Тогда моя пара снова оглядывается на меня.

— Вэктал, — выдыхает она, и в ее голосе отражается волнение. Другое волнение. — Йзт а спс шп?

ДЖОРДЖИ

Срань господня, это же космический корабль!

Не пойму, как я раньше этого не заметила.

Ну, хорошо, хорошо, вообще-то, я понимаю как. Я настолько устала после долгого путешествия, что моя голова была как будто в тумане. Необходимость помочь спасти остальных постоянно грызла меня на задворках разума. Вэктал, судя по всему, тоже проникся чувством крайней срочности; он пересекает долины и взбирается по отвесным преградам со мной на спине, проворнее горного козла. Я держалась из последних сил, но это все равно было изнурительно. Мороз все крепчал, а ветер ощущался так, будто обдувает мое лицо обжигающим холодным огнем. Даже в таких условиях у меня все-таки все сложилось намного лучше, чем у остальных девушек, поэтому я не жаловалась.

К тому времени, когда мы, наконец, остановились на ночь, я едва бросила взгляд на окружающее пространство. Согласно, внутренность пещеры была отлично выстроена. Да, все дело именно в боковых сторонах холма, которые снаружи также казались овальной формы. Я отметила это, но, спотыкаясь, прошла внутрь, направляясь к теплым шкурам, которые, как сейчас уже знаю, ожидали внутри.

Только после секса, когда я расслабилась и обняла своего инопланетянина, я увидела вспышки какого-то света. Я подумала, что глаза обманывают меня, пока это не случилось снова. Поэтому я подошла поближе и всмотрелась в толщу льда.

С удивлением я поняла, что пещера была идеальной потому, что это была внутренняя часть корабля!

— Это — космический корабль, — говорю я Вэкталу. Через огромный слой льда я едва могу различить какую-то панель управления.

Глаза Вэктала сужаются, и он качает головой, не понимая меня.

— Эс ша-кхай тох.

По мне так это совсем не звучит как слова «космический корабль». Верно. Мой крупный синий варвар вряд ли узнал бы космический корабль, даже если бы он укусил его за большой покрытый бороздами нос. Этот мужчина носит кожу, ест сырое мясо и охотится, используя костяные ножи и пращи. Большой парень даже никогда не слышал об обогревателях, а тем более о космических кораблях.

Я похлопываю его по груди.

— Знаешь что? Я займусь этим. Не переживай.

Я беру нож, который ношу с собой, и, используя его, взламываю толстое ледяное покрытие стены.

Вэктал нежно меня останавливает. Он указывает на груды дров в кострище, который мы не успели зажечь. О! Огонь расплавит лед быстрее. Он прав. Я встаю на носочки и легко его целую.

— Умничка.

Он даже не понимает, о чем я говорю, но все равно счастлив поцелую.

В то время как я жду, когда разгорится пламя, я пристально рассматриваю стены вокруг нас. Я пытаюсь не сходить с ума. Ледовый покров стен очень толстый. Вэкталу знакомо это

место, он разбивает в нем лагерь так же, как и в других пещерах, а это мне подсказывает, что корабль здесь уже очень, очень давно. Он совсем не похож на грузовой трюм, в котором сейчас устроились остальные девочки. Шансы на то, что он принадлежит тем же самым инопланетянам, весьма невелики, убеждаю я себя.

Однако я очень волнуюсь. Потому-то я должна увидеть эту контрольную панель своими глазами. Мне необходимо знать, что именно мы обнаружили.

Это — либо консервная банка, которую пора отправлять на плавку, либо... билет домой.

Либо ни то, ни другое.

Мне нужны ответы. Неважно, насколько я устала, я уже не смогу заснуть, пока не получу ответы на некоторые из этих вопросов.

Когда огонь разведен и ярко горит, Вэктал поджигает кусок дерева и вручает мне безопасным концом. Получается что-то вроде импровизированного факела, и я осторожно подношу его к стене, а затем держу его рядом с панелью, наблюдая, как лед начинает мерцать, а потом таять. Требуется много времени, чтобы разморозить слои льда, но по мере того, как я это делаю, все большая часть приборной панели открывается. Я то и дело бросаю взгляд на Вэктала, и похоже, что он тоже потрясен этим открытием.

Этот выглядит совсем иначе, нежели инопланетный корабль с гладкими, голыми стенами, на котором я потерпела крушение. Согласно, я не очень-то много видела за пределами того, что полагаю, было грузовым трюмом, но этот корабль вызывает совершенно иные чувства. На панели, которую я раскрыла, располагаются сотни кнопок, которые регулярно переливаются вспышками огоньков. Это напоминает мне о том, как я некогда ставила электронные устройства в режим ожидания, и теперь мне интересно, значит ли это то, что все функционирует.

Мне интересно, значит ли это, что мы сможем вернуться домой?

Я украдкой поглядываю на Вэктала. Его грубовато-красивые черты омрачились хмурой тенью, будто он не совсем уверен, что теперь об этом думать. Он всегда так замечательно ко мне относится. А секс? Ладно, секс у нас самый крышесносный. Но это место — полный отстой. Оно холодное и жуткое, и я не уверена, захочу ли остаться здесь, когда можно будет вернуться домой.

«Если можно будет вернуться домой», — напоминаю я себе. Если.

Я возвращаю свой шипящий факел в костер и снова изучаю приборную панель. Я вижу много кнопок и один мигающий огонек, но никаких экранов. Я ошибаюсь, смея надеяться, что она работает? Я наклоняюсь вперед и изучаю теперь уже освобожденную ото льда приборную панель. Мигающий огонек — на самом деле кнопка со странной волнистой письменностью на нем. Я продвигаюсь вперед, чтобы нажать на нее, но останавливаю себя.

Разве не глупо нажимать на странную кнопку на еще более странном космическом корабле?

Да, да это так.

А много ли у меня вариантов? Я размышляю, какой механизм может запустить эта кнопка. Это может быть сигналом бедствия. Или она может включить охранную систему. А может вообще ничего не произойдет. Хочу ли я полагаться на волю случая?

Я снова смотрю на Вэктала.

Честно говоря... Я осознаю, что на волю случая полагаться не хочу. Я так же была бы счастлива, развернуться и выйти отсюда вместе с ним. Я знаю, что с Вэкталом я в

безопасности. Я даже могу быть счастлива с ним. Но у остальных женщин нет такого выбора, как у меня. У них нет огромного, замечательного инопланетянина, который относится к ним как к сокровищу и удовлетворяет любые их желания.

Поэтому я делаю глубокий вдох и ударяю по мигающей кнопке кулаком.

Она издает щелчок.

И ничего не происходит.

Ну, это... разочаровывает.

Но вдруг раздается замедленный писк, затем гуденье чего-то, переходящего в активный режим. Электронный, бесполой голос говорит что-то на беглом языке, совершенно непохожем на мой. Появляются огни, которые начинают вспыхивать каждые несколько секунд. Слышится шум, а затем шипение, будто только что включился центральный кондиционер воздуха.

Вэктал хватает меня и задвигает себе за спину, одновременно вытаскивая один из своих ножей, чтобы защитить меня.

На миг я струсил достаточно сильно, чтобы спрятаться за его широким телом. Но взяв себя в руки, я снова похлопываю его по руке и продвигаюсь вперед.

— Все хорошо, — говорю я. — Думаю, эта штука просто... эээ, загружается.

Я приближаюсь к приборной панели.

Все это время голос продолжал говорить, но на этот раз он повышает голос, словно задавая вопрос.

Он... спрашивает нас о чем-то?

— Я не понимаю тебя, — говорю я вслух.

Еще один вертящий, стрекочущий звук, и в воздухе появляется трехмерное изображение Земли.

— Запрос, — говорит голос. — Язык: английский язык планеты Земля. Это правильно?

У меня перехватывает дыхание.

— Да! Да, правильно! Ты знаешь английский?

— Искусственный интеллект этого космического корабля запрограммирован на более чем двадцать тысяч распространенных языков. Вы хотите изменить языковой выбор? Если это так, то скажите...

— Нет, — говорю я быстро. — Оставь английский! — я указываю на изображение Земли, вращающейся в воздушном пространстве. — Это моя планета!

— Параметры настройки приняты. Пожалуйста, подождите, когда система полностью перейдет в активный режим, прежде чем делать новый вопрос.

— Я... хорошо, — я смотрю на Вэктала с широко открытыми глазами. Он выглядит настолько же удивленным, как и я. Он кладет руку мне на плечо и прижимает меня очень близко к себе, приготовившись к *на-всякий-случай* сценарию. Это, как ни странно, успокаивает.

Компьютер гудит минутой дольше, а затем я чувствую на лице порыв теплого воздуха.

— Настройки контроля окружающей среды в активном режиме. Идеальная температура среды обитания для человека составляет 22 градуса по Цельсию или 72 градуса по Фаренгейту. Идеальная температура среды обитания для измененного ша — 3 градуса по Цельсию или 37 градуса по Фаренгейту. Которую программу мне запустить?

— Измененный ша? — недоуменно переспрашиваю я.

— Мужчина рядом — ша форма жизни, измененная для проживания на этой планете.

Ох.

— Он не с этой планеты?

Вэктал тоже пришелец?

— Ша являются выходцами из планеты, которую они называют Киз, или Родина на их языке. Это приблизительно в 3,2 миллионах парсек* от вашей планеты Земля. Эта планета в 5,8 миллионах парсек от вашей планеты Земля.

*Прим.: Парсék — русское обозначение: пк; международное: pc) — распространенная в астрономии внесистемная единица измерения расстояний. Название образовано из сокращений слов «параллакс» и «секунда» — парсек равен расстоянию до объекта. Помимо парсеков, для измерения расстояния между космическими объектами применяют километры и световые годы. Соотношение всех этих единиц измерения между собой: 1 парсек равен 3,2616 световых лет или 30,8568 триллионов километров.

Это звучит... так далеко. Я чувствую себя слабой. У меня столько вопросов, которые я хочу задать. А я даже не знаю, какой вопрос задать первым.

— Я... что это за место?

— Это планета имеет множество названий в зависимости от языка. Ваш вид еще не обнаружил эту солнечную систему. Наше нынешнее местонахождение — вторая планета в этой системе двойных солнц. Эта конкретная планета совершает полный оборот вокруг солнц каждые 372,5 дней и вращается вокруг своей оси каждые 27,2 часа. В настоящее время температура...

— Холодная. Да. Я знаю, — я взмахиваю рукой, потому что ни одна из этой информации ничем не помогает мне разобраться со всем этим.

— Итак, если он не отсюда, — говорю я, указывая на Вэктала, — как он оказался здесь?

— Этот корабль первоначально был ша крейсером развлечений, — продолжает отвечать мелодичный голос. — Из-за солнечного шторма, экипаж был вынужден укрыться на ближайшей пригодной для жизни планете, на которой вы сейчас находитесь. У них возникли технические сложности.

— Технические сложности? — это звучит настолько абсурдно. — Серьезно?

— Этот космический корабль запрограммирован на конкретных пилотов. Пилот страдал от застойной сердечной недостаточности, а другой был недоступен, чтобы пилотировать корабль. Сигнал бедствия был запущен, но со сбоями. Никакие дополнительные сигналы посланы не были.

Значит, люди Вэктала тоже здесь застряли?

— Когда это произошло? — спрашиваю я, чувствуя себя немного уставшей от этой новой информации.

— Это событие имело место 287 лет назад. Обратите внимание на то, что, когда эта система ссылается на 'годы', они вычислены, базируясь на орбите этой планеты по отношению к планете Земля.

А годы здесь длиннее. Господи! Я смотрю на Вэктала с широко открытыми глазами. Он с любопытством смотрит на меня, а на его лице отпечаталось нетерпение. Я знаю, что у него есть вопросы, а мой разговор с этим компьютером, пожалуй, подкидывает их ему еще больше.

Но у меня все еще остаются вопросы, так что побуду эгоисткой чуть подольше.

— Сколько из его народа потерпели здесь крушение?

— Согласно бортовым журналам — шестьдесят два пассажира и один пилот. Многие из

них умерли до того, как приняли симбионт.

Это не ускользнуло от моего внимания.

— Симбионт?

— Определение термина 'симбионт' — это организм, который сосуществует с другим организмом.

Меня бросает в холод.

— Подожди... Вэктал имеет... в себе другое живое существо?

— Эта планета в своей атмосфере имеет элемент, который токсичен как для человечества, так и для *ша*. Это — газовый элемент, аналогичный азоту, который до сих пор не открыт людьми, поскольку он не существует в какой-либо форме на Земле. Ваше тело не предназначено для того, чтобы отфильтровывать его из воздуха. Как только вы достигаете токсическую концентрацию элемента, ваше тело начинает медленно отказывать. Ша рядом с вами существует в мутуалистическом симбиозе* с существом, которое они именуют как *кхай*.

*прим.: Мутуалистический симбиоз — это взаимовыгодное совместное существование организмов разных видов.

— Кхай, — произносит Вэктал, внезапно заговорив. Он задает компьютеру вопрос, на который тот немедленно ему отвечает. Тогда Вэктал кивает головой, после чего смотрит на меня.

— Ему было сказано, что вам объясняются функция кхай в атмосфере, — говорит мне компьютер.

Я потираю лоб.

— Я не понимаю. Получается, что, или ты должен занять эту кхай-штуку внутри себя или же... ты умрешь?

— Кхай усиливает тело своего хозяина и вносит едва уловимые изменения для того, чтобы оно могло чувствовать себя хорошо в условиях враждебной среды. Те лица, которые изначально застряли на этой планете, без симбиотической взаимосвязи оставались в живых восемь дней.

Восемь дней? Все, что у меня осталось — восемь долбанных дней?

— И-изменяет его? — спрашиваю я бессильно. Мне нехорошо. Либо я приму... паразит, либо умру?

— Кхай усовершенствует своего хозяина. Генетически модифицированные кхай-симбионты вносят изменения, чтобы выживать в условиях пониженных температур и фильтровать химикаты из воздуха, которые тело не может обработать. Он способствует более быстрому выздоровлению хозяина от ран и болезней, а так же обеспечивает рождение жизнеспособного потомства.

О, Боже. То есть, или я заражаюсь холодостойким ленточным червем, или мне придется ожидать смерти.

— Но что произойдет, если я заполучу эту кхай-штуку на какое-то время, а когда уеду отсюда, избавлюсь от него? Смогу ли я это сделать?

— Однажды внедренный кхай и хозяин зависят друг от друга. Кхай не может существовать вне своего хозяина дольше, чем несколько минут, а хозяин будет нуждаться в замене кхай для того, чтобы выжить.

И тут я подумала, что остаться на Не-Хоте с моим сексуальным варваром — лучшее решение, чем ожидание возвращения маленьких зеленых человечков. Но если я предпочту

остаться здесь, то никогда больше не смогу уехать домой. И тогда останусь только я и мой паразит... до конца моих дней.

Ох.

Но если я не возьму паразит, у меня останется лишь несколько дней жизни. Теперь уже меньше недели. Зеленые человечки должны знать, что мы, люди, долго не протянем на этой планете. Следовательно, либо они не намерены снова нас забирать... либо они вернуться очень, очень скоро. Я втягиваю воздух от этой мысли.

Перспективы не очень-то хороши. Я должна забрать остальных оттуда и как можно скорее.

Я хочу задать компьютеру еще вопросы, но благополучие девочек важнее всего. Не все сразу — мы должны спасти оставшихся женщин, ну а потом будем разбираться с той кхай-шуккой.

Я поворачиваюсь к Вэкталу.

— Нам нужно поговорить.

Он прикасается к моему лицу, его синие глаза пылают нежностью.

— Са-акх мvlo.

— Черт. Ты же меня не понимаешь, — я поворачиваюсь к компьютеру. — Ты можешь быть моим переводчиком?

— Это одна из моих функций, — говорит он дружелюбным тоном. — Хотели бы вы выучить диалект ша, на котором он говорит?

— Ты... ты можешь научить меня?

— Я могу провести одноразовую лингвистическую загрузку. Хотели бы вы это сделать?

— О Боже, конечно, — я хочу быть в состоянии по-настоящему разговаривать с Вэкталом. — Пожалуйста.

В воздухе появляется маленький красный круг.

— Пожалуйста, подойдите к отмеченному месту, — когда я так и делаю, то получаю дополнительные инструкции. — Я выполню сканирование сетчатки глаза. В то время как я это делаю, пожалуйста, не моргайте и не двигайтесь. Это может помешать передаче информации. Соединение произойдет через три... два... один...

Начинается низкий гул. Я замираю на месте в неподвижной позе, пытаюсь не моргать в то время, как красный лазер светит мне в глаза.

— Вы можете испытать некоторый дискомфорт, так как ваш мозг будет перерабатывать информацию, — говорит мне компьютер как раз перед тем, как поток символов обрушивается на мой мозг, и у меня появляется такое ощущение, что моя голова вот-вот взорвется.

ВЭКТАЛ

Моя пара резко падает в обморок, и кхай у меня в груди колотится в знак протеста. Я хватаю ее, прежде чем она падает на землю.

— Джорджи!

— Пожалуйста, предоставьте ей несколько минут для восстановления сил, — произносит нараспев странный, звучащий из стен, голос.

Я рычу на него. Не знаю, откуда исходит этот безликий голос, но если он причинил вред моей Джорджи, я сравняю это место с землей и рассею части по ледяным морям. Прижав к

своей груди, я покачиваю свою пару, из чувства страха не в силах даже дышать. Я кладу руку поверх ее сердца, где она не имеет защитного покрытия. Мой бедный человек, она слишком мягкая и уязвимая.

Но сердце в ее груди бьется устойчиво, и я с облегчением выдыхаю. Я прижимаюсь губами к ее странному, гладкому лбу и держу Джорджи напротив себя, тогда как помещение нагревается неприятным теплом.

Бесплотный голос начинает говорить снова.

— Режим ожидания. Прошу сообщить, есть ли у вас какие-то вопросы к данному устройству. Если нет, то я вернусь в режим гибернации*.

*прим.: Гибернация (англ. hibernation — «зимняя спячка») — энергосберегающий режим операционной системы компьютера, позволяющий сохранять содержимое оперативной памяти на энергонезависимое устройство хранения данных (жесткий диск) перед выключением питания.

Я обнимаю Джорджи, глажу ее волосы, лицо, ее холодную кожу, которая не может удерживать достаточно теплоты, чтобы ей было комфортно. Я игнорирую странный голос, даже, несмотря на то, что сейчас тот говорит на моем языке. Когда Джорджи на своем языке затараторила с ним, тот направил красный луч сквозь ее голову и вырубил ее. Я не хочу, чтобы он проделал тоже самое со мной, поэтому сузив глаза на мигающие огни, я жду.

Умиротворенное лицо Джорджи поворачивается к моей груди, и она прижимается ко мне теснее.

— Ммм.

— Джорджи? — зову я, прикасаясь к ее щеке. — С тобой все в порядке?

Ее глаза, моргая, открываются, и они — эти бледные, некрасиво белые с блеклым синим кружком в середине — самое потрясающее зрелище, которое я когда-либо видел в жизни.

— Ох. Я понимаю тебя, — говорит она на моем языке. — Твои слова. Они... — она думает с минуту, а затем ее лицо расцветает в улыбке. — Чудесные.

— Как ты научилась моему языку? — в потрясении спрашиваю ее.

Она запрокидывает голову, ее нос на мгновение очаровательно морщится. Словно она что-то рассматривает. Затем она снова улыбается.

— Слова немного отличаются от тех, что у меня в голове. Может, это ди-а-лект, который имел в виду ком-пью-тер.

Некоторые из ее слов не из моего языка. Не понимаю их смысла.

— Ком-пью-тер? — спрашиваю я.

Джорджи жестом указывает в воздух.

— Голос. Корабль. Он научил меня.

— Волшебство? — спрашиваю я с сомнением. Единственное волшебство, о котором я знаю, кхай-волшебство, но оно не обучает языкам.

Моя пара хихикает, звук ее смеха такой замечательный и славный. Ее глаза снова становятся немного тусклыми, и она потирает лоб.

— Никакого волшебства, — говорит она. — Обучение. Я, вероятно, не объясняю так, как следует, — ее глаза снова закрываются, и она сворачивается у моей груди. — У меня голова болит. Не мог бы ты меня пообнимать еще чуть-чуть?

— Обязательно, — говорю я ей, крепко обнимая и баюкая ее. Мой кхай бьется в груди, и на данный момент я доволен. У меня куча вопросов, я полон любопытства, но я доволен.

— Поешь, — уговариваю я свою пару, предлагая ей мои походные припасы.

Джорджи поперхнувшись, качает головой.

— Эта штука жжет мой язык. Уже сейчас от него у меня глаза слезятся.

Я всматриваюсь в ее маленькое личико, она права: ее бледные глаза полны слез и влажно блестят. С любопытством я принимаюсь к походным запасам. Они имеют слегка острый привкус, но они должны быть очень вкусными, а не застревать в горле.

— У людей слабо развитые языки.

— Да ну! — она окидывает меня раздраженным взглядом. — Это не так.

— Слабые языки, слабые глаза, слабые тела, — бормочу я, наслаждаясь раздражением, отражающимся на лице Джорджи. Какое же это удовольствие иметь возможность говорить с ней, по-настоящему говорить и дразнить ее. — Слабые во многих, многих местах... но имеющие очень вкусное влагище.

Ее личико становится ярко-красным, и она своей здоровой рукой бьет меня по руке. Слабый намек на улыбку появляется на ее губах.

— Ты всегда думаешь только о сексе, не так ли?

— Трудно не думать, когда моя пара такая красивая и мягкая.

Я провожу пальцем вниз по изгибу ее щеки. От моих слов следы беспечности исчезают с ее лица.

— Вэктал... Я не твоя пара.

— Да, ты — моя пара. Мой кхай выбрал тебя. Когда ты получишь свой кхай, он будет напевать для моего. Подожди и сама увидишь.

Она мотает головой.

— Люди всегда сами выбирают своих пар. Я вообще-то никого не выбирала. Не то, чтобы ты был неприятен, — говорит она мне, еще раз успокаивающе поглаживая меня по руке. — И это не значит, что ты меня не волнуешь. Дело в том, что... спаривание должно быть совместным решением.

Совместное решение? Она безумна? Неужели люди безумны?

— Решение нельзя принять. Кхай сам выбирает. Он всегда знает.

— Но у меня нет кхай.

— Мы скоро это исправим, — говорю я ей. — Как только мы вернемся к моему племени, организуем охоту, чтобы убить одного из больших са-кохчк. Они в себе носят много кхай. Мы должны их добыть столько, чтобы хватило и для тебя, и для твоих соплеменниц.

— Вэктал, — говорит Джорджи с несчастным выражением на лице. — Ты не слушаешь меня. Я... даже не знаю, хочу ли я этот кхай.

От ее слов мое сердце превращается в лед.

— Ты должна. Это ведь смертный приговор...

— Только если останусь, — говорит она тихо. — Я не совсем уверена, но, если есть возможность наконец-то вернуться домой... — Джорджи опускает взгляд и смотрит в сторону. — Я просто еще не решила, понимаешь?

— А где твой дом, если он не здесь? — мое сердце начинает биться медленными, несчастными ударами. Джорджи говорит о своем намерении оставить меня, как будто не испытывает тех же чувств, что и я. Как будто ее сердце не разрывается от одной только

мысли о разлуке. Мой кхай свел нас вместе, однако я горд, что она моя пара. В любом случае, мне не нужен никто другой. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Об этом не может быть и речи.

Она поднимает руку, указывая на потолок пещеры.

— В небе. На самом деле очень, очень далеко отсюда.

Я смотрю на нее, сузив глаза. Я не понимаю.

— Я попала сюда на космическом корабле, подобном этому, — продолжает она. — На этой штуке твои предки попали сюда из другого места.

— Это — та самая пещера, откуда пришли мои предки, — не спеша соглашаюсь я. — Но она не летает.

Я представляю летающую пещеру, парящую по небу, словно птица. Даже сама мысль об этом просто смехотворна.

Джорджи в разочаровании издает какой-то вздох.

— Это — космический корабль. Ты знаешь, что такое космический корабль? — я по-прежнему сильно озадачен, а Джорджи, размышляя, барабанит пальцами по губе. — Это судно, которое плывет сквозь звезды, Вэктал. Ты же знаешь, что я не здешняя, верно? У меня нет кхай. И поэтому я не могу быть отсюда.

Я киваю, потому что знаю, что это правда. Но мысль о ее приезде сюда от... звезд... странная и невероятная. Непостижимая. Но есть нечто, на что у меня нет ответов. Ее странный язык. Ее одежда. Отсутствие у нее кхай.

— Ты... хочешь вернуться обратно к звездам?

Выражение ее лица преобразуется во что-то печальное. В бледных глазах моей пары на мгновение появляется блеск, влажность от непролитых слез.

— Не знаю. Думаю, что больше всего на свете мне ненавистно, что я не имею свободы выбора.

Значит, это не меня она ненавидит. Мой кхай снова начинает напевать у меня в груди. Я прижимаю к нему ладонь.

— Тогда я отправлюсь с тобой.

Ее слезы высыхают, и она издает тихий смешок. Тогда Джорджи приближается и своей здоровой рукой сжимает мою ладонь. Она прижимается к ней щекой и вздыхает.

— Я бы очень хотела, чтобы ты мог.

Я провожу пальцами вниз по ее мягкой щеке. Разве она не понимает? Куда бы она не отправилась, я с радостью последую за ней. Она — мое сердце, мой резонанс, моя душа. Моя пара. Меня глубоко печалит, что она так несчастна здесь, со мной.

— Даже если бы я захотела остаться, — говорит она тихо. — Я не могу принять это решение за остальных. Если есть шанс, что мы сможем вернуться домой, я должна позволить им самим решать за себя.

Моя пара благородна. Я издаю рык, поскольку понимаю, хотя животные инстинкты во мне хотят утащить ее обратно в охотничью пещеру и удерживать ее там голую и распростертую, чтобы всаживаться в нее своим членом, пока все мысли об уходе от меня не исчезнут из ее головы.

Но тогда моя Джорджи может умереть, потому что у нее нет кхай. И другие девушки, безусловно, умрут, потому что никто не спасет их. И все мои соплеменники, у которых нет пары — Дагеш, Рбхош и Хэйдэн и многие другие — никогда не познают это наслаждение, подобное Джорджи, а я не могу быть столь жестоким.

— Мы должны пойти и спасти твоих людей, — говорю я ей. — Если мы будем двигаться быстро, то доберемся до пещер племени сегодня вечером. Мы можем забрать лучших охотников и утром выдвинуться обратно за женщинами.

— Тогда давай так и сделаем, — говорит она, и решимость ожесточает ее голос. — Каждая проходящая минута — это еще одна минута, когда я чувствую себя виноватой.

— Виноватой? — уточняю я, обхватив ее маленькое лицо ладонями так, чтобы она смотрела мне прямо в глаза. — Почему виноватой?

Почему моя пара несет такое бремя?

Ее щеки снова розовеют.

— Потому что я здесь, с тобой, мне тепло, я счастлива и сыта, а они всего этого лишены.

Ааа. Мой большой палец поглаживает ее полные губы.

— И потому, что мой член заставляет тебя кричать от острого наслаждения?

Розовый цвет на ее щеках все больше усиливается, и она склоняет голову.

— Ойз, — говорит она на своем языке. А затем на моем. — Давай такие разговоры сохраним между нами.

Я удивлен. Моя пара застенчива? Так вот что означают ее розовые щеки? Женщина ша-кхай, когда она смущена, краснеет у основания рогов, но у Джорджи нет рогов.

— Это всего лишь разговор между парой, мой резонанс.

Она наклоняет голову.

— Резонанс? А это еще что?

Я беру ее маленькую ручку — ту, которая здоровая — и прижимаю ее к своей груди. Мой кхай отвечает, довольным ритмом напевая внутри моей груди.

— Вот это. Лишь к одной тебе он взывает. Лишь ты одна заставляешь кхай в моей груди напевать от счастья. Это знак того, что спутник жизни признан.

Ее губы приоткрываются, и она в изумлении смотрит вверх на меня.

— Мне казалось, это ты так мурлычешь.

— Мурр-лы-чешь? — я не знаком с этим словом.

— Как кошка.

— Кошка? Снежная кошка? — я представляю себе уродливых существ с бакенбардами и мехом, растущим пучками по всему их телу. Я не припоминаю, чтобы они когда-нибудь мурлыкали. Однако они очень вкусные.

Джорджи хихикает.

— Знаешь что? Не бери в голову. Нам уже пора идти.

Она встает на ноги и поправляет свою одежду. Мы поели, поэтому можно уже отправляться в путь, если не считать того, что я ловлю себя на том, что странным образом не хочу продолжать идти. Если я это сделаю, то допускаю, что, возможно, я не смогу удержать мою Джорджи.

При этой мысли меня буквально скручивает от душевных страданий. Я прижимаюсь лицом к ее животу и удерживаю напротив себя, чтобы хоть немного успокоить свое сердце. Подумать только, я могу потерять свой сладкий резонанс так быстро после того, как нашел ее. Я не могу этого вынести.

— О, Вэктал, — говорит она нежно. Ее руки ласково поглаживают мои рога. — Хотела бы я, чтобы это касалось только меня, тогда я должна была бы думать только за себя. Так было бы проще.

— Все просто, — говорю я ей, прижимаясь лицом к ее телу. Даже через ее облачение я могу чувствовать ее замечательный аромат. Я так мечтаю снова испробовать ее на вкус. — Прими кхай. Прими меня.

Она молчит, но ее руки продолжают прикасаться ко мне и гладить мою кожу, ласкать мои рога, эти ощущения подобны любящим объятиям. Она должна иметь хоть какое-то желание ко мне. Она должна. Но она говорит только, — Нечто настолько особенное должно быть по моему выбору, моим решением, — говорит она тихо. — Столько всего у меня украли. Я должна отстоять для себя хоть что-то. Пока что. Не отказывай мне в этом.

Я смотрю на ее печальное лицо.

— Ты же знаешь, что я ни в чем не могу тебе отказать.

Она очаровательно, но грустно улыбается.

— Знаю.

ДЖОРДЖИ

Я весь день обдумываю свои возможности в то время, как Вэктал неутомимо пробирается сквозь снежные заносы, неся меня на своей спине.

Несмотря на то, что я делаю все, что в моих силах, пытаюсь это отрицать, вполне возможно, что мы никогда не сможем вернуться домой. Если предки Вэктала застряли здесь, то мы, вероятно, тоже никогда не сможем добраться до дома, как бы не старались. Ну, есть еще один выбор — дожидаться возвращения маленьких зеленых человечков и захватить их корабль, чтобы вынудить отвезти нас домой.

Либо мы можем покинуть Ледяную планету, когда они вернутся, но при этом испытывать судьбу, восемь дней не так уж и много.

Ну, либо мы можем принять паразит — простите, симбионт — и извлекать лучшее из этой ситуации здесь, с Вэкталом и его народом.

У меня такое ощущение, будто я делаю сугубо индивидуальный выбор, что, скорей всего, и было бы самым легким выбором. Хотя мысль о том, чтобы распрощаться с Землей, друзьями и семьей, причиняет мне боль, жизнь с Вэкталом может оказаться сладкой и насыщенной удовольствием. Я уже стала с нетерпением ждать его улыбки, ощущать соприкосновения его кожи с моей собственной. Я просто обожаю рокот его смеха.

Как мне сейчас хорошо от того, что я понимаю, о чем он говорит.

Если бы дело касалось только меня? Я бы определенно вступила бы в «Команду Вэктала» и осталась с ним.

Но мне кажется, что девочки должны принять решение вместе. Я не хочу давить на остальных. Мне повезло и посчастливилось заполучить Вэктала, но если мы остаемся здесь, то можем обречь себя на жизнь, полную трудностей и снега, и кто может гарантировать, что другие соплеменники Вэктала — ша-кхай, как он их называет — будут относиться к ним столь же замечательно, как и он ко мне?

А кто сказал, что маленькие зеленые человечки не продадут нас кому-нибудь на миленькую курортную планету, полную сексуальных мужчин, которым от нас ничего не нужно, кроме компании, пока они осушают коктейли «Май Тай»? Никто не может знать наверняка. Расклад, скорее всего, против этого... но один аргумент не влияет на другие. Что бы мы ни решили, мы примем решение всей группой. Мы примем решение не только за нас, оставшихся шестерых, но и за шесть других, все еще запрятанных в стене и спящих.

Прежде, чем все придут к какому-то решению, нам придется все обсудить.

Если девочки захотят остаться, мы со всем разберемся сообща. Если они захотят бороться с зелеными инопланетянами за контроль над вернувшимся обратно кораблем, нам понадобится оружие и план.

Мое поврежденное запястье болит и пульсирует, напоминая мне, что все мы после крушения покалечены и ранены. Взять все на себя кажется ужасной идеей. Может, это потому что я слишком негативно настроена? Я отмахиваюсь от подобной мысли. Я выбираю своих девочек. Если Лиз, Меган, Тиффани, Кайра и Джоси захотят драться за нашу свободу, наименьшее, что я могу сделать — присоединиться к нашему делу. Остаться здесь и кувыркаться в мягких шкурах со своим большим сексуальным инопланетянином кажется предательством после всего, что мы вместе пережили.

— Вон там, — говорит Вэктал, отвлекая меня от мрачных мыслей. — Дом прямо перед нами.

Мои руки обвиваются вокруг его шеи, и я всматриваюсь сквозь снег и ветер. Впереди нас я ничего не вижу, кроме еще одного скалистого утеса, который едва выглядывает из-под глубокой чащи деревьев с острыми розоватыми листьями.

— Там?

— Вход скрыт и охраняется, чтобы не дать проникнуть внутрь мэтлаксам и другим хищникам. Не волнуйся. Нам там будем безопасно и тепло, — он гладит меня по руке. — Никто не посмеет причинить тебе вред.

Я что, нервничаю? Он думает, что я нервничаю, раз говорит успокаивающие слова. Просто столько времени рядом был лишь один Вэктал, из-за которого приходилось волноваться. Меня вот-вот поставят перед необходимостью знакомиться с тридцатью его соплеменниками. Мои руки напрягаются вокруг его шеи. А что, если они меня возненавидят? А что, если они решат, что мой внешний вид их бесит? А что, если...

— Эй, — глубокий, рокочущий голос звучит совсем рядом.

Вэктал в ответ высоко поднимает руку. Я цепляюсь за его спину, и на меня накатывает беспокойство, поскольку вдали появляется еще одна большая фигура.

— Это Рбхош, — говорит мне Вэктал вполголоса. — Он, должно быть, вернулся со своего охотничьего похода.

Другой мужчина медленно идет сквозь снег прямо к нам, пробивая себе путь через сугробы. Розовые, хрупкие на вид деревья сбрасывают на нас сверху листву, и вся эта картина вызывает улыбку на моем лице. Я пытаюсь не пялиться на Рбхоша по мере того, как он приближается, но, ладно... Я пялюсь. Если у Вэктала рога большие, толстые, но гладкие, то роговая корона Рбхоша — разломленный беспорядок. У него один рог выпирает, а затем выгибается назад, выступая высоко у него над головой. Второй — отломан, от него остался всего лишь зубчатый пенек. Как только мужчина приближается к нам, я вижу, что одну сторону широкого лица Рбхоша покрывают шрамы. Его шкура... эээ, кожа... эээ... что бы это ни было, более глубокого темно-серого оттенка, чем у Вэктала... словно потемневшая от дыма. И если я считала, что у Вэктала был грозный вид, то Рбхош поднимал все на новый уровень.

Выходя нам навстречу, он улыбается и поднимает руку, а потом, как только видит меня, его шаг замедляется.

— Я думал, ты тащишь на себе груз с охоты, брат. Мне захотелось подойти и избавить тебя от ноши.

— Мне так много надо рассказать, — говорит Вэктал, и я могу расслышать гордость в его голосе, когда он осторожно опускает меня на землю. Его грудь начинает вибрировать громким, непрерывным мурлыканьем.

Глаза Рбхоша расширяются, и он смотрит на Вэктала, потом на меня.

— Это она? — он, не отрываясь, рассматривает меня сверху вниз.

— Что... что она?

— Ее зовут Джорджи, она — человек и моя пара, — Вэктал обнимает меня за плечи и тянет к себе. Я могу чувствовать его мурлыканье по всему его телу, настолько оно сильное, что он практически весь вибрирует. Резонирует, как он это называет.

Рбхош так долго на меня смотрит, что мне становится не по себе. Он рассматривает мое лицо, мои волосы — без всякого сомнения, ищет рога — а потом все остальное мое маленькое, дрожащее тело. Я одета в чужой комбинезон, несколько недель не видела расчески, и, наверное, я выгляжу просто ужасно. Хотя, почувствовала я это впервые. Вэктал всегда заставляет меня чувствовать себя... красивой... желанной. Словно я — самое сексуальное существо, которое когда-либо удостаивало его своим присутствием, и он едва сдерживался, чтоб не набрасываться на меня. Я принимала как должное то, насколько восхитительно себя чувствуешь, будучи особенной для кого-то.

Моя рука тянется к талии Вэктала, и я скольжу ею вниз по его спине, пока не наталкиваюсь на изгиб основания его хвоста. Я обхватываю его ладонью и рассеянно ласкаю.

Рядом со мной Вэктал напрягается, и вибрация в его груди приобретает, пожалуй, еще более острую силу. Он тянется назад и нежно убирает мою руку, а затем прижимается лицом к моему уху.

— Подожди, пока мы не останемся наедине, мой сладкий резонанс. Я знаю, что тебе неудобно заниматься этим на людях.

Упс. Я только что в открытую предоставила ему эквивалент ша-кхай «вручную»? Горячий румянец покрывает мои щеки, и я киваю головой. Впрочем, на Рбхоша я не смотрю, потому что тогда мне будет очень стыдно.

— Чело-век? — говорит Рбхош через минуту, словно проглатывая слово, которое застревает глубоко у него в горле. — Ее глаза...

— У нее нет кхай, — говорит Вэктал. Его рука прикасается к моим волосам, расчесывая их своими большими, толстыми пальцами. Я снова чувствую себя красивой. Он все еще не может держать свои руки подальше от меня, и... ну, я, вроде как, обожаю это. — Мы скоро решим эту проблему.

Я подталкиваю Вэктала локтем.

— Мы это еще обсудим.

— Мы все спокойно обсудим, — исправляет он.

Я украдкой бросаю взгляд на Рбхоша, а он все еще смотрит на меня. Но это не взгляд безразличия или отвращения. Скорее я вижу тоску, когда он смотрит на меня. В нем нет никакого сексуального подтекста. Скорее такое впечатление, будто его лучший друг только что объявился с рождественским подарком, о котором он сам мечтал многие годы.

— Счастливчик, тебе повезло, — говорит он, наконец, хриплым голосом, — найти свой резонанс.

— Самый счастливый, — соглашается Вэктал, пока его пальцы поглаживают мою щеку. — Но моей паре нужен целитель.

Я хочу возразить против этой шутки — спаривания, так как я еще не сказала «да», но мое запястье жалостно пульсирует, напоминая, насколько сильно оно все еще болит.

— Целитель звучит неплохо, — говорю я слабо. — Накормят тоже?

— Конечно, накормят, — говорит Вэктал и касается губами моего лба. — И будет теплая одежда. И сегодня ночью будешь спать в моих шкурах.

Я заливаюсь краской смущения, потому что мне кажется это весьма очевидным способом заявить его другу, что «мы точно интимно связаны», но Рбхош и глазом не моргнул.

— Ну, пойдём, — говорит незнакомый инопланетянин и жестом указывает нам следовать за ним. — Придется ответить на немало вопросов.

— Я готов к ним, — говорит Вэктал.

— Не уверена, что я готова, — встречаю я. От одной мысли о том, чтобы быть опрошенной несколькими десятками инопланетян, я чувствую себя измученной, а мы еще даже не вошли в пещеру. — Мы по-прежнему собираемся утром отправиться за остальными, не так ли?

— Остальными? — спрашивает Рбхош, и в его пристальном взгляде есть нечто большее, чем видимость интереса.

— Джорджи прибыла сюда с пятью другими людьми, — отвечает Вэктал. — Они нуждаются в спасении.

— Еще пять людей? — спрашивает Рбхош, его сверкающие синие глаза широко раскрываются от удивления. — Ты говоришь правду?

— Все женщины, — говорит Вэктал тихим, едва не благоговеющим голосом.

И я вижу, что Рбхош ошеломлен.

— Честно?

— Честно.

Я начинаю беспокоиться, а я еще даже не сообщила им о шести других женщинах в камерах гeбepнaции.

— Это проблема? — задаю я вопрос. — Вэктал, ты же говорил, что твои люди могут помочь моим.

— Это не проблема, — говорит мой инопланетянин серьезным тоном. Он ласкает мою щеку. — Это — благословение. В нашем племени лишь четыре взрослые женщины, и все они спаренные.

— Они резонируют? — спрашивает Рбхош резким голосом.

— У них нет кхай, — говорит Вэктал. — Однако я срезонировал на Джорджи. И другие могут срезонировать на человеческих женщин.

Это привлекает мое внимание.

— Погоди-ка? Мы не открываем сезон охоты на человеческих девушек! Я думала, мы хотели для начала спасти их, а не забавляться сватовством.

Рбхош уставился на меня, как будто я безумна. Мои слова, вероятно, лишены смысла на их языке. Но мне плевать. Я пытаюсь получить помощь для своих подруг, а не спаривать их с инопланетными парнями. Я оглядываюсь назад и вспоминаю, как Вэктал «приветствовал» меня, когда он просто схватил меня и принялся удовлетворять языком. Разумеется, я кончала неоднократно, но это не дает ему право принимать решение спариться со мной, а также не дает ему право вершить судьбы других, чтобы кто-то заполучил себе женщину в пару без их на то согласия.

— Никто не спаривается без их согласия, — говорю я, скрещивая руки у себя на груди. Тут я вздрагиваю, потому как все время забываю, что одно из моих запястий в полном дерьме.

— Это согласовано, моя Джорджи, — говорит Вэктал. Он снова ласкает мою щеку. — Я — вождь. Они послушаются меня. Любой мужчина, который захочет спариться с человеческой женщиной, должен иметь ее согласие.

На этом я чуть-чуть успокаиваюсь.

— Согласие? — бормочет Рбхош. — Но резонанс...

— С людьми такого никогда не бывает, — сообщаю я сладко.

— И это как раз то, о чем можно спорить и позже, когда моя пара не будет умирать от холода и голода, — говорит Вэктал, вступая в ссору до того, как Рбхош снова мне возразит. Он приобнимает меня за плечи. — Мы пришли издалека, а утром нам снова предстоит отправляться в долгий путь.

— Понятно, — говорит Рбхош натянуто. Он поворачивается и направляется к деревьям, а Вэктал и я следуем за ним.

Деревья сгущаются по мере того, как мы приближаемся к утесу, и я вижу довольно большой вход в пещеру. Проем огромен и широк, гораздо выше роста любого из людей или ша-кхай — даже если бы Рбхош встал на плечи Вэктала и попытался достать до потолка. Дальше внутри он сужается, и вот туда Рбхош и Вэктал как раз таки ведут меня. Я съеживаюсь от мысли о пребывании в глубокой пещере многие часы. Это не кажется мне таким уж безопасным.

Но по мере того, как мы пробираемся по извилистому тоннелю, воздух становится теплее. Заметно теплее. Похоже, мы спускаемся вниз, разве не должно становится все холоднее? Это вызывает у меня недоумение, пока проход пещеры не выводит нас в большое помещение, где чувствуется запах тухлых яиц.

Я просто ошеломлена.

Гора, в которой проживают ша-кхай, имеет внутри свободное, пустое пространство. Проход расширяется в огромную пещеру, которая напоминает мне гигантский пончик с дыркой. Она круглая, а центр занимает большой, невероятно синий бассейн. «Похоже на источник горячей воды», — осознаю я в изумлении. Именно по этой причине так сильно пахнет яйцами.

Я зажимаю нос и удивленно озираюсь. В бассейне купаются инопланетяне: в воде плещется крошечное дитя с выступами для рожков, в то время как мужчина держит его, а рядом смеется женщина. Стены пещеры округляются вверх, а в крыше имеется отверстие, почти как люк на крыше. Отсюда я вижу, что сквозь отверстие внутрь заносит снег, но в более теплом воздухе он тает и, капая вниз, без остатка рассеивается.

Края пещерного «пончика» пронизаны большим количеством мелких пещер, у большей части которых выступы и широкие проходы выложены специальными камнями и переплетениями из чего-то, вроде тростников. Тростниковые мостики растянуты с одной стороны потолка «пончика» к противоположной стороне. Там также повсюду находятся инопланетяне. Некоторые сидят рядом со входом в их пещерные жилища. На той стороне еще одна пара плетет корзины. В стороне инопланетянин с огромными, изогнутыми рогами и бледной кожей скребет шкурку, натянутую на раму.

— Вэктал вернулся! — счастливо кричит кто-то. Восклициания радости и разговоры мгновенно разрывают пещеру... и все головы поворачиваются к нам.

И тогда... все таращатся на меня.

Так странно быть объектом такого пристального внимания. Все больше голов поворачиваются, некоторые инопланетяне стоят, другие приближаются. Уж больно много здесь мужчин. Большинство из них. С учетом тепла в пещере некоторые из них одеты только в набедренные повязки. Судя по их виду, все они мускулистые, высокие и красивые для расы ша-кхай. И все они смотрят на меня жутко внимательно, со смесью любопытства и тоски.

— Моя пара, — с гордостью говорит Вэктал. — Человек.

— Мамочка, почему лицо у этого такое уродливое? — спрашивает чей-то тоненький голосок. Голоса повышаются, чтобы успокоить его.

Рбхош выглядит разочарованным, либо у него случился ступор. Я никак не могу понять, что именно с ним произошло. Вэктал гортанно рычит и делает шаг вперед, явно оскорбленный из-за меня.

Я начинаю хихикать. Подумать только, эти странные люди считают меня уродиной. Именно они, с их рогами, хвостами, светящимися глазами и мягкой, словно замшевой кожей по всему телу. Именно они с их наростами по всему лбу и носу и... эээ... на других интересных частях тела.

Вэктал тянет меня к своей груди в собственнические объятия, и я вдруг осознаю, что меня прижимают к очень твердой, покрытой жилетом, груди.

— Это моя пара. Я резонирую для нее, — как на заказ его грудь начинает вибрировать от крепкого, устойчивого мурлыканья, сотрясая мою щеку. — Для меня она красивая. Отличающаяся, но, несмотря на это, красивая, — он проводит пальцами сквозь мои волосы. — Я видел ее храбрость, силу духа и волю. Она доверяла мне, когда у нее не было для этого причин. Она отдала мне свое тело, хотя у нее нет кхай, который вынудил бы ее это сделать. И совершенно не важно, что чьи-либо глаза видят в ней, кроме моих... а для меня она самая замечательная, самая соблазнительная и самая неотразимая из всех существ.

Мои глаза начинают покалывать от сдерживаемых эмоций. Ладно, для варвара он довольно неплох в романтических речах. Когда мы снова останемся одни, я во всей полноте награжу его от «вручную» до «по-настоящему».

— Что такое чюло-век? — спрашивает кто-то еще.

— Есть еще такие же? — спрашивает другой голос.

— Он сказал, что есть еще пять, — говорит Рбхош этим своим низким, грохочущим голосом. — Все женщины.

Я вздрагиваю от благоговения и удивления, которые заполняют голоса в пещере. Вот дьявол. Эти парни посчитают, что настал офигенный брачный сезон, если все так и будет продолжаться. Особенно, когда в их племени лишь четыре взрослые женщины. Здесь немало нереализованной сексуальной потребности. А что произойдет, когда они узнают, что в дополнение к шести женщинам в сознании есть еще шесть в стазисе*?

*прим.: Стазис — это состояние полной остановки любых физиологических процессов в организмах живых существ.

— Вэктал, — бормочу я, испытывая неловкость. По мере того как другие инопланетяне все больше возбуждаются, тем больше я все больше нервничаю.

От звука моего голоса все глаза оборачиваются на меня.

Вэктал прижимает меня к себе сильнее.

— У нас еще будет время ответить на вопросы. Моя пара пережила выпавшие на нее испытания. Она проголодалась, устала и нуждается в целителе. Где Мэйлак?

— Здесь, — слышится приятный голос. Женщина с вьющимися рогами и длинными, ниспадающими темными волосами выходит вперед. Она прижимает к груди ребенка, а ее живот округлен еще одним. Ее светящиеся глаза смотрят на меня с восхищением.

— Отлично, — говорит Вэктал. — Пойдем со мной и Джорджи в мою пещеру.

Она кивает головой и передает своего ребенка другому мужчине.

— Давай я сначала возьму свою лекарскую корзинку.

Мой инопланетянин берет меня за руку и тянет за собой. Тут же остальные следуют за нами, и я не виню их за то, что они так плятятся. Становится еще больше шепота, как только я поворачиваюсь к ним спиной, и я слышу замечания по поводу недостающего у меня хвоста. Я озираюсь вокруг как раз вовремя, чтобы увидеть, как Рбхош исчезает в тени, сжимая в руке копье. Он пристально за мной наблюдает, но не в извращенном смысле. Если бы мне пришлось делать ставки, я бы предположила, что Рбхош намерен серьезно настаивать, чтобы заполнить себе человеческую пару.

От самой мысли об этом мне становится не по себе. Наверное, тяжело жить в племени, полном неженатых, одиноких мужчин... А судьба тут подкладывает такую свинью.

Вэктал ведет меня вдоль края пончика по лабиринтам проходов пещеры к одному из задних пещерных жилищ. Снаружи несколько перьев и нечто, что выглядит как украшения, но ничего, что отметило бы его как дом вождя. На мой взгляд, она выглядит так же, как и любая другая пещера. Внутри, правда, она теплая и уютная. Шкуры перекинута поверх мягкого гнездышка в углу, и есть полка, сделанная из камня, на которой стоит немного бытового инвентаря. В углу кострище, которое пока не используется, и на одной стене висит нечто, что похоже на тростниковый сачок. Я окидываю Вэктала любопытным взглядом.

— Для ловли рыбы?

Он смеется как мальчишка.

— Мне хотелось бы это увидеть, может нам повезет, и в соленом озере мы поймем одну из больших рыбин.

Соленое озеро? Мы рядом с морем? У меня столько вопросов.

— Это — моя пещера... а теперь и твой дом, Джорджи, — через мгновение он добавляет, — Если ты примешь меня как свою пару.

Судя по голосу, он неуверен и несчастен, и я чувствую приступ угрызений совести, что моя нерешительность причиняет ему боль.

Впрочем, стопка шкур выглядит такой заманчивой, что я ничего не могу с собой поделаться, кроме как шагнуть к ней. Я сажусь на край и издаю стон от удовольствия, когда откидываюсь назад. Эта, безусловно, самая славная, самая уютная кровать, которую я испробовала, с тех пор как попала сюда.

— Жду не дождусь свернуться калачиком на ней, — говорю я ему.

Его глаза загораются, и я слышу, что в его груди начинается ритмичный напев.

Ох. Он принимает это за повод для соблазнения. Мне следует незамедлительно исправить его. Вместо этого я наслаждаюсь шкурами чуть дольше, думая о его сладких словах, сказанных раньше, о том, насколько я красивая и сильная. Я выгибаю спину так, чтобы моя грудь выдавалась вперед. Его внимание направляется туда, и по выражению его лица я вижу, что его необыкновенные, сверкающие глаза запылали.

— Я войду? — спрашивает женский голос.

Вэктал проводит рукой по своему лицу.

— Конечно. Проходи, Мэйлак, — он подходит ко мне и прижимается поцелуем к моим

волосам. — Я пойду и поговорю с моими охотниками. Мэйлак позаботится о тебе.

Я хочу отправить ее восвояси, но у меня болит запястье, и если у нее есть еда, она — мой новый любимый человек.

— Хорошо, но не задерживайся слишком долго.

— Конечно, нет! — говорит он решительно, и его пальцы прослеживают мою щеку. — Если ты заснешь, я разбуду тебя, спариваясь с твоими губами.

Палящий румянец окрашивает мои щеки.

— Это называется поцелуем, Вэктал.

Называя поцелуй подобным образом, тем самым, придавая ему оттенок крайней похотливости. И я чувствую себя более чем порочной для того, чтобы полностью возбудиться просто от мысли об этом.

Вэктал лишь окидывает меня пылающим взглядом, прижимается губами к моим, а затем выходит из своей пещеры. Я напоследок наслаждаюсь его крепкой задницей, когда мгновение спустя Мэйлак переступает через порог, раздвигая полог двери. В руках она несет большую корзину и улыбается мне, сверкая небольшими клыками.

— Могу я присоединиться к тебе?

Я киваю головой. Я наблюдаю, как она скользит в пещеру плавными движениями, и отмечаю различия между ней и мужчиной племени Вэктала. Ее рога поменьше и более утонченные, впрочем, очевидно, что рога, так же как и носы, этого народа похожи, при этом у некоторых — они огромные, а у некоторых размером поменьше и менее извилистые. Это, вероятно, больше связано с наследственностью, чем с тестостероном. Ее черты такие же резкие как у Вэктала, однако глаза кажутся больше и с более длинными ресницами, а рот более полный с пухлыми губками. Ее груди маленькие, и все ее тело кажется более жилистое, нежели мягкое, однако она двигается в чрезвычайно чувственной манере, что заставляет меня ревновать. Волосы у нее длинные и восхитительные, струящиеся темным водопадом до талии и хвоста.

Мэйлак одета слишком уж странно. Ее кожаная одежда кажется более замысловатой, чем у Вэктала, с интересными маленькими узорами, напоминающими вышивку. Узоры обрамляют искусно зазубренную кайму ее выреза, пересекаясь крест на крест через ее широкие плечи, и ниспадают красивыми свободными складками над ее животом. Они завязаны узлом на одном из ее бедер, открывая леггинсы, покрытые еще большим количеством переплетенной вышивки, усеянной по коже. Когда она садится рядом со мной, я замечаю ее босые ступни даже в таких условиях, и я удивлена. В пещерах теплее, конечно, но как по мне, все еще холодновато. Но люди Вэктала, судя по всему, в пещерах племени носят более легкую одежду.

У меня возникает легкое чувство зависти. Хотелось бы мне чувствовать себя в тепле ради разнообразия.

Одним движением Мэйлак садится со скрещенными ногами прямо передо мной. Она ставит свою корзину на пол пещеры рядом с кроватью и кладет обе руки ладонями вверх на свои колени.

— Могу я исцелить тебя?

— Эээ... да? — на их языке нет слова «ок».

Она осторожно берет мою больную руку в свою, оттягивает рукав, а затем разворачивает перевязь, которую сделал Вэктал. Мое запястье все еще в синяках и сильно опухло, а когда убрали бинты, оно запульсировало с удвоенной болью. К моему удивлению,

Мэйлак закрывает глаза и укачивает мое запястье, как будто ожидает чего-то.

Эээ... ладно. Я жду, поскольку кажется невежливо спрашивать, какого черта она делает.

Спустя некоторое время она открывает глаза и, нахмурившись, смотрит на меня.

— У тебя нет кхай. Я думала, что, возможно, Вэктал, ошибся.

— Нет, — говорю я со слабым намеком на улыбку. — Он прав. У меня нет кхай.

Это слово странно ощущается у меня во рту.

Женщина осторожно опускает мое запястье вниз.

— Странно. Тогда я не так уж много могу для тебя сделать. Мой кхай — особенный, — говорит она, касаясь своей груди, а затем протягивает руку ладонью вверх. — Он может вызвать твой кхай и воодушевить его работать более эффективно.

— Ааа, — ну, по крайней мере, она не предлагает натирать кристаллы, измазать меня грязью или что-то типа такого варварского. — Да все нормально, серьезно.

— Сейчас я могу только повторно перебинтовать, — говорит она, потянувшись к своей корзине. — Как только ты примешь кхай, я смогу тебя вылечить.

Мне нечего сказать. Я еще не определилась, хочу ли я этого странного паразита, хотя перспективы, вне всякого сомнения, выглядят сейчас не очень-то хорошо.

— Можно у тебя кое-что спросить?

— Конечно, — ее большие, светящиеся глаза смотрят на меня.

— Ты помнишь, как ты получила свой кхай? — из-за этого все эти люди настолько ослеплены наличием ленточного червя?

Ее глаза расширяются, и она качает головой.

— Без кхай наши дети рождаются беспомощные. Они уязвимы, пока не достигают четырехдневного возраста. Затем мы охотимся на великого са-кохчк и пересаживаем кхай ребенку.

— Зачем же ждать четыре дня?

— Ребенок должен иметь достаточную силу, чтобы принять кхай, — говорит она. — Иначе это — смерть и для ребенка, и для кхай.

У нее нежные руки, когда она из своей корзины берет костяные шины и, поддерживая мое запястье, забинтовывает его в мои кожаные ленты.

— А это больно?

Она пожимает изящными плечами.

— Не знаю. Я была совсем маленькой, когда приняла свой. Очень редко кхай умирает, и для ша-кхай необходимо отыскивать новый. За всю мою жизнь такого никогда не происходило.

Это не очень-то помогает избавиться меня от тревоги при мысли о принятии в мое тело долбанного симбионта.

— Ты чувствуешь, как он перемещается? Ты знаешь, что он там? Он действует, будто... говорит с тобой?

— Говорит? — ее глаза расширяются, и она сотрясается от смеха, пока не видит, насколько у меня сейчас серьезное лицо. Тогда ее смех утихает. — Нет, конечно же, нет. Он не разговаривает. Это практически тоже самое, что иметь сердце, или легкие, или живот. У тебя просто есть кхай, — она снова пожимает плечами. — Некоторые проживают всю свою жизнь, не чувствуя резонанс. Это единственный раз, когда кхай пробуждается. Тогда он отчаянно заявляет о своем присутствии.

— Мурлыканьем.

— Мурр...?

— Звук, — поправляю я, затем пытаюсь сымитировать его в своем в горле. — Он заставляет тебя мурлыкать рядом с твоей парой, не так ли?

— Это — нечто большее, чем просто звук, — говорит она, завязывая вокруг моего запястья последние ленты, что еще осталось от повязок. Ее рука тянется к груди. — Когда кхай оживает, ощущаешь мощный всплеск насущной необходимости. Это походит на... зуд духа.

Очевидно, что она изо всех сил пытается объяснить это.

— Это что-то типа притока адреналина? — предполагаю я, затем добавляю. — Подобно очень быстрому бегу с горы? Или во время охоты?

Она медленно кивает головой.

— Больше, чем это. Это... и вдобавок — собственничество. Твоя пара только твоя, а те, кому не терпится утвердить свою пару, находят, что чувство постепенно обостряется. Сложно описать. Это нечто большее, чем просто чувства. Это осознание.

Это меня немного беспокоит. Я представляю Вэктала и то, через что он должен проходить, когда резонирует по отношению ко мне. Впрочем, он не особо-то и казался на взводе. Собственником, да. Но довольным. Может быть, это происходит по-разному у разных инопланетян?

— Это — часть наших жизней, — говорит она тихо. — Кхай выбирает пару, а кхай никогда не ошибается. Когда резонируешь своей паре, это приносит наибольшее удовольствие, чем все то, что вообще можно вообразить.

— А ты счастлива с парой, которую он выбрал для тебя?

Ее губы изгибаются в милую улыбку.

— С моим Кэшремом? Сначала нет, я очень разозлилась. Кхай не всегда выбирает тех, кого, как нам кажется, мы хотим в наших шкурах. Кэшрем — дубильщик, а не охотник. Я была молода, и меня привлекал определенный охотник, с которым я разделяла шкуры, — ее длинные ресницы затрепетали, и она повернулась к своей корзине и достала от туда одежду. — Я принесла тебе вот это. Вэктал говорит, что тебе зачастую холодно, так что надеюсь, что они помогут тебе сохранить тепло.

Я поняла, что она сменила тему разговора.

— С кем ты делила шкуры до того, как ты, эээ... срезонировала? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, не запрещено ли об этом говорить.

Но выражение ее лица бесхитростное в то время, как она смотрит на меня.

— С кем? С Вэкталом, конечно.

Меня ошеломляет укол ревности, который пронзает меня насквозь. Она любовница моего инопланетянина? Моего инопланетянина, который жил холостяцкой жизнью до того, как резонировать мне? Представляю себе картину: Мэйлак вместе с Вэкталом кувыркаются в постели. Он лижет ее также как лизал меня. Потом она встает и бежит к другому мужчине только потому, что она резонирует ему.

Тут моя ревность угасает, и я переполнена сочувствием к моему Вэкталу. Как это, должно быть, разочаровало его. Иметь любовницу, когда столь мало женщин кажется божьим даром. А затем лишиться ее — для него это, должно быть, было очень мрачное время. Возможно, поэтому он до безобразия счастлив встретить меня. Я ощущаю мощный всплеск любви к моему большому парню.

Этой ночью ему светит кое-что интересненькое.

ВЭЖТАЛ

У мужчин бесконечные вопросы, как я и предполагал. Будут ли женщины резонировать им? Сколько их там? Как они выглядят? Есть ли у них свои собственные пары? Сформированы ли люди как женщины ша-кхай?

— Различия небольшие, — говорю я им. — У них нет хвостов, и их рты маленькие, и они не имеют клыков. Они не могут есть сырое мясо. Они должны готовить его до тех пор, пока весь вкус и аромат не испарится.

Кто-то издает звук рвотных позывов.

— Но... ты резонируешь к ней? Она ведь такая маленькая. Она может принять тебя? — Салух задает этот вопрос потому, что он самый большой из наших охотников. Наверняка он представляет себя бок о бок с крошечной Джорджи, пока пытается втиснуться внутрь нее. Меня злит одна только мысль об этом. Знаю, что это лишь невинный вопрос — у Салуха никогда не было пары, с которой можно делить свои шкуры. Он очень сильно нуждается в ней.

Полагаю, мне следует поделиться информацией, которую я имею. Рассказать им, что погружаться в тугое, влажное влагилице Джорджи — подобно мечте наяву. Что, когда она испытывает удовольствие и бьется в конвульсиях, то сжимается вокруг члена, точно так же, как и наши женщины. Что ее соски затупляются мягкой, структурированной кожей и что они такие же розовые, как и ее язычок. Но это кажется слишком интимными подробностями. Впрочем, видя жадный взгляд Салуха, я понимаю, что он надеется, что хоть одна из человеческих женщин заставит его кхай резонировать. И тогда он сможет претендовать на пару и завести семью — самое величайшее его желание.

Так что я предоставляю им еще пару сдержанных фактов.

— На своем теле она имеет пушок лишь в одном единственном месте — на стыке ее бедер, — не обращая внимания на возгласы, я добавляю, — а еще есть третий сосок.

— Еще один сосок? — спрашивает Рбхош резким голосом, сомневаясь. — Для детенышей? Где?

— У нее между ног.

Он фыркает, посчитав это явно нелепым.

— Она искажена, и все же не принимает это спаривание? Она должна быть счастлива заполучить тебя.

Его слова приводят меня в еще большее бешенство. Я поднимаюсь на ноги.

— Ты говоришь из горечи, Рбхош, — говорю я ему. — Тебе завидно, что я резонирую, а твой собственный кхай хранит молчание спустя все это время. Моя пара — само совершенство во всех отношениях. Она не виновата в том, что родом из таких мест, где другие обычаи. В ее землях они сами выбирают себе пары.

Кто-то что-то бормочет на эту странность.

— Джорджи скоро примет кхай, — говорю я им. Она должна. Мне невыносимы мысли о ее кончине, или что она оставит меня, чтобы вернуться обратно на свою странную планету. Эти мысли пронзают меня словно удар ножом, и я сопротивляюсь агонии, которую они влекут за собой. — Когда она почувствует, как внутри нее резонирует кхай, то поймет, что означает быть с кем-то в паре. А пока я ухаживаю за ней с нежностью и любовью. Только потому, что она мне не резонирует, не означает, что я буду относиться к ней как-то по-

другому.

— Пожалуй, тогда лучше, чтобы она резонировала тебе, Вэктал, а не Рбхошу. Он бы нашел, чего у нее, должно быть, не хватает, — подшучивает Аехако.

Ноздри Рбхоша раздуваются. Он окидывает меня холодным взглядом, а затем в гневе уносится прочь от собрания мужчин.

Я устало потираю лицо. Я счастлив оказаться дома среди моего племени, но мое тело жаждет Джорджи. Я страстно желаю присоединиться к ней в постели.

— Утром мне понадобятся охотники и припасы, — говорю я им. — Мы возвращаемся спасать остальных людей. Есть ли кто-то, ко желает присоединиться ко мне?

Вскоре, у меня собирается отличный отряд охотников, которые вызвались добровольцами. Я ничуть не удивлен, что все они — неспаренные мужчины и юноши. Старшие, возможно, привыкли уже к собственному одиночеству, но остальные, подобно мне, изголодались найти себе родственную душу. С нами отправится молодой, крепкий Салух. Веселый Аехако. Тихий Пашов и его родной брат Зэннек. Импульсивный Рокан, у которого острый язык, но еще более острые чувства. Умелый Золай и мрачный, неулыбчивый Хэйден, печальная история которого служит уроком для других. Думаю, что завтра утром появится, чтобы присоединится к нам, и Рбхош. Он — превосходный охотник, несмотря на всю его горечь.

Это — отличная компания шумных друзей. Мэйлак тоже захочет пойти, но Кэшрем будет беспокоиться, что поход слишком далек для нее, чтобы нести под сердцем комплект*. Она останется здесь.

*Прим.: имеется в виду, что она беременна.

Как только охотники были подобраны, я отдаю приказы собрать провизию — правильно приготовленное и не острое. И кожаные мешки с водой для человеческих женщин. Теплые покрытия для ног. Дополнительные шкуры. Одежд столько, сколько мужчины могут унести. От странной пещеры людей мы прямиком отправимся охотиться на са-кохчк. Там мы получим для женщин их кхай.

Тогда моя Джорджи будет мне резонировать. Она будет в безопасности, ее жизни не будет угрожать кхай-болезнь. И она, и наш ребенок будут защищены от любого вреда.

— Идите спать, — говорю я охотникам. — Мы уходим на рассвете второго солнца.

Мужчины расходятся, впрочем, сомневаюсь, что кому-нибудь из них удастся заснуть. Они будут грезить о человеческих женщинах с плоскими лицами, с третьим соском и приветствующими телами.

Мое собственное тело твердеет при мысли о Джорджи, ожидающей меня в постели. Я бегу к своей пещере, желая снова увидеть мою пару. Аехако выкрикивает мне в след пикантную шутку, но я ее игнорирую; мне плевать, если кажусь нетерпеливым. Любой неспаренный мужчина с радостью поменялся бы со мной местами, и они это знают.

Внутри моей пещеры темно и тихо, каменный очаг почти не отбрасывает света. Я не нуждаюсь в нем; я знаю свое маленькое жилище наизусть. Ядвигаюсь к кровати и слышу тихое дыхание Джорджи, и мой кхай снова напевает. Мое сердце готово разорваться от любви и желания к этому мягкому, но все же волевому человеку. Она — все для меня.

Я касаюсь пальцами ее мягкой гривы волос, и Джорджи шевелится.

— Мммм, Вэктал?

— Спи дальше, — говорю я ей, стягивая свои кожаные одежды. — Я присоединюсь к тебе в постели.

Она садится, и в тусклом свете я вижу, что у нее взъерошены волосы.

— Я помню, что ты собирался разбудить меня, спариваясь с моими губами, — говорит она, и ее голос хриплый и преисполнен обещания.

Я издаю стон, от ее реплики мой член твердеет.

— Ты устала и должна выспаться, мой резонанс. Мы отправляемся рано утром.

— Тогда мы должны постараться сделать все быстро, — говорит она, и ее руки поднимаются к моим штанам. Я не смею двигаться, когда ее руки расшнуровывают все тесемки моей набедренной повязки и оттягивают ткань кожи. Джорджи освобождает мой пульсирующий член, сжимая его маленькими теплыми ладонями. Невообразимо, но я становлюсь еще более твердым. — Ммм, я весь день мечтала об этом, — говорит она мне восхитительным голосом.

Все слишком уж невероятно, что трудно даже поверить.

— Правда?

Мои руки захватывают ее мягкие волосы, не в силах сопротивляться искушению касаться ее. Я убираю их с ее лба в то время, как она обхватывает руками мой член и крепко его сжимает. Это не настолько приятно, как погрузить себя глубоко внутрь ее влагалища, но меня завораживают и возбуждают ее действия.

— Да, — говорит моя пара, ее губы двигаются над ноющей головкой моего члена. Я втягиваю воздух, и мой кхай начинает вибрировать твердым, настойчивым ритмом потребности.

А потом, я едва могу поверить своим глазам, когда она берет мой член в свой рот. Я чувствую, что головку окружает теплая влажность, и тогда я едва не проливаю свое семя. Я издаю стон, под воздействием ее ласк все мое тело напрягается. Ощущения не похожи ни на что, что я когда-либо прежде испытывал. У меня были женщины, которые доставляли мне удовольствие своими устами, но чувствовать ее... совсем другое. Ее нежный посасывающий рот с ровным, гладким языком ощущается подобно погружению в ее влагалище. Только благодаря силе воли я не толкаюсь глубже в ее рот. Не хочу, чтобы она подавилась.

Она щелкает язычком по головке моего члена, а я стискиваю кулаки, чтобы не поддаться потребности вбиваться в нее. Я крайне заморожен тем, что она делает. Маленькими круговыми прикосновениями своего языка и губ она скользит вниз по стволу члена, а затем снова прослеживает свой путь обратно. Затем она берет головку в рот и кружит язычком по ней.

— Ты слишком большой, чтобы я могла вобрать тебя глубоко, — бормочет она, а в ее голосе проскальзывают нотки благоговения. — Я едва могу обхватить тебя пальцами.

— А это... хорошо?

Она хихикает хриплым и сексуальным смешком.

— Для меня — да.

Она снова проводит язычком по головке моего члена.

— Джорджи, — издаю я скрежущий стон. По-моему, вся кровь из тела устремилась к члену. Мои кхай тяжело колотит у меня в груди. — Если я не войду в тебя, то через мгновение...

— Подожди, — тихо шепчет она, и я слышу, что она перемещается на постели. Тогда в воздухе начинает витать аромат ее возбуждения, и я слышу звук скольжения по влажной плоти. Она издает стон. — О да, я вся мокрая.

Это уже слишком. Я снова издаю стон и толкаю ее обратно на постель. Я хватаюсь за ее

одежду — она вся совершенно отличается. И почему она так сильно отличается? — пока не раскрываю ее скользкую, манящую сущность. Я провожу пальцами по ее складочкам. Она права, она влажная и готовая для меня. Я хватаю ее за бедра, прижимаю член к ее входу, а затем врезаюсь в нее.

Она пронзительно кричит, и я чувствую, как ее влагалище жестко сжимает меня.

— О, — стонет она. — О, Вэктал. Еще!

Моя пара очень шумная, и другие услышат ее. Мне плевать. Я отступаю и снова врезаюсь в нее, заталкивая член глубоко внутрь, шпора — нарост над членом, скользит через ее влажные складочки.

Она снова кричит, и я чувствую, что она сжимается вокруг меня.

— Имкмиглди, — выдыхает она на своем языке. — Гахдамитее! — я в беспокойстве приостанавливаюсь, но она здоровой рукой хлопает меня по руке. — Еще! — требует она на моем языке. — Именно так!

Посмеиваясь, я даю моей сладкой, требовательной паре именно то, что она хочет. Я врезаюсь в нее снова и снова, а мой кхай вибрирует со столь сильной интенсивностью, что я чувствую его в своей челюсти и члене. Джорджи наверняка его тоже чувствует, так как она извивается подо мной, издавая возбужденные крики и прерывисто дыша. Ее руки царапают мои плечи, и она скандирует «еще» снова и снова. Я делаю, как она желает, вколачиваясь снова и снова, пока Джорджи не кричит от удовольствия. Ее влагалище жестко сжимается вокруг меня, и тогда я, наконец, изливаюсь в нее, разряжаясь настолько сильно, что звезды танцуют перед моими глазами. Какое-то мгновение я сотрясаюсь, и, когда Джорджи тянет меня вниз на постель рядом с собой, я с радостью следую к ней.

Мой член все еще похоронен внутри нее, но я выхожу и поворачиваю ее, прижав спиной к своей груди. Она немного извивается в этом положении.

— Я чувствую, что ты вжимаешься в мой... зад, — говорит она, стараясь изо всех сил сказать правильно.

— Моя шпора? — спрашиваю я, посмеиваясь. Я возбуждаюсь от мысли взять ее таким способом. Этого не сделать с женщинами моего племени. Не тогда, когда у нас хвосты, которые мешают. — Это неприятно?

Она снова извивается.

— Это просто... странно.

Я с радостью провожу рукой по ее все еще плоскому животу.

— У нас будет время, чтобы вместе раскрыть все, что нам нравится, а что нет, моя Джорджи. Не переживай.

Вдруг сердце у меня в груди будто останавливается.

Если она остается со мной. Если.

— Мм, — говорит она сонным голосом. Тогда в темноте она издает «хм». — Твой кхай остановился.

— Он на некоторое время после спаривания замолкает, — говорю я ей. — Он не исчезнет даже тогда, когда родится комплект.

— Комплект? — спрашивает она, и я могу распознать осуждение в ее голосе. — Что это за слово? Мысленный образ, который я получаю с этим словом, отражает ребенка.

— Совершенно верно, — говорю я ей и снова поглаживаю рукой низ ее живота. — Комплект — это ребенок.

— Откуда... как у меня может быть от тебя ребенок? — спрашивает она, ее тело

ДЖОРДЖИ

Трудно продолжать злиться на парня, который не понимает, почему ты так расстроена.

Нет, забудь. Легко вот так просто разозлиться на парня. Но очень, очень трудно продолжать злиться на парня, который ведет себя, будто лучше тебя он никогда никого не встречал, балует тебя на каждом шагу и ведет себя так, будто ребенок, которого ты вынашиваешь в своем животе, — единственное, что он когда-либо хотел в своей жизни. Особенно трудно продолжать злиться, когда он и девять из его самых сильных охотников делают большой переход сквозь сплошные сугробы во время невыносимого мороза, неся запасы для пяти человеческих женщин (а на самом деле их одиннадцать).

Я им еще не сообщила эту деталь. По одной бомбе за раз. И если мы примем решение испытать судьбу с маленькими зелеными человечками, нет никаких оснований будить спящих девушек и подвергать их новым и страшным испытаниям. Например, таких как: крупными, синими, рогатыми парнями, которые, если это возможно, захотят спариваться с ними и преподнести им «булочку в духовке».

Я чувствую непреодолимое желание прикоснуться к своему животу, даже при том, что сейчас я нахожусь на спине Вэктала, и мы пробираемся сквозь снег, неизменно направляясь вверх по этой ледяной горе, туда, где я оставила остальных. У меня, может, и не было выбора относительно этого ребенка, но... Я не расстроена. Что для меня само по себе странно. Трудно злиться, когда видишь столько счастья на лице другого человека, в результате чего, Вэктал это счастье доставляет и мне в виде сладкого удовлетворения.

Быть может, я схожу с ума по этому парню больше, чем мне хотелось бы признать.

— Вот, — говорит Вэктал, и его голос практически теряется на ветру. Снежная буря превращает путь вверх по склону в настоящий кошмар. Независимо от того, сколько шкур на мне надето, я не могу сохранить тепло; даже Вэктал сжался от холода. Я укутана шкурами с головы до пят, даже перчатки покрывают руки, но мои зубы все равно стучат. Это беспокоит Вэктала, но когда он высказал мысль о том, чтобы оставить меня в «пещере» старейшин, я отказалась. Я не останусь. Я не могу. Мне нужно увидеть девушек, чтобы убедиться, что они в безопасности.

В то время как мы остановились на ночь в пещере старейшин, несколько ша-кхай выучили английский язык посредством воздействия компьютерной системы на мозг. Их версия нашего языка не совсем правильная, но достаточно понятна, так они, по крайней мере, смогут разговаривать с остальными женщинами.

Я не упустила тот факт, что Рбхош был первым, кто вышел вперед для «загрузки языка». Он, определенно, запланировал заполучить себе кое-какую человеческую добычу. Вэкталу я все же сказала про это и попросила его присматривать за охотником. Он кивнул, и с тех пор мы идем впереди, рядом с Рбхошем.

Обломок черного корабля на расстоянии практически невидим, так как полностью покрыт снегом. Меня снова мучают угрызения совести, что я оставила своих людей там, на столь долгое время. Это никогда не было частью плана. Я — дерьмовый, дерьмовый лидер.

— О, — говорю я тихо. — Поторопись, Вэктал. Пожалуйста. Если с ними что-нибудь случилось...

Я позволяю словам улететь в след ожесточенному ветру. Мне даже не хочется говорить все это во Вселенную.

Вэктал хлопывает мою руку, одетую в перчатке.

— Все будет в порядке, сладкий резонанс. Не волнуйся. Мы уже пришли.

Как ни странно, его слова утешают. Это больше не спасательная экспедиция из одного человека. Это — спасательная экспедиция из одиннадцати. Мне уже не приходится все это делать в полном одиночестве. Эти смелые инопланетяне прикрывают мою спину.

Что, на самом деле, даже чертовски здорово.

— Вперед, — кричит Вэктал, и он прибавляет шаг, поднимаясь ко входу. Я цепляюсь за его шею изо всех сил и даже не издаю писк протеста, не смотря на то, что его стремительный бег трусцой задевает мое больное запястье. Я должна знать, все ли в порядке. Должно быть в порядке.

Время, кажется, замедляется по мере того, как мы добираемся до сброшенного кораблем грузового отсека. Снегом занесло почти всю поверхность до разрыва в корпусе, и я соскальзываю со спины Вэктала, в то время как остальные поднимаются к нам.

— Давайте сначала войдем, — говорит Вэктал.

— Я первая, — заявляю я упрямо, шаганув вперед.

Вэктал снова обходит меня и становится передо мной, качая головой.

— Позволь мне. На случай, если там что-то опасное.

Я хочу возразить, но его рука тянется к моему животу, и он гладит его. Вот дерьмо. Младенец «на борту» радикально меняет правила игры, не так ли? Я молча киваю и прикасаюсь к своему животу, а он достает из ножен костяной нож и спускается в трюм.

Звезды мелькают у меня перед глазами, и я осознаю, что задерживаю дыхание. Я глубоко выдыхаю, а затем сосредотачиваюсь на дыхании. Там такая тишина. А что, если все они мертвы? А что, если...

Голова Вэктала появляется через разрыв в корпусе, и он протягивает мне руку, с которой стянута перчатка.

— Спускайся вниз, Джорджи.

Я вздыхаю от облегчения и с благодарностью беру его за руку. Она ощущается сильной и теплой, и я опять напоминаю себе, как много раз Вэктал вот так был рядом ради меня. Я чувствую резкий всплеск благодарности, в то время как он помогает мне спуститься в трюм.

Меня сразу же окружает вонь из трюма. Там разит мочой, дерьмом и немывтыми телами, но, к счастью, не мертвечиной.

— Девочки? — зову я. Одеяла сложены в угол грузового отсека, в неподвижной куче. Это заставляет мое сердце сжаться и я, спотыкаясь, ступаю к горе из одеял. — Лиз? Кайра? Меган?

Я отгибаю одеяла, открывая впалое лицо Кайры.

Она посылает мне болезненную улыбку.

— Хэй, Джорджи. Ты вернулась.

Мои глаза расширяются от одного ее вида. Она более бледная, чем прежде, а ее волосы спутаны. Глаза у нее тусклые и ввалившиеся, и выглядит она столь слабой, что я сомневаюсь, хватит ли у нее сил двигаться. Рядом с ней лежит Тиффани, и ее более темная кожа приобрела пепельный оттенок и стала сухой.

— Девочки, вы в порядке? Вы можете сесть? — я тяну Кайру на себя, не обращая внимания на протест моего больного запястья. Где-то в отдалении Вэктал призывает своих

людей принести еду, воду и одеяла.

— Мне кажется, это болезнь, — говорит Кайра обессиленным голосом. Она часто моргает, словно не может сфокусировать зрение. — Просто с каждым днем мы становимся все слабее. Тиффани не приходит в себя.

Я тянусь через Кайру и прижимаю пальцы ко лбу Тиффани. У нее жар. При моем прикосновении она не шевелится и не реагирует как-то еще.

— А остальные все еще живы? — спрашиваю Кайру.

Я вижу, как с другой стороны помещения Рбхош подкрадывается к одеялам. Он откидывает один уголок, а затем очень нежно поднимает Лиз и укачивает ее в своих руках. Он подносит кожаный мешок с водой к ее вялому рту так, чтобы она смогла попить.

Вэктал толкает мне в руку кожаный мешок с водой, а в то время все больше воинов, оглядываясь по сторонам, спускаются в трюм. Они не комментируют вонь, и это хорошо, потому что подобное привело бы меня в бешенство. Вместо этого, они с любопытством смотрят на человеческих женщин, что воодушевляет. Я удерживаю кожаный мешок с водой так, чтобы Кайра могла попить. В воздухе витает странная напряженность.

Слышится звук слабого, знакомого мурлыканья.

Я вскидываю голову.

— А это еще что? — спрашиваю я. — Кто резонирует?

Инопланетяне хранят молчание. Мурлыканье стихает. Я сужаю глаза. Кто-то только что резонировал кому-то из людей — еще одна проблема, в которой мы не нуждаемся — и специально это от нас скрывает.

— Джорджи, — говорит Кайра, вновь привлекая мое внимание к ней. — Я так рада видеть тебя, — говорит она мягким и счастливым голосом. — Ты привела помощь. Ты спасла нас.

Я снова ловлю слабый звук резонирования, и у меня замирает сердце. Я не совсем уверена, освободила ли я их или навлекла целый ряд новых проблем.

— Мы должны поговорить, — говорю я ей. — Все мы.

* * *

Два часа спустя после еды и питья девочки чувствуют себя чуть лучше. Они все еще слабые и вялые, но даже Тиффани была разбужена мясным отваром, доставленным ша-кхай, который называет себя Салух. Была роздана теплая одежда, и мужчины практически заискивают перед женщинами, которые разглядывают их теперь значительно осторожнее.

В конце концов, я окидываю Вэктала раздраженным взглядом, поскольку до сих пор один мужчина кружит над встревоженной Меган и все продолжает пытаться ей предлагать кусочки сырого мяса.

— Ты можешь убрать отсюда своих людей? Нам нужно пространство, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Он выглядит, будто хочет возразить, но прикусывает язык. Вместо этого, он кивает головой, целует меня в лоб и говорит мужчинам.

— Ну, все, идем. Мы будем охотиться, чтобы накормить женщин. Пашов, Зэннек, охраняйте вход. Все остальные идем со мной.

В итоге, мужчины собираются и уходят, однако несколько взглядов, полных страстного желания, бросаются в направлении человеческих женщин. Когда мы наконец-то остаемся

одни, я хватаю миску горячего бульона и сажусь вместе с остальными девочками, которые столпились возле одной из стен.

— Итак, — говорю я им. — Я привела спасателей. Есть хорошие новости и плохие.

— Ну, на мой взгляд, это хорошая новость, — говорит Тиффани уставшим голосом. — И что такого плохого в кучке крупных шикарных инопланетян, которые ведут себя как няньки?

— Здесь нечто большее, чем просто это, — я увиливаю от прямого ответа.

Однако Кайра бросает на меня подозрительный взгляд.

— Как ты выучила их язык настолько быстро?

Поэтому, я рассказываю им про космический корабль, который Вэктал называет пещерой старейшин, про «загрузку» языка в мой мозг. Рассказываю все про «паразита», который, является необходимым требованием для того, чтобы жить на Не-Хоте. И про то, что в племени Вэктала только четыре женщины, поэтому мужчины приглядываются к нам, чтобы подцепить и стать частью семейной единицы.

Женщины не высказывают ни единого комментария, за исключением того, что несколько из них побледнели от потрясения при мысли о симбионте. Я не виню их за это.

— Если мы остаемся здесь, — говорю я им, — мы соглашаемся принять абсолютно другую жизнь. Это не то решение, которое может быть принято с поспешной легкостью. У нас есть и другие альтернативы. Мы можем решить не принимать... симбионт. Вместо этого мы можем драться с зелеными человечками.

Тиффани качает головой.

— Но сейчас мы настолько слабы. Я даже руку едва могу поднять.

Остальные кивают.

Я также весьма истощена, просто не настолько сильно, как остальные, потому что Вэктал заботился обо мне. Но через день-другой? Я могу стать точно такой же, как они.

— Не говоря уж о том, что мы не знаем, когда космический корабль вернется за нами, — говорит Меган. — Точнее, *если* он вернется.

— Я подозреваю, что они вернутся за нами, — глубокомысленно говорит Кайра. — Они не захотят потерять столь ценный груз, судя по тому, что говорилось, мы — двойной дополнительный груз.

— Чудесно, — говорит Лиз саркастическим тоном. — Значит, они вернутся.

— Мы можем или драться, или добиться, чтобы они не смогли забрать нас отсюда, — говорю я им.

— Я гораздо сильнее, просто немножечко побаиваюсь при мысли о получении той сим-штуки, — признается Меган, — вошь или как там ее.

— Кхай, — исправляю я, а потом содрогаюсь. А что, если он и правда похож на вошь? — Значит, тогда мы деремся?

— Девочки, — говорит Тиффани. — Я едва могу поднять веки. Я не могу драться. Я голосую за то, чтобы мы ушли с большими парнями.

— Вот как обстоят дела, — говорю я, потирая лоб. У меня болит голова. Я не знаю, кхай-болезнь это или вонь трюма, но у меня болит голова, и я расстроена. — Кхай выбирает пары. Так что, если он решит, что ты отлично подойдешь, чтобы завести детишек с незнакомым, синим парнем, у тебя в этом не будет права голоса.

— Но это лучше, чем быть дойной коровой для зеленых человечков, — вставляет Лиз словечко.

— Даже, если нам действительно удастся каким-то образом захватить корабль, не факт,

что мы сможем сами вернуться домой, или что они отвезут нас. Они могут солгать нам об этом, а мы могли бы и не догадаться.

— А что ты собираешься делать? — спрашивает меня Джоси. — Ты все время спрашиваешь нас. Скажи нам, что думаешь сама.

Моя рука тянется к животу.

— В этом вопросе я немного необъективна, потому что... Я беременна. Ребенком Вэктала. Он резонирует мне, и, видимо, это означает, что, несмотря на то, что мы относимся к разным видам, он может сделать меня беременной. Поэтому я хочу остаться здесь.

В тот момент, когда я говорю это вслух, внутри меня появляются чувства спокойствия и правильности выбранного решения. Конечно, я хочу остаться. Я должна заботиться о Вэктале. Может быть, я даже люблю этого большого парня. И я вынашиваю его ребенка. Это не его вина, что меня похитили дьявольские инопланетяне, и теперь мне нужно получить «вошь», как Меган называет симбионт. Вэктал только и делает, что любит меня.

— Беременна? — повторяет Тиффани. — За неделю? Seriously?

— Вот, черт, девочка, нам нельзя оставить тебя одну даже на пять минут, — говорит Лиз. — На этот раз я не шучу. По-моему, если мы снова спустим с тебя глаз, то ты появишься уже с выводком.

Горячий румянец заливает мое лицо.

— Честно говоря, я была уверена, что он не сможет сделать меня беременной, если мы занимаемся межвидовым сексом.

— Чихуахуа все равно может забеременеть от огромного немецкого дога, — указывает Лиз. — Догадайся, кто из них ты.

Я корчу рожицу.

— Не хочу говорить ничего такого, чтобы оказывать воздействие на вас, девочки, — говорю я.

— Что-то типа: «Эй, кое-кто намазывал маслом мою булочку и оставил несколько крошек, пока вы, девочки, ждали моего возвращения»? — саркастически произносит Лиз.

Ауч.

— Мне очень жаль. Я...

— Не нужно извиняться, — говорит Кайра, вмешиваясь в разговор. Она касается руки Лиз прежде, чем Лиз успеет сделать еще один комментарий. — Просто у нас выдались особенно тяжелые дни.

— Поверьте, обнаружить, что я беременна, для меня тоже было сюрпризом.

— Значит, мы останемся? — спрашивает Джоси.

Я смотрю на усталые, измученные лица моих подруг по плену.

— Если вы, девочки, так решили, то да.

— Если появится парень с гамбургером, он может посадить в меня столько малышей, сколько захочет, — заявляет Лиз.

Я слышу снаружи шарканье и тихие разговоры шепотом. Я вздыхаю и бросаю взгляд на Лиз.

— Я уже говорила, что некоторые из них выучили английский язык на старом корабле?

— Предложение остается в силе, — широко ухмыляясь, говорит Лиз. — Следует ли нам разбудить наших дам в пробирках?

Я пристально разглядываю стену, и меня охватывает небольшой прилив беспокойства.

— Они по-настоящему возненавидят нас, правда?

— Отчего? — спрашивает Кайра. — Не мы же похитили их. Мы наоборот их выпускаем.

— Это включает в себя вши и спаривание с инопланетянами, — напоминаю я.

— Ты вроде не жалуешься, — говорит Лиз. — Если они будут обращаться с нами хоть наполовину так же хорошо, как Вэктал относится к тебе, то это не так уж и ужасно. И это все равно лучше, чем быть коровами, разве нет?

Я киваю, затем прикасаюсь к своему животу.

— Тогда, мне кажется, нам нужно их разбудить. Может, стоит предупредить Вэктала и остальных, что вас здесь одиннадцать?

У всех расширяются глаза.

— Значит, ты так и не сказала им, что нас на шесть больше? — спрашивает Джоси.

— Вот дерьмо, они точно подумают, что настал канун Рождества, — говорит Лиз и взрывается смехом. — Жду не дождусь увидеть выражения на их лицах.

ВЭКТАЛ

Как только я начинаю думать, что моя пара ничем меня удивить уже не может, она преподносит что-нибудь новенькое.

— Слушай, Вэктал, — говорит она, незаметно подходя ко мне, когда я возвращаюсь со своими людьми и убитым двисти, чтобы обжечь его на костре. — Мы можем пару минут поговорить наедине?

Остальные мужчины стреляют в меня завистливыми взглядами, когда моя пара касается моей руки, и мой кхай начинает напевать. Один из мужчин уже резонировал, но никто из них не признался в этом. Я их не виню. С людьми, которые еще не определились, остаются они или уезжают — мысль, которая подобна удару ножом в живот — никто точно не знает, как себя вести.

Но Джорджи дарит мне обнадеживающую улыбку и отводит меня в сторону. Ее рука тянется к моей груди, и я удерживаю ее против своего напевающего кхай.

— Значит так, у меня есть хорошие и плохие новости. Которую из новостей хочешь услышать первой?

— Есть и плохие новости? — я пошатываюсь от потрясения. Искушение схватить мою пару и бежать с ней, поражает меня, словно мне врезали по-настоящему. — Если все плохо, скажи мне сейчас. Я не смогу этого вынести.

Она выглядит немного встревоженной моим ответом.

— Это — человеческое поддразнивание, Вэктал, — говорит она. — Да не волнуйся ты так. Не знаю, окажутся ли эти новости настолько плохими.

Я медленно выдыхаю.

— Я готов выслушать.

— Хорошая новость в том, что мы остаемся, — говорит она, и на ее губах мелькает улыбка. — Мы поговорили и проголосовали.

Я понятия не имею, что значит «проголосовали», но ее слова переполняют меня абсолютным счастьем. Я притягиваю ее к себе и прижимаюсь губами к ее губам. Она порывисто двигается вперед, ко мне, и счастливый смех срывается с ее губ. Затем она обвивает руками мою шею и целует меня, и на мгновение не существует ничего, кроме моей Джорджи и ее мягких, сладких губ.

— Мой резонанс, — бормочу я между поцелуями. — Ты наполняешь меня счастьем.

Она прерывает поцелуй, и ее чудное, гладкое маленькое личико выглядит обеспокоенным.

— Тебе может не понравиться то, что я еще должна сказать.

Мне хочется сказать ей, что все остальное не имеет значения. До тех пор, пока она рядом со мной. Но в ее бледных глазах такое беспокойство, что я воздерживаюсь что-либо говорить.

— В чем дело?

— Твои люди здесь, чтобы спасти пять женщин, — говорит она, ее пальцы тербят шнуровку моего жилета. Она не смотрит мне в глаза. — Однако нас здесь на шесть больше. Спящий режим.

Мгновение я изучаю Джорджи. В ее словах нет никакого смысла. Быть может, она досих пор не все выучила в нашем языке.

— Слово, которое ты произнесла, подразумевает... спать? Или ты имеешь в виду что-то другое?

— Нет, я имею в виду именно спячку, — повторяет она. Джорджи своей маленькой ручкой хватает меня за руку и тянет к стене со странными панелями и огоньками, очень похожими на те, что в пещере наших старейшин. Когда мы доходим до стены, она, слегка касаясь, похлопывает ее. — Они все сейчас спят здесь и понятия не имеют, что происходит.

Я поражен.

— Спят в стенах вашей пещеры?

— Да, — говорит она, а на ее лице отражается печаль. — Мы боялись их будить, — и она рассказывает мне историю о том, что была похищена из своего дома, пока спала, затем обнаружила себя в фюзеляже* корабля-пещеры. — Мы — дополнительные экземпляры. В стене первоначальный груз.

*Прим.: Фюзеляж (фр. fuselage, от fuseau — веретено) — корпус летательного аппарата.

Я не понимаю смысла произносимых ею слов, но я понимаю, о чем она мне рассказывает.

— Ваше количество вдвое больше.

— Надеюсь, ты не рассержен? — она взволнованно смотрит на меня.

Рассержен? Я в восторге. Наличие пяти молодых, здоровых и способных к спариванию женщин кажется подарком богов. На шесть больше — невысказанная щедрость. Я хочу прижать Джорджи к себе и раздавить ее в объятьях за спасение моего племени от того, что кажется верной смертью. Вместо этого, я должен сохранять спокойствие.

— Еще шесть женщин... И они будут напуганы и в замешательстве, с ними необходимо будет обращаться с большой осторожностью.

Она кивает головой.

— Твои люди рядом с ними должны быть осторожными. Их не держали в плену, как нас. Насколько мы понимаем, они все еще считают, что находятся дома и спят в своих постелях. Все это покажется им очень странным и по-настоящему ужасным, — она сжимает мою руку. — Мы не хотели будить их, пока не приняли решение. Ты понимаешь, о чем я?

Я понимаю. Джорджи говорит мне, что эти женщины вряд ли захотят присоединиться к нашему племени. Потребуется время и терпение, чтобы объяснить все и убедить их.

— Я понимаю.

— Некоторые из них могут отказаться от... кхай, — говорит она, изо всех сил пытаюсь

правильно произнести слово. — Это также должно быть их выбором.

Я не в силах понять такой выбор, но, раз уж Джорджи принимает кхай, мне все равно, что делают остальные. Я прижимаю ее ладонь к своим губам.

— Я оставлю это в твоих руках.

С мрачным выражением на лице она кивает головой.

— Тогда я разберусь с остальными.

* * *

Мужчины отступают, преисполненные благоговения от новейшего открытия, что есть еще больше человеческих женщин. Я вижу рвение на их лицах, они хотят остаться, чтобы первыми увидеть новых женщин — в надежде резонировать одной из них. Но мы знаем, что женщины, проснувшись, будут голодными, а инстинкт мужчины ша-кхай — накормить и позаботиться о своей паре. Поэтому, мужчины отправляются на охоту, а Джорджи и ее женщины пытаются открыть камеры. С расстояния я наблюдаю за ними, не в силах выпустить свою пару из моего поля зрения. Она, как и остальные женщины, очень слабая и вялая, и я волнуюсь, что кхай-болезнь для них могла быть слишком тяжелой.

С помощью Кайры в качестве переводчика им удастся открыть странную стену, за которой находятся шесть длинных труб с плавающими в них обнаженными женщинами. Джорджи права. Еще шесть женщин, и все так похожи на мою Джорджи. От одной мысли о том, что она тоже была поймана в ловушку внутри одной из труб, мое сердце сжимается с пугающей яростью.

Одну за другой женщин освобождают от труб. Поначалу наблюдается некоторое замешательство, за которым следуют рыдания. Остальные заворачивают каждую новоявленную женщину в теплую шкуру и отводят в сторону, чтобы ответить на вопросы, которые у нее могут быть, а также накормить и одеть. Некоторые женщины взирают пустым и отсутствующим взглядом, когда Джорджи и остальные рассказывают, что произошло. Одна из них просто в ярости. Среди них также есть одна с огненно-рыжими волосами и рыжими пятнышками по всей ее странно бледной коже. Увидев меня, она давится воплем, но ее слабыми поглаживаниями успокаивает Джорджи.

Моя пара права. Потребуется некоторое время, прежде чем эти женщины почувствуют себя спокойно, то самое время, которого у нас нет. Джорджи и ее женщины долго не протянут без кхай.

Как только женщины поделились одеждой и поговорили друг с другом, я выхожу, чтобы дать время людям приспособиться и проведать своих соплеменников, которым пришлось покинуть трюм. Несколько моих охотников остались охранять женщин, в то время как другие отправились на поиски еды. Среди них Аехако и Рокан.

Аехако прижимает руку к своей груди.

— Я не знаю, бьется ли мое сердце как сумасшедшее от волнения или это резонанс.

Я хлопаю его по плечу.

— Ты узнаешь, когда увидишь лицо своей женщины. До тех пор не переживай.

— Я мечтал о паре всю свою жизнь, — говорит он. — Теперь я не перестаю задаваться вопросом, может она — одна из этих человеческих женщин. Думать о создании семьи после столь долгих лет...

В его голосе слышится боль, которую я хорошо понимаю. До моей Джорджи я

чувствовал то же самое. Теперь моя жизнь кажется практически совершенной.

Когда она примет кхай, и ее жизнь больше не будет подвергаться угрозе, я познаю абсолютное блаженство.

— Когда мы сможем взглянуть на них? — спрашивает он.

— Скоро, — говорю я Аехако. — Люди так напуганы. Это все в новинку для них, и мы, на их взгляд, кажемся странными. Дайте им чуть больше времени, чтобы привыкнуть.

— Так трудно быть терпеливым, — говорит Рокан. Он, кажется, более спокоен, чем Аехако, но у пальцев, сжимающих копье, белые костяшки. — Знать, что здесь, настолько близко, есть женщины способные к спариванию...

Я киваю головой, но мой взгляд обращен на мужчин вдаль. Возвращаются охотники, и в их шагах чувствуется поспешность. Я наблюдаю за их приближением, когда Рбхош прибывает во главе охотничьего отряда. Он запыхался, но ликует. — Вблизи от нас находится са-кохчк. Довольно большой.

Я киваю головой.

— Тогда утром мы доставим наших людей к нему.

Моя собственная кровь напевает от волнения. Са-кохчк одинокие скитальцы. Обнаружить одного настолько близко к человеческому лагерю — счастливое предзнаменование. Я рассуждаю, что пришло время перестать сидеть сложа руки. Войдя в человеческую пещеру, я игнорирую ошарашенные взгляды, которые новоявленные люди посылают в мой адрес, и подзываю Джорджи к себе.

Она подходит, целует и улыбается мне. Я подозреваю, что эта демонстрация не только для меня, но и для проявляющих осторожность людей.

— Привет, — говорит она жизнерадостным голосом. Однако она выглядит уставшей. Как и все остальные люди.

Я беру ее руку в свою, чтобы снова поцеловать ее ладонь, и Джорджи издает еще один крошечный вздох удовольствия. При своем прикосновении я могу почувствовать, как расцветает аромат ее возбуждения, и это заставляет мой кхай напевать в груди. Но этой ночью я не могу взять ее. Ей требуется отдых.

— Завтра мы уходим отсюда.

— Чтобы отправиться к твоим пещерам?

— Чтобы отправиться охотиться на са-кохчк. Мы хотим получить кхай для тебя и женщин.

Она слегка вздрагивает, но кивает головой.

— Ну, должны, так должны.

— Нам нужно больше времени, — говорит болтушка по имени Лиз. Она выглядит более слабой, чем остальные, более худой и болезненной. И все же она демонстрирует своеобразие своего характера. — Не все из нас воодушевлены этой идеей, — она приобнимает за плечо пробужденную женщину, которая вздрагивает, но потом расслабляется от заботы Лиз.

— У вас не так много времени... — начинаю говорить я, но меня прерывает пронзительный вскрик и хныканье. Стоящая чуть поодаль Кайра хлопает ладонью по своему уху и резко опускается вниз. Джорджи, вздрагивая, хлопает ладонью по своей руке.

— Что? Что такое? — спрашиваю я.

Ее побелевшие губы приоткрываются от боли, и она хватается за предплечье, в котором прямо под кожей мигает зловещий, ослепительно красный свет.

— Инопланетяне возвращаются, — сообщает она мне. — Мы должны уходить, прямо

сейчас.

ДЖОРДЖИ

Мы представляем собой довольно жалкую компанию, когда спустя какое-то время из грузового отсека отправляемся в путь. Новые, разбуженные девушки плачут горькими слезами и очень растеряны. Они хотят побольше шкур, чем было необходимо нам в свое время. Они хотят лучшую обувь. Они, видите ли, хотят есть, замерзли и переутомились. Может быть, это от истощения, но я разочаровалась в них, потому что мы делаем все, что можем, а они все продолжают хныкать. Я знаю, что все это для них новое и страшное, но ловлю себя на мысли, что хотела бы, чтобы они уже поближе узнавали друг друга и смирились со случившимся.

Женщины также стараются избегать мужчин, которые окидывают их горящими желанием взглядами. Кто-то продолжает мурлыкать, хотя никто не подходит и не признается в этом. Это, вероятно, к лучшему, потому что мне кажется, что именно сейчас девочкам трудно принять мысль о приобретении себе инопланетного парня. Не со всем остальным, что происходит сейчас.

Мое предплечье пульсирует. Оно недавно было перевязано, но все еще дьявольски болит. Как только отделались от датчиков, мы разработали план действий, готовясь покинуть лагерь. Однако, прежде чем уйти, сначала нам следовало позаботиться о проблемах. Если датчики были маячками, мы должны были избавиться от них и быстро.

Сразу появились ножи, через пять минут — и множество пролитых — маячки были удалены. Пашова послали выбросить их в самую ближайшую пещеру мэтлаксов. Пусть маленькие зеленые человечки забирают их, если им нужны пленники.

Сейчас все мы тащимся сквозь снежный сумрак, за исключением Джоси, которую несет рослый мужчина по имени Хэйденом. Пытаясь игнорировать невыносимый мороз, мы выискиваем что-то, что Вэктал называет са-кохчк. У него кхай, в котором мы нуждаемся, и это, как он сообщил мне, спасет нас.

В этот момент я полностью за спасение. Крайняя усталость все больше затрудняет движение, я практически отстаю каждые несколько шагов, а Лиз так ослабла, что Рбхош решается нести ее переброшенной через плечо как мешок с картошкой.

Появляется один из разведчиков, размахивая над головой своим копьём.

— Са-кохчк, — кричит он сквозь сильный ветер. — В этом ущелье. Давайте быстрее!

Вэктал кладет руку мне на талию. Он сейчас несет Тиффани, которая слишком утомлена, чтобы продолжать идти самой.

— Пойдем, мой резонанс, — говорит он мне. — Уже не далеко.

— Все нормально, — говорю я ему, спотыкаясь, но двигаясь вперед. — Я...

Земля дрожит под моими ногами.

— Что это было? — со страхом спрашиваю я, останавливаясь. Ужас рябью прокатывается сквозь меня, когда это повторяется еще раз. Даже снег у моих ног вибрирует.

— Это, — говорит Вэктал, призывая меня снова двигаться вперед, — са-кохчк.

Вот дерьмо. Я немного напугана тем, что вот-вот должно появиться, но мы шли так долго. Вэктал и его люди продвигаются вперед, так что у нас нет выбора, кроме как идти в ногу с ними.

— Вы часто на них охотитесь? — спрашиваю я его.

— Не так часто, — говорит он мне. — Только тогда, когда необходим кхай. А то они слишком свирепые.

— Отлично, — говорю я сухо.

— Все будет в порядке, — говорит мне Вэктал и успокаивающе похлопывает меня по плечу, этим снова посылая вспышку боли через мою свежую рану.

По крайней мере, когда я получу кхай, Мэйлак сможет исцелить меня. В таком случае, все, что у нее останется, — Джорджи +1* (*Прим. имеется в виду она и ребенок*).

— Что происходит? — спрашивает одна из новых девочек, дрожа в своих шкурах. Ее зовут Нора, и мне кажется, она — одна из самых сильных духом новичков.

Земля снова дрожит, и Вэктал указывает вперед на рощу деревьев с розовыми похожими на перья листьями.

— Забери женщин туда. Если животное будет наступать на вас, скройтесь среди деревьев.

— Нам забраться на них? — я поглядываю на остальных женщин. — Не думаю, что они смогут забраться.

— Вам не нужно будет забираться, — говорит Вэктал. — Он не сможет добраться до вас.

Я удивляюсь его словам, но сейчас не время об этом говорить. Вэктал прижимается ко мне, целует меня в щеку, а затем передает Тиффани мне. Она настолько слаба, что цепляется за меня, и с помощью Норы мне приходится тащить ее к тем деревьям.

Мне кажется, это слегка пахнет сексизмом, что все женщины должны толпиться под деревьями, тогда как мужчины уходят сражаться, но я откидываю взглядом окружающих меня женщин и чувствую отчаяние. Мы слабые, измученные и совершенно не привыкшие к такому холоду. Если маленькие зеленые человечки появились бы прямо сейчас, мы были бы беспомощны, чтобы сопротивляться им, даже если бы превосходили их численностью.

Земля снова трясется, и Кайра, стоя рядом со мной, сжимает копьё, тогда как Лиз охает, не в силах успокоиться.

— Что это за дерьмо из Парка Юрского периода?

— Понятия не имею, — говорю я ей. Но у меня под рукой нож, который я ношу при себе.

Что-то издает высокий пронзительный рев, и волосы у меня на шее встают дыбом. Кажется, что это довольно близко, вообще-то чертовски близко, и земля снова трясется. Меган от страха давится рыданиями, а остальные женщины шепчутся. Проклятье. Я шикаю, призывая к тишине, потому что хочу знать, что, черт возьми, происходит. Мысль о том, что Вэктал где-то там с каким-то громадным чудовищем, пугает меня.

А что, если он пострадает? А что, если он... умрет? Мое сердце сжимается от такой мысли. За такое короткое время, что я здесь, он стал для меня значить намного больше, чем мне хочется признать, даже самой себе.

Я не хочу быть здесь без Вэктала.

Над деревьями поднимается гигантская голова. Я пялюсь, втягивая воздух, пораженная ужасом. У этого существа четыре пылающих голубых глаза — две пары, расположенные одна над другой. Оно имеет просто огромные клыки и покрыто длинной, сероватого окраса лохматой шерстью. Существо издает еще один пронзительный рев и неуклюже двигается вперед, сотрясая землю. Это животное выше всех деревьев, и когда оно продвигается мимо, я вижу длинные, хрупкие ноги с широкими лапами, проталкивающими снег. С одной стороны

висит инопланетный охотник, цепляясь за копьё, торчащее из бока этого существа.

— Ни хрена себе, — говорит Лиз. — Это ещё что за чертовщина?

— По-моему, это са-кохчк, — говорю я, чувствуя слабость. Он похож на платформу парада Мэйси*. И они собираются убить эту штуку? Боже милостивый. «Будь осторожен, Вэктал», — передаю я мысленно. Ещё больше мужчин пробегают мимо, гоняясь за ним с копьями. Я пытаюсь в группе отыскать Вэктала, но не вижу его. Он не носит при себе копьё, только ножи и пращу, и эта мысль приводит меня в ужас.

*прим.: Парад Мэйси (Macy's Thanksgiving Parade) проходит ежегодно, в конце ноября в День Благодарения. Несколько десятков платформ с фантастическими сценами и представлениями на них, акробаты, воздушные шары в виде известных мультипликационных персонажей и сотни клоунов.

— Жаль, что у меня нет лука, — говорит Лиз, когда мы палимся на существо, которое неуклюже продвигается мимо нас.

— Это неожиданно, — комментирует Кайра тоном, излучающим благоговение. Мы не можем отвести глаз от са-кохчк.

— Подростком я была чемпионом по стрельбе из лука, — добавляет Лиз. — Хотя не знаю, смогла бы я уложить этого монстра.

— Хм, — это все, что говорит Кайра.

Я продвигаюсь вперед сквозь снег, так как существо унесло свои ноги далеко от деревьев, а охотники преследуют его. Где Вэктал? Где? Я иду следом на расстоянии, тогда как мужчины ударяют его своими копьями.

Существо рычит снова и низко размахивает головой, опускаясь на землю. Инопланетянин хватается за один из выступающих клыков, и когда существо резко отдергивает голову, мужчина, с трудом удерживаясь, садится на голову животного. Я втягиваю воздух, когда узнаю изящные движения и длинные, развевающиеся черные волосы. Вэктал. Моя рука сама тянется к моему рту, и я прижимаю пальцы к губам, чтобы не закричать от страха.

«Прошу, не дай себя убить ради меня», — уговариваю я. — «Пожалуйста».

Я наблюдаю, как он изящно делает прыжок с кувырком, приземляясь ногами на голову монстра. Животное трясет головой, пытаюсь скинуть его, но Вэктал крепко вцепился. Он вытаскивает что-то из своего жилета — костяной нож, насколько я понимаю — и поднимает его высоко в воздух.

С боевым кличем он вонзает его, а существо кричит и корчится от боли. Позади меня некоторые из женщин сами захлебываются воплями. У меня аж дыханье перехватывает, когда Вэктал поднимает нож и ударяет им снова и снова, направляя его в глаз са-кохчка.

Издав окончательный булькающий звук животное начинает шататься. Он делает шаг вперед, а затем резко падает. Земля содрогается от мощности этого падения, и я ничего не могу поделать, кроме как помчаться к Вэкталу. Игнорируя свое изнеможение, я проталкиваюсь вперед, увязая по колена в глубоком снегу. Я должна добраться до него, чтобы выяснить прямо сейчас, что с ним все в порядке.

Когда я добираюсь, то вижу, что он, весь покрытый свежей и запекшейся кровью существа, вытирает свое лицо одним краем своего жилета. Он ухмыляется мне настолько по-мальчишески и в манере «ты-видела-меня», что я подавляю свои рыдания и кидаюсь к нему на шею.

— У меня из-за тебя чуть сердце не выскочило, — лепечу я на английском языке, не

заботясь, что он испачкает всю мою новую одежду.

— Джорджи? — спрашивает он, глядя мою спину. — Ты в порядке?

— Теперь да, — отвечаю я на его языке. — Это было страшно, просто жуть.

— Они сильны, — признает он. — Но не настолько, чтобы я не смог прикончить одного ради тебя и других людей.

— Главное, чтобы это не стало регулярной практикой, — говорю я ему.

Его рука касается моего живота, и в его светящихся глазах столько тепла.

— Нам понадобится один для нашего комплекта, и я с радостью это сделаю.

— Хорошо, хорошо, — ворчу я. — Итак, что дальше?

Он целует меня в лоб.

— А теперь, мы получим кхай. Собери всех женщин.

При мысли об этом у меня сжимается сердце, но я заставляю себя кивнуть. Если они рисковали своими жизнями, чтобы достать для нас симбионты, наименьшее, что мы можем сделать, это сдержать обещание, так как это все равно в наших интересах.

Я иду рядом с Тиффани и помогаю ей, пытаюсь казаться более уверенной насчет этого переселения, чем я есть на самом деле. Если буду паниковать, будут паниковать и другие девушки. Я должна быть хладнокровной, спокойной и собранной во всем этом.

Мне удастся оставаться хладнокровной, спокойной и собранной целых пять минут, пока мы собираемся вместе. Мужчины смотрят на нас со страстью, надеждой и одновременно с голодом в глазах. Я не обращаю на них внимания, сосредотачиваясь на гигантском павшем са-кохчке. Длинные и тонкие ноги вывернуты наружу, а толстый живот существа выпирает. Я смотрю на то, что напоминает ремору*, но, пожалуйста-пожалуйста, только не выгляди как ремора — однако густая, лохматая шерсть существа скрывает что-либо, что может обитать на коже

*прим.: Ремора (эхиней) — в греческой и римской мифологии гигантская рыба с присоской на голове, задерживающая в пути корабли. Название «ремора» от лат. remora — «препятствие», «помеха». В настоящее время словом «remora» в некоторых языках называют рыб-прилипал.

— Где же кхай? — спрашиваю я, так как мужчины, кажется, ждут, что люди скажут что-то.

— Внутри, — говорит Вэктал. Он движется вперед и касается моей челюсти. — Ты готова, моя Джорджи?

О, Боже. Я не уверена, готова ли я. Я с трудом глотаю. — Давай сделаем это.

Он кивает и из ножен на поясе вытаскивает свой длинный, толстый нож. Я собираюсь с духом, когда он прикладывает острие ножа к брюху существа. В быстром движении Вэктал погружает свой нож глубоко, а затем начинает резать. Из раны хлещет и струится кровь, и кто-то позади меня издает звук удушья. В воздухе начинает витать тошнотворный, металлический запах крови, и я заставляю себя его игнорировать.

Двое из воинов двигаются вперед и отгибают рану существа, раскрывая массу окровавленных органов.

— Совсем как освеживание оленя, — выдыхает Лиз рядом со мной удивленным и озадаченным голосом. — Ничего особенного. Никаких проблем.

Вэктал подходит к грудной клетке существа и наступает на одну сторону, а потом толкает другую. Его мощные руки напрягаются, а затем раздается какой-то треск, словно от дерева, упавшего в лесу, и ребра раскалываются надвое.

— Большой, очень большой олень, — говорит Лиз.

Вэктал делает несколько разрезов, и мы слышим громкий звук. Мужчина достает гигантский орган, что, должно быть, было сердцем, которое все еще пульсирует. Оно светится изнутри, отбрасывая яркие круглые пятна света, излучая бледно-голубое сияние. Одним разрезом Вэктал вскрывает его, и свет выплескивается наружу.

Внутри него паутинка из дюжин тоненьких, извивающихся червей.

Черви!

О, Боже!

Один из воинов приближается к Вэкталу, и тот передает ему сердце, прежде осторожно вытянув из него одну из ярко светящихся нитей.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — еле-еле выговаривает Кайра.

Думаю, что и меня тоже. Но я вынуждаю себя оставаться на месте, в то время как Вэктал благоговейно освобождает длинную, сворачивающуюся спиралью светящуюся нить и подносит ее ко мне в своих огромных ладонях. Она в его ладонях извивается и корчится.

— Они долго не живут на холоде, — говорит он мне. — Мы должны сделать надрез в области твоей шеи и дать кхай надежное место обитания.

Его глаза говорят красноречивее любых слов. В этом я должна быть лидером. В этом я должна довериться ему.

Я с трудом сглатываю, глядя на эту длинную, червеобразную светящуюся штуку.

— А если... если это попадет мне в мозг?

— Он чем-то лучше твоего сердца? — бормочет Лиз.

— Кхай — сущность жизни, — говорит мне Вэктал, держа в своих ладонях змееподобное существо. Его пристальный взгляд, излучающий смесь чувств, направлен на мое лицо. Если я сейчас откажусь, я отвергну все, что он и его люди предлагают. Я отвернусь от жизни здесь, любви и, возможно, последнего шанса спастись.

— В шею, да? — говорю я слабым голосом. — А будет больно?

— Не знаю, — Вэктал приближается ко мне, и я могу слышать, что существо в его руках слегка движется и издает нечто вроде мурлыканья.

— Это честно, — говорю я. Существо вжимается в его ладони, пытаюсь зарыться в его кожу. Я чуть ли не падаю в обморок при мысли добровольно впустить его внутрь себя... но разве у меня есть выбор?

Я сделала свой выбор. Я выбрала Вэктала... и нашего ребенка, который уже сейчас может быть в моем чреве.

— Мне самой надо сделать разрез? — спрашиваю я его. — Или ты?

— Могу я, — говорит он и протягивает мне свои сложенные чашечкой руки.

Я принимаю кхай, невольно слегка искажив лицо. Такое ощущение, что эта липкая спагетти — макаронина невообразимо теплая, несмотря на холодный, зимний ветер, дующий вокруг нас. Свет играет слабыми вспышками, когда червяк попадает мне в руки, и я испытываю миг беспокойства. А что, если связь кхай с людьми невозможна? Но Вэктал вытащил другой, чистый нож, а его рука потянулась к задней стороне моей шеи, обхватив ее своей ладонью сзади.

Пути назад уже нет.

— Ты правда собираешься это сделать, Джорджи? — спрашивает Кайра, ее голос звучит так, будто ей дурно.

— Конечно, — я смотрю в светящиеся глаза Вэктала, когда он начинает наклоняться ко

мне. Он прижимается поцелуем к моему лбу, и я снова поражена тем, насколько он замечательный. — Я люблю тебя, — говорю я тихо.

— Ты — мое сердце, Джорджи, — бормочет он.

Я чувствую быстрый прохладный нажим ножа, приставленного к моей коже, а затем жалящий укол, когда он делает надрез возле ключицы. Не глубокий, но достаточный, чтобы выступила кровь, замерзая на ветру.

Вэктал берет из моих рук кхай и поднимает его, и когда я наблюдаю, как его рука с этой странной, светящейся нитью приближается к моей обнаженной шее, в моей голове все крутится: *«Нет, нет, постой, я передумала»*.

Но это уже не важно.

В тот момент, когда кхай касается моей кожи, он начинает зарываться внутрь в поисках тепла. Я в ужасе втягиваю воздух, когда ощущаю, что он проталкивается внутрь моего тела. Такое впечатление, что по моим жилам двигается ледяная вода, и я могу почувствовать, что эта штука направляется прямо к моему сердцу и... вот дерьмо.

Вот дерьмо.

Все меркнет.

Лицо Вэктала на моих глазах размывается.

Это — ошибка, не так ли?

Но потом приходит тепло.

Немыслимо много тепла.

И начинает напевать ...

А затем темнота.

* * *

В какой-то момент, спустя некоторое время, я распахиваю глаза. Странно, потому что я ощущаю ветер и снег, падающий вокруг меня, но мне уже не холодно. Теплые пальцы касаются моей щеки, и я смотрю в красивое лицо Вэктала. В целом я чувствую себя немножко одеревенелой, и тело ломит, но теперь совсем не чувствую себя слабой, какой была раньше. Я облизываю губы.

— Как все прошло?

— У тебя глаза такого прекрасного синего оттенка, — говорит он мне, и его голос трепещет от счастья.

— Ох? — с его помощью я сажусь и озираюсь вокруг. Прошло не так много времени, наверное, с тех пор, как я внутри себя приютила кхай. Вдалеке гремит гром, а небо почернело от ночи. Я моргаю и осматриваюсь вокруг. Я чувствую... все тоже самое. Нет никаких странностей. Нет ощущений, типа: *«Боже-мой-внутри-меня-ленточный-червь»*. Все спокойно.

Тем не менее, когда снежинка падает мне на руку, я удивленно озираюсь.

— Мне... тепло?

— Кхай будет согревать тебя, — говорит Вэктал, рукой поглаживая мою кожу. Он касается меня везде, будто не может полностью поверить в то, что я в порядке.

— Надо же, отлично, — я окидываю взглядом весь лагерь. Мужчины оказывают помощь женщинам, помогая встать на ноги. — Все они приняли его? Кхай?

— Все, — говорит он с гордостью в голосе. Он помогает мне подняться, хотя я не

думаю, что мне нужна помощь. Как ни странно, я отлично себя чувствую. И... мне хорошо. — Ты повела себя очень храбро и проложила остальным путь.

— У меня много причин, чтобы жить.

Звук грома усиливается, а когда его рука касается моей, я чувствую себя... так странно. Возбужденной. Это необычно, поскольку все, что он делает — дотрагивается до моей руки. Я удивленно смотрю на Вэктала. Я борюсь с желанием поцеловать его в твердые губы, взобравшись на него как на гребаное дерево, а также толкнуть его в снег и заняться с ним сладкой, сладкой любовью.

Боже правый, что со мной творится?

Гром грохочет еще громче, и я оглядываюсь позади себя.

Вэктал хихикает и прижимает руку между моих грудей.

— Ты слышишь это?

— Что это за шум?

— Это — ты, — заявляет он. — Твой кхай напевает для меня.

Я посильнее прижимаю его руку к своей груди. Конечно же, грохот исходит от меня. Я мурлычу.

— Ооо, — меня между ног опалает влажный жар, а пульс начинает ускоряться, будто лишь прикосновениями кончиков своих пальцев к моей груди он касается меня самым эротичным образом. — О, Боже, я чувствую...

— Знаю, — говорит он, и его глаза светятся смесью необходимости и возбуждения. — Я чувствую запах твоей нужды, моя пара.

— О боже, — говорю я тихо. — Может ли... еще кто-нибудь это почувствовать? — если могут, я сгорю со стыда.

— Мои чувства восприимчивы к твоим. А остальные слишком заняты, помогая людям. Оглянись вокруг, — говорит он, притягивая меня к себе.

Господи, он теплый и большой, и вкусный, я хочу засунуть руки в его штаны и схватить член. Мне требуется время, чтобы сосредоточиться, и я цепляюсь за его жилет, чтобы взять себя в руки. Так вот на что похоже это резонирование? Я имею в виду... надо же. Но, Боже правый. Даже не представляю, смогу ли я выдержать быть постоянно столь сверхчувствительной рядом с Вэкталом.

Опять же... оргазмы могут оказаться умопомрачительными.

Мой пристальный взгляд направляется на женщин, находящихся на расстоянии. Тиффани снова на ногах, и это просто замечательно, а мужчина ша-кхай ухаживает за ней. Практически о каждой женщине, похоже, заботится мужчина племени Вэктала, и звуки слабого мурлыканья заполняют воздух.

— Они что, все...

— Нет, не все, — отвечает Вэктал. — Лишь несколько, — в ответ на мой озабоченный взгляд он добавляет. — Они не будут торопить события. Обещаю, — тогда его лицо становится серьезным. — Ну, за исключением одного.

— Одного? — я смотрю вокруг на море лиц и отмечаю, что не хватает одного знакомого, нахального личика. — А где Лиз?

— Рбхош тайком улизнул, прихватив ее, прям как мэтлак с дичью. — раздражение омрачает его лицо. — Когда он вернется, ему придется ответить перед племенем.

Все мое тело напрягается.

— Он причинит ей вред?

— Причинит ей вред? — Вэктал смотрит на меня скептическим взглядом. — Он ускользнул с ней, чтобы спариться. Причинить ей вред — последнее, что у него на уме.

Боже, мне даже немного жаль Рбхоша. Он ведь не осознает, во что себя втянул, захватив Лиз. Она не позволит инопланетянину помыкать собой.

— Не сомневаюсь, что у Лиз определенно найдется пара слов, что сказать по этому поводу.

Он улыбается.

— Я тоже так думаю.

«Не удивлюсь, если Рбхош вернет Лиз обратно», — думаю я про себя. — «Она та еще штучка».

— Мы можем последовать за ними?

— Рбхош самый лучший из моих охотников. Если он не пожелает быть найденным, его не найдут. Мы можем просто дождаться их возвращения.

— Дай догадаюсь, — говорю я сухо. — Босая и беременная?

Он выглядит озадаченным моими словами.

— С какой стати у нее должны быть босые ноги?

— Не бери в голову, — я похлопываю его по груди, ну а потом ловлю себя на том, что крайне очарована игрой его мышц. — О, ух ты. Вэктал, я чувствую себя очень...

— В гармонии со своим резонансом? — хитро спрашивает он. Под моей рукой он начинает напевать все громче, и от этого мои соски напрягаются, поскольку мой собственный кхай начинает напевать в ответ.

Я киваю головой.

Вэктал прижимает меня к себе, и я задыхаюсь, потому что это ощущается... так удивительно.

— Тогда пойдем в какое-нибудь уединенное местечко, моя Джорджи?

— Но... остальные...

— Мужчины на эту ночь позаботятся о них, — говорит он и проводит пальцем вниз по моей щеке, от этого меня бросает в дрожь от желания. — Они не дадут им замерзнуть и накормят, пока те приспособляются к своим кхай. А утром, мы все отправимся в путь домой.

Дом. После нескольких недель в плену так здорово думать о каком — либо месте, как о доме.

— Куда мы можем пойти? — спрашиваю я его, сплетая свои пальцы с его. — Веди.

Но он медлит.

— Ты хорошо себя чувствуешь, мой резонанс? Хочешь отдохнуть? Поспать?

— Именно сейчас мне хочется сорвать с тебя одежду и набросится на твое тело, чтобы облизать его с головы до ног, — говорю я ему, и мурлыканье в моей груди усиливается. Так же, как и влажность между моих ног. Если бы у меня были трусики, они бы намокли.

Ноздри Вэктала подрагивают, и он подавляет стон у себя в горле. Прежде, чем я успеваю среагировать, он перебрасывает меня через плечо и стремительно мчится в темноту.

— Мы вернемся на рассвете, — кричит он одному из своих мужчин.

— Наслаждайтесь резонансом, — выкрикивает мужчина в ответ, и его в голосе слышится зависть.

С волнением предвкушения я ерзаю на плече Вэктала. Боже, я не могу быть настолько возбужденной, но это так. Кхай вибрирует внутри меня, и я чувствую себя жарко и здорово, а

интенсивное возбуждение кажется дополнительным бонусом. Зачем я так противилась этой штуке? Я дотрагиваюсь до своей груди и чувствую, что он внутри меня счастливо напевает. Если это все, что требуется, чтобы жить рядом с Вэкталом до конца моих дней, я принимаю это.

Понимаю ли я, что не будет никаких туалетов, душевых, шопинга и остального, кроме жизни дикарями? Не так уж плохо, когда заполучаешь рядом с собой большого, сексуального варвара.

Вэктал несколько минут пробирается сквозь снег, и только я собираюсь засунуть руку в мои собственные штаны и заняться делом, как он останавливается.

— Здесь достаточно далеко.

Он опускает меня вниз, и я осматриваюсь вокруг с хмурым взглядом. Мы находимся в середине... ничего, поблизости лишь несколько редких деревьев. Здесь большой плоский камень высотой где-то до пояса, и его вид меня возбуждает, потому что я воображаю себе картину, как Вэктал берет меня сзади и трахает до потери сознания. Мои бедра снова напрягаются.

— Сюда?

Он тянется рукой к моей шее и прижимает меня к себе, накрывая мой рот жестким, собственническим поцелуем.

— Здесь мы достаточно далеко, поэтому, когда они услышат, что ты кричишь от удовольствия, им в голову не придет бежать сюда, чтобы спасти тебя.

Я краснею от его слов, однако меня опалает жаром возбуждения.

— Ты — тот еще сексуальный зверь, знаешь об этом?

— Я знаю лишь то, что я твой, — говорит он мне.

Его рот снова захватывает мой, и я чувствую царапанье его клыков за миг до того, как его язык с напором касается моего, наросты трутся о мой язык и посылают сквозь меня вспышки яростного желания.

Я стону и скольжу руками к шнуркам его штанов.

— Мне нужно, чтобы твоя кожа соприкасалась с моей, — говорю я ему. — Хочу всего тебя, — мой кхай, соглашаясь, напевает. Мгновение спустя мои шаловливые руки задевают головку его члена, и я ощущаю капли предсемени. Я подношу одну каплю к своим губам и стону от вкуса. Это не похоже ни на что, что я когда-либо пробовала на вкус: сладкое, мускусное и очень вкусное. Он оказался таким вкусным, однако сейчас... Я падаю перед ним на колени. — Боже, я так сильно хочу пососать твой член.

— В моем племени говорят, что вкус резонанс-пары не похож ни на какой-либо другой вкус, — бормочет он, пропуская мои волосы сквозь пальцы. — Я знаю, что нет ничего более прекрасного, чем твоя роса на моем языке.

Роса? В будущем нам обязательно нужно обсудить слова любви. Я улыбаюсь ему снизу вверх и стягиваю его штаны до тех пор, пока его член не высвобождается из шнуровки. Я беру его в свою руку и стону от удовольствия, проводя рукой по всей его горячей, пульсирующей длине, а затем облизываю покрытую капельками головку. Каждая из капель восхитительная. Моя рука направляется к моим бедрам, проскользнув в леггинсы, которые мне дала Мэйлак, чтобы потерять клитор, в то время как я ласкаю его. Я практически сошла с ума от похоти, и он нужен мне прямо сейчас, или я свихнусь. Все это время кхай напевает и пульсирует одновременно с кхай Вэктала.

Это потрясающие ощущения. Я погружаю палец в себя и издаю стон. Но этого

недостаточно.

— Ложись для меня на спину, — выдыхает он, нежно лаская меня. — Раз уж ты должна быть заполнена настолько стремительно, позволь мне быть тем, кто сделает это.

Мне не нужны никакие убеждения. Я настолько влажная, настолько скользкая, что знаю, что могу принять его. Ощущая себя озорной, я встаю на камень, прижимаясь животом к нему, а мои бедра парят в воздухе.

— Давай сделаем это сзади, Вэктал. Помнишь? Той ночью в твоей пещере? Ты говорил, что никогда раньше не делал этого таким образом.

Он рычит, и я чувствую, что его рот прижимается к моей спине.

— Ни разу... хвосты...

— Но у меня нет хвоста, — говорю я и шевелю перед ним своей задницей.

Вэктал хватает меня за бедра, и его руки срывают мои леггинсы. Я тоже пытаюсь помочь ему, ну и тогда моя задница обнажается на открытом холодном воздухе, а штаны спущены до колен. Я чувствую сильное давления его члена на мою киску и расставляю бедра шире — столь широко, насколько моя одежда позволяет.

— Да, — выдыхаю. — Пожалуйста.

Тогда Вэктал толкается внутрь меня, он такой огромный, что у меня перехватывает дыхание. Кажется, я такая тесная, что чувствую каждый нарост его члена, когда он входит в меня. Но, Господи, это настолько чертовски хорошо, что я кричу. Мои пальцы царапают камень, отчаянно нуждаясь в чем-то, за что можно держаться. Но нет ничего. Есть только Вэктал и его член, который толчками погружается в меня.

Он входит все глубже, и тогда я чувствую, как что-то давит мне в зад, и думаю, что у колечка моих мышц та твердая шпора. На меня обрушивается целый ряд новых ощущений, что пронзают меня насквозь, и я прямо-таки подпрыгиваю на камне.

— Еще раз, — выкрикиваю я, когда он выходит из меня. — О, черт, сделай это еще раз!

Тогда он толкается в меня, и вместо того, чтобы тереться о мой клитор, шпора у основания его члена массирует вход в мою задницу. Ощущения от этого такие странные... немного чувствуется давление, и это необыкновенно возбуждает.

— Мы определенно добавим в наш репертуар позицию «по-собачьи», — говорю я ему, задыхаясь.

— Мой сладкий резонанс, — шепчет он. — Ты...

Что-то яркое вспыхивает в небе. Я замираю под Вэкталом, и, затаив дыхание, мы смотрим, как космический корабль, купаясь в огнях, парит в небе над горой. Он кружит, а затем зависает в небе над тем местом, где был сброшен старый грузовой отсек.

Где были оставлены мы.

Я не могу пошевелиться, в то время как наблюдаю за небом, ожидая увидеть, что произойдет дальше. Вэктал тоже замер, зависший надо мной и с членом глубоко внутри меня.

Создается впечатление, что корабль парит целую вечность. Затем огни выключаются, и он поднимается вверх и, мерцая огоньками, уходит за пределы атмосферы.

От облегчения я с трудом могу дышать.

— Они улетели?

— Кажется, что они не захотели мэтлаксов, — говорит Вэктал веселым голосом. — А ты, мой сладкий человек, с этого момента и до конца своих дней являешься частью этого мира.

Я касаюсь своей груди, где снова начинается вибрация, мое мурлыканье согласуется с мурлыканьем Вэктала.

— Я твоя навеки, ведь так?

— Навеки, — говорит он, в очередной раз глубоко толкаясь внутрь меня.

Он врзается в меня снова и снова, пока я не выкрикиваю свое освобождение. Быстро и жестко, в точности, как он берет меня, собственное освобождение Вэктала наступает лишь мигом позже. На этот раз, когда его семя извергается в меня, я не чувствую его тепла. Моя температура тела теперь выше, такая же, как и у него. Не совсем понимаю, как такое возможно, потому что высокая температура может навредить людям, но я подозреваю, что кхай внутри меня занят, переделывая разного рода генетические штуки, дабы удостовериться, чтобы у меня на этой новой планете была долгая, здоровая жизнь.

Вэктал поднимает меня с камня и тянет в свои объятия, ни на минуту не переставая целовать. Я смеюсь и целую его в ответ, а затем мы со спущенными штанами вместе падаем в снег.

Я шумно дышу, полностью удовлетворенная, но все еще внутри напеваю. Я смотрю в ночное небо, выискивая еще космические корабли, но все тихо.

К лучшему или к худшему, мы здесь. Я думаю, что это к лучшему. На самом деле, я знаю, что это к лучшему, потому что мужчина рядом со мной тянет меня к себе и начинает облизывать и покусывать мочки моих ушей.

— Я уверена, что нам обязательно надо все снова повторить, — говорю я ему затаив дыхание. — Мой кхай, кажется, не очень-то успокоился.

— Мне говорили, что он наиболее интенсивен в течение первых нескольких дней резонанса. После этого, мы будем в состоянии нормально ходить, — подшучивает он надо мной.

Ну, слава богу за это.

— Ну а теперь, что будет дальше?

— Дом. Наша общая пещера, — он касается моего живота. — Наш комплект, — его пальцы ласкают мой плоский живот. — Будем надеяться, первый из многих от спариваний человека с ша-кхай.

Для меня это... звучит превосходно. Я толкаю Вэктала на спину, отметив, что даже мое поврежденное запястье уже не так сильно болит, как раньше — видимо, работа кхай? Я улыбаюсь своему мужчине.

— Главное, чтобы ты не ушёл резонировать кому-то еще.

Он мрачно качает головой.

— Резонанс-пара только одна. Мы спарены на всю жизнь.

Мне очень нравится, как это звучит.

Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net